

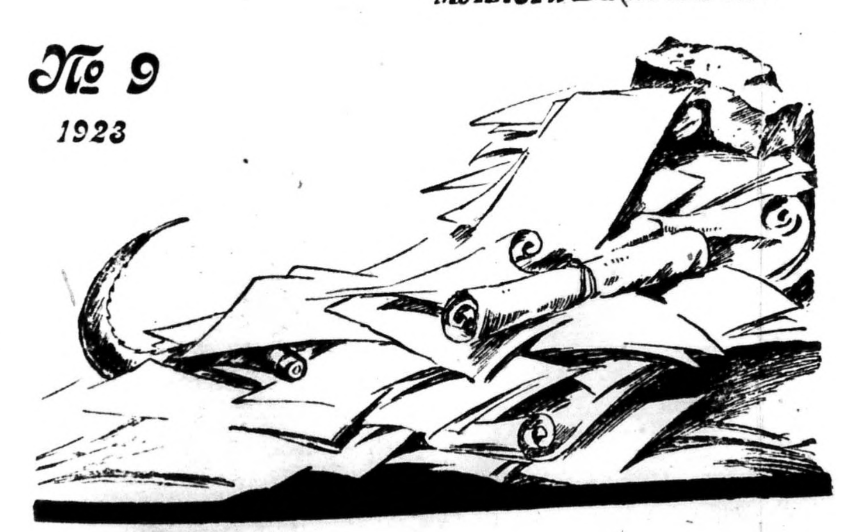
КРАСНАЯ ЛЕТОПИСЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПЕТРОГРАДСКОГО БЮРО КОМИССИИ по ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

№ 9

1923



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА . . . . 1923 . . . . ПЕТРОГРАД

Петроградское бюро комиссии по истории Октябрьской Революции и Российской Коммунистической Партии.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КРАСНАЯ ЛЕТОПИСЬ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 9



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА · · 1924 · · ПЕТРОГРАД



Гиз. № 6539. Петрооблит № 10699. 1 — 29/V — 1923 Отпеч. 6000 экз.

СОДЕРЖАНИЕ.

№ 9.

I. Статьи и воспоминания.

В ДНИ БОРЬБЫ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ.

1905-й ГОД, ЭПОХА РЕАКЦИИ И ПОДЪЕМА.

II. Материалы и сообщения:

СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ

БОЕВЫЕ ДНИ.

(Из воспоминаний.)

После мартовской революционной амнистии 1917 г. я вернулся в Петроград, поступил на Путиловский завод и одновременно начал работу в Нарвском райкоме Р.С.Д.Р.П. (большевиков) на правах рядового члена партии. В то время эсеры и меньшевики были, что называется, в большом «фаворе», в особенности на Путиловском заводе эсеровщина пустила глубокие корни среди более обеспеченных в материальном отношении высоко-квалифицированных рабочих, превозносивших эсеровскую партию и героев ее: Чернова, Спиридонову, Камкова и других, которые довольно часто появлялись на заводе.

В то же время в Нарвском райкоме Р.С.Д.Р.П. (большевиков) появился молодой человек с орлиным взглядом, в очках, в сером костюме, который при первом своем выступлении в райкоме невольно обратил на себя внимание простотой своей речи и ясностью высказываемой им мысли. Это был ныне покойный т. В. Володарский. Можно утвердительно сказать, что с момента его появления в Нарвском районе на Путиловском заводе почва под ногами господ эсеров начала колебаться, и в течение каких-нибудь двух месяцев путиловские рабочие пошли за большевиками.

К тому же и в ряды ячейки Р.С.Д.Р.П. (большевиков) на заводе стали вливаться новые члены из среды рабочих, и работа закипела.

Не лишним будет упомянуть про собрания на Путиловском заводе, происходившие в большинстве случаев в пушечной мастерской, где эсеры, анархисты и меньшевики в лице Каплана, Блейхмана и др. вступали с большевиками в единоборство, и достаточно было появиться на таких собраниях ныне покойному Володарскому и Гр. Чудновскому — победа оставалась за большевиками.

Как известно, на 10 июня 1917 года предполагалось выступить на улицу с целью смотра сил. Перед этим днем эсеры и меньшевики всячески запугивали рабочих, чтобы последние не шли на эту демонстрацию.

Здесь приходится отметить одну деталь предполагавшегося выступления на 10 июня.

Через несколько часов мы торжественно и весело подходили к вокзалу для следования в Петроград. На лице каждого из нас была радость.

Стали подавать вагоны, и через каждые полчаса эшелоны с победителями уходили в Петроград, а там в Петрограде к Царскосельскому вокзалу вышли для встречи воинские и рабочие организации. Несмолкаемое «ура» при каждой новой прибывающей части разносилось далеко по Загородному проспекту. Играл духовой оркестр. Выступали ораторы с приветствиями и поздравлениями. Кругом на всех лицах можно было видеть самое восторженное настроение. Только буржуазия злыми глазами смущения и испуга смотрела на все происходящее и не хотела верить, что эта масса солдат и рабочих навсегда сбила с себя цепи рабства.

Ив. Погодин.

РОДОСЛОВНАЯ ПЕТЕРБУРГСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ.

Как наша, так и заграничная — «белая» — литература обогащаются историческими исследованиями, при чем не последнее место в них начинают занимать вопросы происхождения невиданной до 1905 года формы боевого объединения рабочего класса, каковой явились Советы.

Однако, каждый из авторов, трактующих этот вопрос, как мне кажется, не свободен от субъективности и ищет зародыш организации Советов там, где ему по каким-либо соображениям желательно его найти.

Тов. Н. Бабахан в книге «Советы 1905 года» [1]) начинает свое исследование прямо с таких слов:

«Д. Сверчков в своей книге «На заре революции» [2]), описывая возникновение и работу Петербургского Совета Р. Д., говорит: «мы создали первый Совет Р. Д.», и в дальнейшем, несколько раз возвращаясь к этому вопросу, подчеркивает, что Петербургский Совет был первым Советом, возникшим в 1905 году и вообще в России (стр. 7). «Подобное утверждение, — продолжает тов. Бабахан,— является явным недоразумением, основанным, очевидно, па неосведомленности автора», — и доказывает, что первым Советом был не Петербургский, а Иваново-Вознесенский, существовавший с 12 мая по 27 июля 1905 года.

Для того, чтобы правильно разрешить вопрос первородства, прежде всего, конечно, надо точно формулировать, что понимать под названием «Совет».

Если «Советом» называть всякий стачечный комитет, возникавший во время забастовок на фабриках и заводах с целью провести борьбу организованно — безразлично, объединял ли такой стачечный комитет одну фабрику или завод или целую группу из одного района или города, то тогда дня рождения Совета придется искать еще в 90-х годах и, во всяком случае, его нельзя отнести к 1905 г.

Если Советом называть классовую организацию пролетариата, поставившую своей задачей революционный захват государственной власти и фактически приблизившуюся к своей цели, то тогда *первым* Советом бесспорно является Петербургский Совет 1905 года.

---

[1]) Изд. «Московский Рабочий», Москва, 1923 г.

[2]) Изд. Госуд. Изд., Москва, 1922 г.

Утверждение, что первым Советом Рабочих Депутатов был не Петербургский Совет, а Иваново-Вознесенский, получило довольно широкое распространение. Попробуем же на основании книги одного из наиболее энергичных защитников этой версии — тов. Бабахана — посмотреть, чем был Иваново-Вознесенский Совет, и найдем ли мы в его деятельности те признаки, которыми характеризуется Совет, как орган *власти* рабочего класса, как ныне признанная всем миром форма диктатуры пролетариата.

«Иваново-Вознесенский Совет, — пишет тов. Бабахан, — по мысли инициаторов должен был преследовать двоякую цель: 1) ведение всяких переговоров от имени бастующих как с хозяевами, так и с властями, 2) руководство стачкой» (стр. 8).

«Депутатов было избрано около 100 человек, и с этого времени Совет стал руководить стачкой, ведя все переговоры с властями, с предпринимателями, выпуская свои печатавшиеся на гектографе «Бюллетени» и т. д.». «Интересно отметить, что Совет никакого Исполнительного Комитета, как это было в Петербурге, Москве и других городах, не избрал» (стр. 9).

«По окончании пленума (Совета), обсуждавшего все вопросы, *связанные со стачкой*, начиналось общее собрание рабочих» (там же, курсив наш).

«Любопытно, что по вопросу о политической борьбе первоначально настроение рабочих было далеко не в пользу политики. Однажды один из ораторов закончил свою речь возгласом: «Долой самодержавие!» — это вызвало среди присутствовавших рабочих глубокое волнение, раздались крики: «довольно, не надо об этом», «мы не хотим политики, наша борьба экономическая» и далее в том же духе. Успокоить рабочих стоило после этого больших усилий» (стр. 10).

«25 июля Совет постановил через день прекратить забастовку в виду голода среди рабочих и имеющихся частичных уступок со стороны предпринимателей, как-то: увеличения заработной платы до 20%, отмены обысков, выдачи квартирных денег, санитарных улучшений, уплаты месячного оклада за время стачки и т. д. 27 июля, в день ликвидации стачки, Иваново-Вознесенский Совет Р. Д. самоупразднился...» (стр. 11).

Вот все, что повествует о деятельности Иваново-Вознесенского Совета Рабочих Депутатов тов. Бабахан и на основании чего он упрекает меня в неосведомленности.

Перечисленных строк вполне достаточно, чтобы признать в Иваново-Вознесенском Совете типичный стачечный комитет — не более. Никаких признаков, характеризующих Совет, как *орган борьбы за государственную власть*, в работе Иваново-Вознесенского Совета не содержится, да их и не могло быть при том условии, когда рабочих приходилось долго «успокаивать» после простого восклицания оратора: «долой самодержавие».

Мне могут сказать, что *я* напрасно ищу в деятельности Иваново-Вознесенского Совета тех признаков наличия *власти*, которые характеризуют собою 52 дня существования Петербургского Совета 1905 года, что май—июль 1905 г. для рабочих провинции, *только слышавшим* про 9 января 1905 года, и не могли быть той эпохой, какой явились октябрь и ноябрь 1905 года для петербургского пролетариата, что условия тогда были совсем не те, что экономическую стачку иваново-вознесенских рабочих нельзя равнять с всероссийской политической забастовкой октября 1905 года. Все это совершенно справедливо, но отсутствие этих именно условий в Иваново-Вознесенске в мае — июле и повлекло за собой тот результат, что не в Иваново-Вознесенске, а в Петербурге родилась *первая в мире* организация, создавшая собою новую эпоху и показавшая всем форму диктатуры пролетариата.

Допускаю, что название «Совет Рабочих Депутатов» впервые появилось в мае 1905 года в Иваново-Вознесенске и, может быть, оттуда было перенесено в октябре в Петроград, но название ничего не обозначает, ибо мы говорим о *содержании* понятия «Совет», а не об имени.

В вышедшей недавно в Берлине книге Вл. Войтинского «Годы побед и поражений» этот автор также занят изысканием происхождения Совета и указывает, что это имя было позаимствовано из практики московского движения в сентябре 1905 года (забастовка печатников) (стр. 146).

В сентябре 1905 года во время забастовки типографии, печатники Москвы действительно организовали «Совет депутатов типографских рабочих», но и этот Совет был только стачечным комитетом и дальше руководства забастовкой не пошел.

Версию о происхождении Петербургского Совета от московских типографских рабочих в свое время усиленно поддерживал Г. Хрусталев-Носарь, которого молва сделала организатором Петербургского Совета, тогда как он в первоначальной его организации никакого участия не принимал и впервые появился только на втором заседании Совета.

Хрусталев-Носарь играл какую-то роль в московской забастовке типографий. Желая подтвердить свою прикосновенность к возникновению и Петербургского Совета Хрусталев-Носарь говорит в своей статье в нашем сборнике «История Совета Рабочих Депутатов г. С.-Петербурга», написанном нами в тюрьме и вышедшем в 1906 году: «Стачечная революция родила Совет... Московский Совет депутатов типо-литографских рабочих не был при этом забыт»... (стр. 61).

Войтинский поддерживает Хрусталева-Носаря. Конечно, и это неправда. Если говорить о том, что октябрьская революция 1905 года, начавшаяся небывалой всеобщей забастовкой, натолкнула рабочих на мысль организовать свой «всеобщий стачечный комитет», что название свое «Совет Рабочих Депутатов г. Петербурга» получил только на втором своем заседании, что до тех пор он назывался просто «Рабочий Комитет», — то в этом есть значительная доля правды. Однако, я живо помню, что и само первоначальное название «Рабочий Комитет», который меньшевики призывали создать для того, чтобы он явился представителем нужд петербургских рабочих перед остальным обществом» и определил, «что нам делать во время забастовки и когда прекратить ее», — само название «Рабочий Комитет» — повторяю *я*, было выбрано сначала с *намеренным*

пропуском слова «стачечный». С первого дня его существования стало ясно, что задачи его далеко выходят за пределы тех функций, которые свойственны стачечному комитету и которые предполагались меньшевиками.

И на сцену в первое же после завершения организации Совета заседание появились резкие *политические* требования: о вооружении петербургского пролетариата и т. п.

Исследования о происхождении Совета заводят некоторых очень далеко. Меньшевик Зборовский, написавший в указанном раньше нашем сборнике под псевдонимом Кузовлев статью, договорился до того, что описывал комиссию сенатора Шидловского, учрежденную царем после 9 января, и говорил: «Соедините все отделы комиссии, к чему призывала с.-д. и что стремились делать выборные, — и перед вами Совет...»

Эти слова Кузовлева почему-то считает необходимым цитировать тов. Бабахан.

Дальше у тов. Бабахана есть ссылки на «предметные уроки» в деле организационного строительства рабочего класса. Он указывает на зубатовские общества («Совет рабочих механического производства»), на Гапоновское «Общество русских фабрично-заводских рабочих», на «Собрание уполномоченных», созданное в июле 1905 года в Одессе помощником Зубатова Шаевичем, и т. д.

Никто никогда не отрицал, что революция пользуется всякими организациями для своих целей, являющихся зачастую совершенно неожиданными для созидателей того или иного «общества». Но искать происхождение «Петербургского Совета Рабочих Депутатов» по признаку слова «Совет» неосторожно.

Вл. Войтинский в своей книге «Годы побед и поражений», конечно, приложил все усилия к тому, чтобы показать, что Петербургский Совет вовсе не являлся *органом власти* рабочего класса. Не имея возможности подробно остановиться на его рассказах, отмечу только наиболее бьющую в глаза неправду.

18 октября 1905 г. многотысячная толпа подошла к зданию Рождественских курсов, где заседал тогда Петербургский Совет Рабочих Депутатов, и потребовала, чтобы Совет принял на себя руководство манифестацией.

Вл. Войтинский пишет:

«Руководители Совета были против этой затеи, опасаясь, что дело кончится бесплодным кровопролитием» (стр. 170).

Это совершеннейшая неправда. Совет вынес без прений постановление стать во главе манифестации, выбрал троих «главнокомандующих» — тов. Троцкого, Кнунянца и Хрусталева-Носаря, которые и стали впереди шествия. Вл. Войтинский объясняет шествие манифестации к университету тем, что тов. Троцкий, Кнунянц и Хрусталев повели толпу не к тюрьме для освобождения арестованных, а в кварталы, где можно было манифестировать сравнительно безопасно» (стр. 170).

Мы шли по всему Невскому, через Николаевский мост, для соединения с огромнейшей манифестацией, собравшейся у университета, оттуда вышли опять на Невский и пошли по Литейному к дому предварительного заключения. Хороши «безопасные кварталы»!!. Я помню, когда мы вышли с Лиговки на Невский — перед нами открылся во всю ширину пустой от движения проспект, перерезанный поперек цепью войск... Мы шли вперед и не знали, раздастся ли через секунду команда офицеров, заставляющая солдат взять винтовки к плечу, и не будем ли мы встречены градом пуль... «Безопасные кварталы»!! Я не знаю, в каких «безопасных кварталах» был в то время Вл. Войтинский, но я знаю, что члены Совета ни о чем никогда не думали так мало, как о своей личной безопасности.

Далее. Приводя резолюцию Совета о манифесте 17 октября, в которой Совет в день появления манифеста на свет характеризовал его, как лживый, ничего не стоящий документ, и постановил продолжать забастовку, Вл. Войтинский говорит, что «Совет отражал настроения выдвинувшей его массы, а это настроение было 18 октября таково, что лучше всего характеризовалось трубными звуками, победными песнями, — хотя бы и далекими от действительности» (стр. 178).

Из самой приведенной Вл. Войтинским резолюции Совета ясно, что никакой речи о победе не могло быть, что рабочий класс Петербурга готовился к новой, более ожесточенной борьбе, и только буржуазия ликовала, получив руками революционных рабочих законодательную думу и мечтая о дальнейшей своей «мирной творческой» работе в направлении порабощения рабочего класса.

Вл. Войтинский вообще гораздо более показывает себя знакомым с настроением обывателей, чем рабочей среды. Обыватели, — говорит он,— «уже 19 октября... ничего доброго от Совета не ожидали» (стр. 175).

Совет, действительно, не сделал ровно ничего, чтобы успокоить обывателей. Он, наоборот, своими действиями все более и более внушал им страх, ибо разубеждал их в надежде, что революция уже закончена, и все, к чему стремились, добыто. Чаяния обывателей, естественно, не совпали с целями рабочего класса.

Вл. Войтинский дошел до того, что утверждает, будто после отмены Советом траурной демонстрации 23 октября большевистский Комитет дал директиву своим агитаторам проводить на рабочих собраниях резолюции порицания Совету!.. (стр. 192). Ничего подобного, конечно, в действительности не было, — по крайней мере я никогда ничего такого не слышал.

Описание работы Петербургского Совета у Вл. Войтинского пропитано желанием развенчать его, умалить его значение, свести его на мелкий эпизод революционной борьбы. Можно было бы шаг за шагом опровергнуть его рассказы и утверждения, но, не думаем, что этим стоит серьезно заниматься. Остановимся только еще на нескольких его заявлениях, крайне характерных для автора.

Борьба за 8-часовой рабочий день. Принята соответственная резолюция. «Когда резолюция была принята при шумном энтузиазме собра-

ния, — рассказывает Вл. Войтинский, — неожиданно раздался из рядов депутатов горестный возглас:

— Что же мы делаем, товарищи? С самодержавием не покончили, а уже за капитализм принимаемся?

«Эту тревогу разделяли почти все интеллигенты, входившие в Совет или стоявшие близко к нему»... (стр. 218).

Здесь и сказался квалифицированный меньшевизм автора, заставляющий его порочить Совет. Сначала самодержавие, — а потом капитализм.

В том-то и дело, что рабочий класс России не пошел по меньшевистскому рецепту, а в один 1917 год свалил и самодержавие и капитализм, попытавшись неудачно совершить эту же операцию в 1905 году и научившись из своего тогдашнего поражения способам победить...

Был ли Петербургский Совет Рабочих Депутатов 1905 года органом *власти?*

Меньшевики, будучи противниками власти Советов, стараются, конечно, доказать, что первый Петербургский Совет власти не имел и к ней не стремился.

Ты и живых бранишь людей,
Да и покойников порочишь... —

вспоминается эпиграмма Пушкина по адресу известного в его время писателя-реакционера Фаддея Булгарина.

Тов. Л. Д. Троцкий в цитированном мною выше нашем сборнике, изданном в 1906 году, под свежим впечатлением о работе Совета, законсервированным к тому же нашим долгим одиночным заключением, в статье своей «Совет и Революция» писал:

«Сущность Совета состояла в том, что он был или стремился стать *органом власти*... Совет осуществлял власть, поскольку она уже фактически была в его руках; он непосредственно боролся за власть, поскольку она оставалась в руках военно-полицейской монархии. До Совета мы находим в среде промышленного пролетариата революционные организации, в подавляющем большинстве социал-демократические. Но это — организации *в пролетариате;* их непосредственная цель — борьба *за влияние на массы.* Совет есть организация пролетариата; его цель — борьба *за революционную власть*» («История Совета Р. Д.», стр. 9).

Вл. Войтинский, бывший в 1905 году большевиком, оспаривает в 1923 году изложенную т. Троцким точку зрения, которую сам приводит в своей книге и характеризует, как «господствовавший в то время среди советских деятелей — *меньшевиков* — взгляд на природу Совета». Скажу в скобках: хороши *меньшевики,* точку зрения которых чисто по большевистски формулировал т. Троцкий, и великолепны *большевики* подобные Вл. Войтинскому, ее опровергающие...

Вл. Войтинский пишет:

«В чем проявлялось осуществление власти Советом? В том, что в дни забастовки его слово могло остановить или пустить в ход любое предприятие. Эта власть распространялась исключительно на рабочих и ограничивалась лишь одним вопросом — бастовать или работать. Но *такую* власть в *каждой* забастовке осуществляет руководящий движением орган, — будь-то стачечный комитет, профессиональный союз или биржа труда. А вне этих пределов не было ничего, что можно было бы признать за «осуществление власти». Ибо требуется слишком пылкое воображение, чтобы усмотреть «осуществление власти» в ночном захвате десятком вооруженных людей типографии для отпечатания очередного номера «Известий» или в вынесении резолюций, или в издании воззваний, или в выдаче пособий безработным» (стр. 270—272).

Вл. Войтинский, конечно, не обладает «пылким воображением» (за исключением может быть того случая, когда он говорит о том, что был когда-то большевиком). Наличие пылкого воображения совершенно и неуместно у историка.

Какое удивительное мужество нужно иметь в деле обращения с фактами, чтобы снизить работу Совета 1905 года до перечисленных Войтинским рамок!

«В дни забастовок его (Совета) слово могло остановить или пустить в ход любое предприятие». Во-первых, в дни забастовок (октябрьской и ноябрьской), которые были всеобщими, останавливать уже забастовавшие предприятия было бы странным. Во-вторых, «дни забастовки» определял сам Совет и не по отношению к отдельным предприятиям, а ко всей совокупности жизни Петрограда и даже всей России. В-третьих, — *и* в этом выражалась *власть* Совета, что он мог остановить или пустить в ход такие «любые предприятия» как *все* железные дороги России, все фабрики и заводы, трамвай, электричество, конторы и т. д. Петрограда.

Захват типографий для отпечатания «Известий» — это лишь эпизоды из деятельности Совета. Но и тут интересно, что офицеры, командовавшие воинскими частями, занявшими электрические станции во время всеобщей забастовки, *по приказу Совета* пускали в ход станцию и отпускали электрическую энергию в указанную Советом типографию для печатания захватным путем очередного номера «Известий». Как будто бы и здесь есть наличие *власти* Совета...

А *исполненные* отдельными министрами требования Совета, например, об открытии закрытых правительством казенных заводов? А *исполненное* председателем совета министров графом Витте требование Совета отменить смертный приговор военно-полевого суда над железнодорожниками на станции Кушка Средне-Азиатских ж. д.? А распоряжение Советом всей телеграфной сетью России в то время, когда царь и правительство его лишены были возможности пользоваться телеграфом, и граф Витте для передачи его телеграммы по назначению обратился с просьбой к Совету? А свободное сообщение по железным дорогам, имевшееся у Совета во время всеобщей железнодорожной забастовки? А выемка населением всей России из сберегательных касс по приказу Совета своих вкладов, выразившаяся в сумме 90 с лишним миллионов рублей золотом, при чем эта сумма соста-

вилась из грошей, ибо богачи никогда не держали в сберегательных кассах своих денег? А освобождение полицией и жандармами арестованных по требованию Совета? А многое множество других примеров беспрекословного исполнения *государственными* и частными организациями и учреждениями приказов Совета? Это ли не признаки власти, переходившей фактически к Совету от царского правительства? И напрасно Вл. Войтинский объясняет «ехидством» замечания «Нового Времени» о наличии двух правительств в Петрограде: «законного» — царского,— которого никто не слушается, и «незаконного» — Совета, — которому все повинуются. Старый лакей самодержавия А. С. Суворин далек был от «ехидства», которое спустя 18 лет усмотрел в его статье Вл. Войтинский.

Дальше Вл. Войтинский пускается в совершенно фантастические рассуждения, которые можно объяснить разве только его страстным желанием притянуть за волосы Петербургский Совет 1905 года к нынешней меньшевистской идеологии. Он пишет (стр. 173):

«Совет *боролся за установление революционной власти, но он ничем не обнаруживал притязаний стать носителем* этой власти (курсив везде Войтинского *Д. С.*). Он мыслил революционную власть, как власть всенародную, вышедшую из всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, — эта точка зрения ясно выражена во всех его политических резолюциях. Другими словами, Совет стремился к установлению *народовластия*, но отнюдь *не к захвату власти*».

В подстраничном примечании Вл. Войтинский сам, очевидно, смущенный категоричностью своих заявлений, оговаривается, что «при ином обороте событий в Совете *могло бы* появиться стремление стать органом власти» (курсив мой *Д. С.*).

Приведенные мною факты из области действий Совета, как органа *власти*, не оставляют сомнений, что рассуждения Вл. Войтинского построены на скверном песке меньшевистской заготовки 1922 — 1923 годов.

Совет не отказывался от существовавшего тогда во всех программах всех революционных партий лозунга созыва учредительного собрания. Но весь размах работы Совета, все направление его деятельности ясно показывает, что «при ином обороте событий» — как выражается Вл. Войтинский, т.-е. при победе революции, Совет стал бы неизбежно временным правительством России, правительством революционного пролетариата, захватил бы власть целиком в свои руки, а тогда, вероятно, серьезно подумал бы над тем, стоит ли делиться этой властью с кем бы то ни было, нужно ли созывать учредительное собрание или — лучше — вместо него созвать Всероссийский съезд Советов...

Уже в ноябре 1905 года Петербургский Совет начал получать постановления Советов из разных городов России о том, что в области всероссийских революционных выступлений они подчиняются директивам Петербургского Совета и будут ждать его распоряжений. В связи с этим возникла мысль о созыве съезда Советов, и для организации этого дела были командированы в другие города члены Совета Зборовский и «Степан Голубь» (Н. Н. Глебов-Путиловский [1]). Петербургский Совет правильно учел рост своего влияния и огромную роль, которую суждено сыграть Советам в революции.

Власть Петербургского Совета росла с каждым днем, и он, естественно, предпринял первые шаги для того, чтобы организационно связаться с другими Советами России, вызвать их к жизни там, где они еще не образовались, и создать Всероссийскую пролетарскую власть на съезде Советов России.

Вл. Войтинский объясняет эти шаги Петербургского Совета... его слабостью, в связи с которой Исполнительный Комитет его вынужден был «с энергией отчаяния искать вне Петербурга опоры для стремительно идущего на убыль движения»!!! (стр. 267). Дальше итти, кажется, некуда...

Итак, мне кажется, должны быть раз навсегда рассеяны все неясности. История всей революции говорит с неопровержимостью, что Петербургский Совет Рабочих Депутатов 1905 года *первый* поставил перед собою целью захват государственной власти в руки рабочих, первый подошел к осуществлению этой цели и, таким образом, явился первым предвозвестником Советской власти, восторжествовавшей в 1917 году. Вот почему утверждение о том, что Петербургский Совет явился *первым* Советом по содержанию *понятия* «Совет», не может подлежать ни малейшему сомнению, и все те, кто ссылается на одинаковое с Советом, организованным в Петербурге в октябре 1905 года, название других, ранее возникавших, рабочих организаций, делают историческую ошибку.

Дм. Сверчков.

---

[1]) Н. Глебов-Путиловский с первого момента раскола Р. С.-Д. Р. П. (1903 г.) и до 1917 г. был «рабочим объединенцем». В 1917 — 1918 г.г. был одним из организаторов и основателей «единой рабочей партии», которая затем вошла в ряды Р. К. П. (б).

Редакция.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ.

(1903—1912 г.г.).

Впервые я познакомилась с петербургской революционной молодежью на «литературных вечерах» кружка самообразования, в течение двух зим, 1903—1904 г.г., собиравшегося в квартире моей сестры на 15 линии Васильевского Острова. Здесь читались рефераты на всевозможные темы, начиная от Ницше и кончая марксистской литературой. Помню споры между сторонниками Михайловского и марксистами, которых было большинство.

Из работ этих вечеров особенно мне врезался в память один доклад приехавшего из Парижа доктора Никитина, который необыкновенно ярко передал речь известного анархиста Фора, подчеркнув антимилитаристские тенденции Фора. Этот доклад возбудил споры между марксистами и анархистами.

Лучшие из этой молодежи, с которой приходилось сталкиваться на этих вечерах, были уже тогда социал-демократами.

Из них: 1) Бруно Гофман, бывший уже агитатором в одном из рабочих районов, позднее принимал участие в Свеаборгском восстании, счастливо избегнул смертной казни и бежал за границу; 2) Дмитрий Наранович (партийная кличка «Касьян»), один из инициаторов северной организации учащихся, работавший как агитатор на вагоностроительном заводе «Речкина» (за Московской заставой), принимавший самое активное участие в партийной работе. В 1922 году он был редактором местной газеты в Оренбурге. Был одним из самых выдающихся профессионалов-революционеров, имел огромное влияние на всех товарищей; 3) Александр Васильевич Коробов, более известный под кличкой «Овод» [1]), работал в Выборгском районе. Он был человеком необыкновенной душевной чистоты, железной воли, с большой эрудицией. Он имел и оказывал на товарищей огромное идейное

[1]) Помню по своей партработе, что в 1908 году в Петербурге под кличкой «Овод» работал в Выборгском районе с.-д. организации, имевший большую популярность в рядах революционных с.-д. рабочих, студент профессионал-партиец интеллигент, и был арестован не то в конце 1908 г., не то в начале 1909 г. Фамилии его не знаю. *Георгий Шидловский.*

влияние. Его некролог с фотографической карточкой передан мной в Музей революции в Петрограде.

Вспоминается мне еще: 4) тов. Радецкий, друг «Овода», так же, как и тов. Коробов, студент С.-Петербургского университета, социал-демократ, давший очень много нашей организации. Он был химик, и его специальностью было снабжать товарищей паспортами. По его паспортам многим товарищам удавалось проживать и в Петербурге и в других городах России. По ним же справляли партийных работников и за границу. Радецкий был командирован университетом за границу, в Лондон, для усовершенствования в специальности.

Выдающимся товарищем был еще 5) Петр Семенович Петренко, ближайший товарищ и сотрудник Коробова. Родом из Ростова на Дону, пылкий южанин, Петренко энергично работал в Петербурге. Он был высылаем, вместе с Коробовым, несколько раз на север. Был всегда убежденным меньшевиком, каковым и остался.

...Приближался 1905 год (свои воспоминания о некоторых событиях этого года я уже помещала в «Петроградской Правде»).

Все вышеуказанные товарищи были активными участниками в революции 1905 года. После подавления этой революции наш кружок, значительно поредевший, так как были аресты, высылки и т. д., стал вести углубленную революционную работу.

К периоду 1906—1909 г.г., если память мне не изменяет, относится моя переписка с одной из заграничных партийных групп; с какой из групп, я хорошенько не помню, помню только, что чуть ли не до 1915 года, правда, с большими перерывами от «независящих обстоятельств», происходила моя переписка с жившими в Париже товарищем Грищенко и эмигрантом-украинцем Бендзя. Адрес его дал мне кто-то из наших товарищей для связи с заграницей. Впоследствии я узнала, что он был членом организации «Спилки». Эта переписка сыграла для всей нашей организации большую роль, так как заграничная с.-д. литература у нас получалась с огромными перерывами, а через него нам удалось наладить довольно аккуратное получение заграничной литературы; она присылалась заклеенная в переплетах разных учебных пособий и др. книг. Думаю, что, благодаря тому, что я жила на квартире моей сестры, городской учительницы, и сама была учительницей, долго ни в ком не возбуждало подозрения то, что на мой адрес получались изредка из-за границы книги и картины.

Нелегальная литература была также искусно вклеена в картины по естествознанию, а раз и в переплет томов «Полового вопроса» Августа Фореля.

По большей части я получала «Социал-Демократ», «Голос Социал-Демократа», листовки.

Помню, что в последний раз я получила эту литературу, в момент, когда за мной была усиленная слежка охранки, пришлось скрыться в Финляндию и пробыть там долгое время, под видом больной, в одной из санаторий.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ РЯДОВОГО ПАРТИЙНОГО РАБОТНИКА.

(1904—1922 г.г.).

В 1904 году я работал [1]) токарем по металлу на Обуховском заводе в Петрограде. Первые прокламации, в распространении которых я участвовал, были по поводу убийства эсерами фон-Плеве. В ночную смену на заводе я часто участвовал на рабочих сходках, как слушатель, а также стоял во время их на стреме (страже). Эти «крамольные» сходки устраивались в укромных уголках завода. Группа сознательных рабочих предлагала мне посещать беседы и вне завода, но так как я жил на расстоянии трех верст от завода (в Муравьевском переулке, рядом с Александровским паровозо-вагонностроительным заводом), — мне неудобно было посещать эти сходки.

У меня были знакомства с рабочими заводов Александровского и «Атлас». Рабочие здесь, узнав, что мне обуховцы усиленно предлагают посещать с.-д. беседы, предложили мне с своей стороны посещать с.-д. собрания, происходившие в помещении Смоленских вечерних курсов. В числе предлагавших были, как вспоминаю, — тов. «Терентий» из завода «Атлас», тов. «Никита» и тов. Андрей Петров из Александровского завода. Двое первых теперь не члены Р. К. П., а участь последнего мне неизвестна.

В конце 1904 года (в октябре-ноябре) я начал посещать с.-д. групповые занятия (ядра). Понемногу мне стало ясным, что мои знакомые обуховцы — рабочие были меньшевики, а александровцы — большевики. Итак, благодаря расстоянию от моего местожительства до сходок, я сделался приемным учеником большевиков.

До конца 1904 года партийная работа у нас особо не проявлялась, если не считать ожесточенных споров с меньшевиками в нашей мастерской на Обуховском заводе; эти споры почти всегда оканчивались нашим поражением, ибо большевиков было мало на Обуховском заводе, а в нашей мастерской их было 2 — 3 человека. Обуховские рабочие были тогда под

[1]) Родился в январе 1886 г., финн.

Редакция.

влиянием меньшевиков, в особенности, эсеров, с которыми мы в полемику не пускались.

Когда начались январские забастовки (в 1905 году), нас, большевиков, рабочих Обуховского завода, позвали на совещание, которое происходило недалеко от вагонных мастерских Николаевской жел. дороги. На этом совещании нас, обуховцев, пробрали за то, что мы медлим примкнуть к общей забастовке. Когда мы обещали начать забастовку на следующий день, на совещании в свою очередь пообещали послать на Обуховский завод 1 — 2 товарищей, посторонних, как застрельщиков.

На другой день мы провели прибывших агитаторов в мастерскую и с группой в 6 — 8 товарищей начали останавливать моторы и машины, свистеть и призывать к окончанию работы. Бросали болты и гайки в тех рабочих, которые не кончали работу. В результате Обуховский завод забастовал.

Выйдя из завода, рабочие пошли выгонять работниц Карточной фабрики. Сперва карточники чуть не избили нас, но потом все-таки, при помощи там работающих партийных товарищей, удалось и их присоединить к забастовке.

До февраля или марта 1905 года я работал в партийном отношении на Обуховском заводе, как распространитель подпольных прокламаций и будировал совместно с другими партийными товарищами рабочую массу, посещал кружковые занятия и сходки, на которых спорили с обуховскими меньшевиками с помощью партийных товарищей «александровцев».

Вскоре я был уволен из Обуховского завода за участие в итальянской забастовке и работал потом 2 недели токарем по металлу на ткацкой фабрике Паля. Был уволен и оттуда и перешел на завод «Атлас» кажется в марте месяце 1905 года.

У «Атласа» мы организовали с.-д. кружок. В него вошли, ныне находящиеся в рядах Р. К. П. товарищи Иван Кондратьев [1]), Ровио [2]) и несколько других товарищей, которые либо умерли (например, товарищ «Ангелок», или «Херувим», умерший на каторге), либо их участь мне неизвестна.

Активное участие в забастовках и выступлениях с различными требованиями по адресу заводчика, привели меня к увольнению из завода «Атлас» в марте или в апреле 1906 года. Квартира, где я проживал, служила в то время местом явок для интеллигентов — партийных работников из города.

Вскоре после моего увольнения из завода «Атлас» я был избран секретарем Александровского партийного подрайона.

Летом 1906 года я поступил на завод «Крейтон», где проработал около двух месяцев. Здесь я работал по очистке завода от черносотенной организации. Мы вывезли на тачке двух мастеров и трех рабочих — черносо-

[1]) Ныне заведует отделом управления Петроградского Губисполкома.

[2]) В февральскую революцию 1917 г. Ровио был в Гельсингфорсе «красным полицмейстером».

Я проработал на Гильзовом заводе с 1910 по 1917 год закальщиком. В мае 1917 года прочитал я в газетах, что требуются служащие, владеющие финским языком, для работ в дружинах «Технопомощи». Пошел туда—приняли. И с 15 мая 1917 г. по 1 марта 1918 года я проработал в должности переводчика и заведующего рабочим отделом в Финляндии и в Лифляндской губернии, откуда, при наступлении германских войск, я бежал и приехал в Петроград, а в январе 1918 года опять свалился в постель в плеврите. Чуть поднялся с постели, то сейчас же встал на работу на пост комиссара службы тяги Финляндского железнодорожного участка с 1 июня 1918 года. «Комиссарил» до упразднения комиссаров жел.-дор. службы в связи с присоединением участка Финляндской жел. дороги к Николаевской жел. дороге.

Похоронив отца и мать, подал заявление о принятии меня в ряды членов Р. К. П. через финский коллектив станции «Петроград» Финляндской жел. дор. Не знаю причин, но в течение почти года не мог добиться результатов принятия меня в ряды партии. Вторично подал заявление о вступлении в ряды партии в конце февраля 1920 года и, наконец, в августе 1920 года стал членом Р. К. П. (б.).

Работать в указанном коллективе было тяжело, так как в нем шли частые раздоры и прочее. В марте 1921 г. я был вынужден отказаться от железнодорожной службы по состоянию своего здоровья. С мая 1921 г. стал работать в Белоостровской волости, Петроградского уезда, последнее время исполняя обязанности волостного партийного работника (агитатора, организатора, секретаря волостного партийного комитета) и члена уездного комитета партии, проводил различные агитационные и иные кампании, принимал участие в политико-просветительной работе в волости, организовывал спектакли и народные празднества, проводил политические часы, словом, делал и делаю то, что требуется от каждого волостного партийного работника.

С 1 января 1922 года совмещаю с партийной работой в волости учительство в народной школе в селе... [1]).

Генрих Равелин. (*«Генрих Иванов»*).

---

[1]) Приложения к этой статье см. в отделе «Материалы и Сообщения» в этом № «Кр. Лет.».

ЭПОХА РЕАКЦИИ В ПЕТРОГРАДЕ [1]).

(1907 — 1910 г. г.).

Первое наступление русских рабочих в 1905 году на твердыни царизма оказалось разбитым. Слишком серьезные причины сложились для того, чтобы движение, открывшее колоссальные перспективы перед рабочими массами России, оказалось неуспешным. Как ни сильно волны революции затрагивали деревню, как ни будоражил ее вопрос о возможности получения земли и разрешения, таким образом, земельного голода, все же основное ядро армии оставалось верным царизму и защищало его не за страх, а за совесть. Армия по преимуществу состояла из крестьянства, и одной из причин поражения первой революции 1905 года является недостаточно крепкая и устойчивая связь между городом и деревней, между рабочим пролетарским движением и крестьянскими массами. Деревня не поддержала героической борьбы рабочих, и это дало возможность правительству справиться с первой революцией.

1905 и 1906 г. г. были временем революционного наступления, когда казалось, победа близка и возможна, когда пролетарские организации шли еще в наступление на царизм. Последующие годы—1907 вплоть до 1910 г.—являлись годами упадка, реакции и постепенного распадения рабочего революционного движения. Этот процесс мы можем проследить на состоянии петроградской организации Р. С.-Д. Р. П., которая являлась, несомненно, наиболее мощной организацией, больше всего подготовленной к руководству рабочими массами, к революционной борьбе и к жизни в подполье.

1907 год.

С самого начала 1907 г. можно наблюдать один разгром за другим, причем все они носили крайне тяжелый характер для партии. Богатейший материал в этом отношении дают архивы бывшего департамента полиции, а ныне Историко-революционного архива. Там в особом отделе за 1907 г. в деле № 5, ч. 51 мы находим характеристику тогдашнего положения

---

[1]) По материалам Петроградского Ист.-рев. архива.

и богатейшие данные о постепенном разгроме Петроградской организации. 1907 год в жизни Петрограда начался с разгрома крупных складов литературы. 11 января охранное отделение произвело налет на склад «Безопасность» по Забалканскому пр. и захватило там около 200 пудов литературы, что оказало сильное влияние на снабжение литературой, главным образом, провинции. 14 января начальник выборгского жандармского управления доносит об аресте Константина Курселя и Георгия Мажникова с изданиями Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. До этого 10 января с избирательной платформой Ц. К. задержаны были в Белоострове Татаринов и В. С. Полетаев. 26 января арестованы Леонид Зимин и Иван Глаус, перевозившие 11 пуд. «Пролетария». Тем не менее работа продолжалась, и в это время такие факты являлись только отдельными эпизодами в жизни организации, которые нисколько не подрывали ее работы. В будущем, действительно, работа организации зачастую подрывалась разгромами складов, но в начале 1907 г. это были только неизбежные этапы борьбы.

Общее состояние работы в начале 1907 г. характеризуют следующие два письма активных работников организации, перехваченные департаментом полиции.

Первое из этих писем говорит о партийной конференции, имевшей место в начале 1907 г.: «На-днях закончилась конференция. Меньшевики были в меньшинстве и ушли с конференции. Удивительно не любят оставаться в меньшинстве. Ц. К. (в это время состоявший в большинстве из меньшевиков) требовал разделения конференции Петроградской организации на две: городскую и губернскую, словом, требовал конференции не организации, а избирательных округов. Такое требование было в категорической форме заявлено только накануне конференции.

Конференция отказалась исполнить требование Ц. К., как незаконное, и меньшевики ушли. Нужно сказать, что разделение конференции на городскую и губернскую не дало бы меньшевикам большинства. Губернская безусловно, городская вероятно. Ждут, что в Питере теперь возможен полный разрыв. Дело выяснится на втором заседании конференции, как поступят меньшевики. Не придут, как это было на III съезде, или придут, как было на конференции, созванной для разрешения вопроса о кадетском министерстве. Держались меньшевики возмутительно. Например. Дан называл Ленина сапожником за то, что тот прошел совершенно неожиданно для меньшевиков от сапожной фабрики».

Не менее интересно и второе письмо о работах конференции, которое также удалось перехватить департаменту полиции: «Совещание, которое началось с заявления, сделанного т. Лениным о конференции, состоявшейся в Петрограде 12 января. После краткого обсуждения сообщения Ленина, собрание большинством голосов выразило одобрение отношению Ленина к конференции меньшевиков.

Тов. Ленин сказал следующее: «Уже со времени 1903 г., когда на II партийном съезде возник вопрос о централизации деятельности партии и когда часть т. т. с Мартовым во главе настаивала на изменении тактических приемов и на предоставлении большей самостоятельности периферии организации, большинство усмотрело весь явный вред подобных приемов и настаивало на оставлении в силе существовавшей тогда партийной политики. К несчастью, убеждение меньшевиков не было поколеблено в корне, а разногласие создало положение, при котором накануне окончательной победы над царским правительством приходилось тратить силы на партийные споры вместо того, чтобы дружным натиском опрокинуть и добить врага, потерявшего все свои позиции. Момент слишком остр для того, чтобы останавливаться на истории. Выборная кампания близится к концу, и нам необходимо принять решительные меры. Эти меры представляются мне так: большевики оказались в данный момент в меньшинстве. Несмотря на кажущийся раскол социал-демократов с так называемыми прогрессивными партиями, фактическое соглашение фракции меньшевиков с кадетами состоялось. Конечно, об этом ничего не знают в официальных сферах. Соглашение на кандидатах состоялось, и разве только в Петрограде и Москве не пройдут кандидаты с.-д. Да и то сомнительно, ибо сильно говорят о каких-то внепартийных, которые, конечно, окажутся меньшевиками. Это и понятно, если принять во внимание огромное влияние партии в рабочей курии. Посчитаться в Петрограде придется исключительно в Спасском участке, где больше всего избирателей из союза приказчиков, крепко отстаивающих единственно правильную точку зрения большевиков.

Но суть не в обеих столицах. Суть в провинциальной России, где отношения упрощены и где, вероятно, в последнюю минуту выступят сильные кандидаты в лице меньшевиков и еще того более—эс-эров. Мы остаемся за флагом, и мне думается, что это произойдет не на пользу общему делу революции.

Нельзя упускать из виду, что, уступая напору меньшевиков, находящихся несомненно под влиянием испугавшихся кадетов, мы целиком отграничились от группы максималистов, как бы то ни было державших в страхе правящие классы. Мы приостановили действие наших боевых организаций, предоставив широкое поле деятельности партии эс-эров, мы даже не санкционировали отдельных выступлений наших боевиков, считая их партизанскими. Все это приведет к тому, что вторую Думу разгонят, как разогнали первую. Все это должно сослужить нам службу, в том смысле, что общество узнает, каких плодов можно ожидать от Столыпиных, идя к намеченной цели путями примирения и соглашения с буржуазными партиями. Общество поймет, что единственный путь спасения — это политический переворот, а революционный народ поймет, где его истинные друзья и где враги. Я предлагаю выпустить воззвание, в котором следует выяснить точку зрения большевиков на создавшееся положение и на единственный путь разрешения вопроса,—насильственные действия с уничтожением врагов народа.

На-ряду с этим необходимо подготовить материалы к предстоящему съезду партии и все решения вынести уже освещенными авторитетом съезда. Я стою за самые радикальные средства и меры, как единственно целесообразные».

Тов. Ленину горячо возражали. Сущность возражений сводилась к тому, что революционный народ слишком устал от беспрерывной трехлетней борьбы, что сильным врагом революционных действий является изголодавшаяся семья, что домочадцы будут сами препятствовать всеобщему вооруженному выступлению и что без этого выступления нечего и говорить о конечном результате. Всецело поддерживая идею управления действиями революционных масс центральными революционными организациями, почти все присутствовавшие констатируют ослабление этих масс, целиком ушедших на борьбу с предпринимателями, под эгидой Столыпина организующими локауты, несомненно, отнимающие у рабочих все завоевания пролетариата.

Пролетариат ждет помощи сейчас именно с этой стороны. Его не разуверить, что Дума создаст приемлемые условия борьбы с эксплоатацией трудящихся масс. И в этом сила меньшевиков и кадетов, опутавших социал-демократическую фракцию. С этим необходимо серьезно считаться, и при всем желании создать возможно скорый переворот нельзя итти напролом. Несомненно предстоящий съезд должен сыграть очень важную роль в истории борьбы. Он будет очень авторитетен, в особенности, если в нем примут участие и иностранные товарищи, уже оказавшие много услуг русской революции. Конечно, время и место съезда должны оставаться строго конспиративными вплоть до его окончания. Тогда можно будет выступить во всеоружии, ибо только на съезде можно будет спокойно обсудить настоящее положение вещей и изыскать способы наиболее успешно действующих мер и средств. Главное только—съезд может дать необходимые для борьбы денежные средства. Что касается террора, то он почти неизбежен сейчас, так как с царским правительством на другом языке разговаривать не приходится. Самая система террора должна быть изменена. Выработка средств борьбы не подлежит, разумеется, обсуждению здешней конференции. Это все дело боевой организации партии.

Настоящая конференция должна разобраться в тех мерах, какие должны быть приняты сейчас в виду создавшегося положения. Раз меньшевики, именующие себя социал-демократами, играют двойственную роль, с одной стороны, явно презирая именующие себя левыми буржуазные партии, а, с другой стороны, входя с этими партиями в различные явные или тайные соглашения, дискредитирующие идею социал-демократического учения, большевики, как чистые социал-демократы, обязаны всячески подчеркивать свое полное отрицание к подобной тактике. Подчеркивание должно выражаться в возможно гласной критике всяких неправильных действий упомянутой фракции и в устройстве митингов, на которых агитаторы большевиков должны выяснять те положительные стороны истинного социал-демократического учения, исповедуемого только фракцией большевиков, в усиленной пропаганде на фабриках и заводах, среди войска и флота. П. К. и М. К., находящиеся во власти большевиков, великолепно знают, что в настоящее время Петроградский и Московский районы подчинены влиянию не социал-демократов, а эс-эров. Выборы уполномоченных от рабочих и крестьян Петроградской и Московской губерний окажутся в данном случае слишком показательными. Надо спасать позиции и действовать в высшей степени энергично. Пропаганда среди войск армии и флота должна вестись не эксцентрично, а сосредоточенно. Военная организация партии должна сосредоточить все усилия на тех частях войск, где уже работали агитаторы, и до поры до времени не распространять агитации на более или менее широкие круги, дабы хорошо подготовить определенные боевые единицы. Состоящие сейчас под влиянием партии войсковые силы отнюдь не представляют внушительной боевой единицы, если даже к ним присоединятся распропагандированные меньшевиками и эс-эрами офицеры и нижние чины армии и флота. Конференция не имеет права замалчивать таких фактов, ибо замалчивание поведет к печальным повторениям Свеаборга, Кронштадта и Дашлагера.

Особенно сильные прения вызвал вопрос о практическом применении террора. За время после разгона первой Думы, говорила эта часть конференции, Россия вернулась в то состояние, когда только террор действителен. Казни Игнатьева, Павлова, Лауница, последовавшие быстро одна за другой, с одной стороны, подняли дух революционного пролетариата, полагавшего было, что центр организации разгромлен, а, с другой, заставили сильно призадуматься Столыпина. Правительство закрыло все пути словесной борьбы, остается один путь — террор.

Защитникам этого метода возражали, что, хотя в принципе фракция большевиков, как искренно-революционная, не может не признавать идеи революционных мер и средств борьбы, но нельзя не считаться с фактическим положением вещей. Надо помнить, что Ц. К. состоит из меньшевиков, и они ни в коем случае не санкционируют подобного образа действий. Придется рассматривать П. К. и М. К., как организации, работающие самозванно. Это совсем не партия, а потому всякий отдельный террористический акт до тех пор, пока на съезде не будет вырешен вопрос о вреде двух фракций, следует рассматривать как партизанское выступление, не освещенное авторитетом центрального органа. Большинство склонилось в сторону последних предложений, и в этом духе была принята резолюция, которая наметила следующие основные вехи поведения.

«Никакие соглашения с буржуазией недопустимы, террористические акты не могут считаться результатом распоряжения центрального органа, съезд необходимо созвать в самом непродолжительном времени, на съезде разобраться в новых средствах борьбы, немедленно развить усиленную пропаганду среди революционного пролетариата и войск, концентрируя арену деятельности, приступить к организации периодических изданий партии в России и за границей».

Таковы данные, характеризующие работу конференции и ближайшего периода после нее. Разумеется, они ни в коем случае не могут рассматриваться, как официальный отчет конференции. В значительной степени они окрашены индивидуальными взглядами автора, который передает лишь то, что ему самому приходилось наблюдать во время этих конференций.

Это не бесспорный документ, характеризующий работу пролетарских организаций в это время, а один из штрихов, позволяющий нарисовать общую картину.

Дополнением к приведенным уже письмам является письмо еще одного из участников конференции т. Андрея. Он пишет о том, что на конференции было 43 большевика и 28 меньшевиков. Представитель Ц. К. хотел разделить конференцию и для города составить конференцию из 20 большевиков и 23 меньшевиков. Когда это не удалось, меньшевики ушли, и конференцией были приняты большевистские постановления.

«Затем меньшевики собрали свою конференцию и решили пойти на соглашение с кадетами, эн-эсами и проч. П. К. большевиков предложил эс-эрам выступить совместно и распределить 3 места рабочей курии следующим образом: 1 социал-демократ, 1 эс-эр и 1 трудовик. Ответа пока нет. Было собрание большевиков, где Николай, Войтинский и Абрам заявили, что надо агитировать за соц.-демократию, не выставляя своего списка. Атмосфера скверная, грызня и дрязги».

Центром всех споров в это время был вопрос о выступлениях на выборах. Кадеты и меньшевики запугивали в это время всех, выдвигая опасность так называемой «черной сотни». Они указывали, что голоса могут разделиться, и в результате этого в Думу проскочат контр-революционные, черносотенные элементы. Эта опасность, как показали на самом деле выборы во вторую Государственную Думу, была мало реальна. Тем не менее борьба развернулась весьма широко, причем особенно резко выступил т. Ленин. Он выпустил брошюру под заглавием «Выборы в Государственную Думу и лицемерие 31 меньшевика».

Появление этой брошюры вызвало сильное движение воды в меньшевистском болоте. Она была весьма определенной, ставила все точки над i, и меньшевики не могли не реагировать. В результате этого Ц. К., который в большинстве состоял из меньшевиков, вынес постановление о предании партийному суду т. Ленина и опубликовал следующие мотивы этого: «Ц. К. находит, что брошюра т. Ленина «Выборы в Гос. Думу и лицемерие 31 меньшевика» дает повод к назначению над ним партийного суда (за — 9 чел., 1 воздержался). С своей стороны Ц. К. вносит на рассмотрение суда следующее заявление: «Ц. К. констатирует, что в брошюре «Выборы в Гос. Думу и лицемерие 31 меньшевика», подписанной, т. Лениным, содержится прямое обвинение 31 члена Петербургской организации в том, что они вступили в переговоры с кадетской партией «для продажи кадетам голосов рабочих» и что «меньшевики торговались с кадетами, чтобы протащить своего человека в Думу, вопреки рабочим, при помощи кадетов». Ц. К. констатирует, что появление подобного обвинения в печати, особенно накануне выборов, должно внести смуту в ряды пролетариата, подвергая заподозреванию политическую честность членов партии, и будет использовано для борьбы с социал-демократией врагами пролетариата.

Находя, что подобные выступления недопустимы для членов партии, Ц. К. вносит образ действий т. Ленина на рассмотрение суда (8 за, 2 воздержавшихся).

Ставится вопрос: 1) подлежит ли это постановление опубликованию; — решено — подлежит, как и все очередные документы Ц. К.

2) Партийный суд по поводу брошюры конструируется следующим образом: т. Ленин и 31 меньшевик назначают по 3 представителя, Ц. К. назначает президиум из 3 лиц, причем предлагается избрать этих лиц (по одному) из Ц. К. Польши, латышской соц.-демократии и Бунда».

Будущее показало, что в этом споре был прав т. Ленин, так как меньшевики изменяли, стократно предавали интересы пролетариата, заключали всевозможные договоры и соглашения с представителями кадетской партии и этим самым подтверждали те серьезные обвинения, которые были против них выдвинуты представителем большевистского крыла.

Работа партии в общем и целом продолжалась вполне успешно, несмотря на известную реакцию; все еще казалось, что предстоят огромные выступления, серьезнейшие битвы на фронте борьбы с царизмом. 31 января был опубликован порядок дня очередного, как потом оказалось Лондонского съезда, которому было суждено сыграть видную роль в жизни соц.-демократии. Первоначально этот порядок дня был построен следующим образом: 1) отчет Ц. К., 2) ближайшие политические задачи, 3) Гос. Дума, 4) законодательство правительства по аграрному вопросу, 5) партизанские выступления и боевые дружины, 6) организация рабочих— рабочий съезд, советы и пр., 7) партия и профсоюзы, 8) организация думской фракции, 9) национальный вопрос и 10) организационный вопрос и разное.

В работе организации были неизбежны известные удары, которые вырывали из рядов партии известное количество сил. Так, например, в ночь с 3 на 4 февраля 1907 г. была захвачена типография на Подрезовой ул. в д. № 23, кв. 22. В ту же ночь был произведен обыск в столовой университета, где было найдено и конфисковано большое количество нелегальной литературы, что нанесло удар партии. Однако, это была только подготовка к тем ударам, которые впоследствии посыпались на партию, в связи с крупной провокацией, охватившей ее верхи.

В феврале 1907 г. заведующий заграничной агентурой Гартинг писал Трусевичу в департамент полиции о том, что в заграничной агентуре уже несколько лет «в качестве члена заграничного центрального бюро соц.-демократической партии работает Ростовцев». Такой была его охранная кличка, а настоящая его фамилия, как это впоследствии выяснил разбор охранных документов, — Житомирский.

Ныне, как сообщает Гартинг, провокатор собирается в Россию и должен объехать с партийными поручениями Петроград, Москву, Киев, причем у него будут рекомендации Луначарского, Балабановой, Валлаха и др. партийных деятелей. В заключение Гартинг просит дать средства, которые вознаградили бы провокатора за его плодотворную работу, и в качестве цифры указывает 400 — 600 руб., причем подчеркивает, что все донесения Ростовцева всегда отличались особой точностью и по ним можно было наносить серьезнейшие удары революционному движению.

Судя по дальнейшему, санкция департамента полиции была дана, и Житомирский поехал в объезд важнейших городов. Первое его письмо относится к 1 марта 1907 года. Его сообщения, разумеется, грешат известными преувеличениями, неточностями и прочими дефектами, но все же он дал основные нити, по которым можно было произвести разгром верхушек социал-демократической организации. В эпоху реакции это были первые указания, которые были особенно широко использованы департаментом полиции.

В первом письме Житомирский писал, что в Петрограде работают следующие лица: «Никитич» — Л. Б. Красин, «Орловский» — Воровский, редактор «Вестника Жизни» и «Нового Луча». В состав редакции входят Лейтайзен, Гольденберг, Радомысльский, П. П. Румянцев, С. А. Суворов, Войтинский («Сергей Петров») и Ленин. В Куокалла у Лейтайзена живет Ленин с женой и Богданов, там же Левит-Левитин и Александр Цейтлин.

В качестве легальной возможности, большевики используют книгоиздательства, среди которых на первом месте стоит издательство Бонч-Бруевича, в котором работает он сам и его жена Величкина. Кроме перечисленных лиц живет в Петрограде и Раиса Лемберг (кличка Вера), работающая на Выборгской стороне, Владимир Шанин и Бубнов. Явка организации происходит в Технологическом институте, где ежедневно бывает Елена Дмитриевна Стасова, Надежда Константиновна Ленина, Виктор Николаевич Крохмаль-Загорский, представители районов и проч. Меньшевики издают «Новый Мир», которым заведует Келофатти и Нончев. Там же работает Вейцман, приятель Крохмаля.

Согласно тем сведениям, которые удалось собрать Житомирскому, партийный съезд должен состояться в промежуток времени между 1 и 10 апреля, причем он будет происходить за границей и на нем будет около 200 — 250 человек. Деньги для организации съезда собирают и меньшевики и большевики. «Есть надежда, — заканчивается письмо, — что на съезде примет участие агентура, которая будет располагать двумя мандатами».

Кроме этого письма, имеются еще и другие письма, которые характеризуют еще более подробно состав верхов организации и дают о ней более полное представление. В письме от 6 марта (27 февраля) 1907 г. перечислены те рекомендации, с которыми Житомирский поехал в Россию. Он заручился явками к Н. М. Глаголеву, Дану в «Новый Мир», А. Н. Колонтай, Негореву, Загорскому (Виктор Крохмаль), Лидии Канцель, Ольге Николаевне Руттенберг, в Гельсингфорсе к Смирнову.

От Луначарского он захватил рекомендации к Гржебину, Бонч-Бруевичу, П. П. Румянцеву и Гольденбергу, от Валлаха к Л. Красину, поручение от Каутского и Розы Люксембург к Ленину, Дану и Мартову, от Носкова он получил рекомендации в Иваново-Вознесенск с предложением, чтобы его выдвинули в качестве представителя на съезд в ряду четырех других депутатов.

Кроме того он имел явку к Рожкову и Финну-Енотаевскому [1] в Москву, которые к тому времени уже успели оттуда уехать. Наконец, к Орловскому у него была рекомендация от польского социал-демократа Трусевича (Залевского).

Для передвижений внутри России у него был паспорт на имя Шимарского, при чем Петроград и Финляндию он посетил в начале марта. С этого момента и начинаются крупнейшие провалы в среде большевиков. 23 (10) марта 1907 г. он сообщает о целом ряде складов соц.-демократической литературы легальной, полулегальной и нелегальной, которые ему удалось проследить. Такие склады имелись у Глаголева, в «Знании» (Дешевая библиотека), у Руттенберга, Попова, в «Новом Мире», у Бонч-Бруевича, Титяевой и др.

У меньшевиков в «Русской Жизни» работал Дан, Мартов, Потресов, Смирнов, Балабанов, Мартынов, Аксельрод, Макс Иоффе, Волькенштейн, Александр Коган и Фельдман.

Из нелегальных изданий большевиков он указал на «Пролетария», который, по его сообщению, для виду печатается в Выборге, в матрицах ввозится в Петроград и здесь печатается в количестве 10 — 25.000 экземпляров. Центральный склад большевистской литературы имеется в квартире Лукашевича (Петроградская сторона, Большой пр., д. № 28, кв. 79), в Ц. Б. профсоюзов работает Давид Гольденбах (Парнесов) и Серебряков-Гольдман. Явка, как уже указывалось в прошлом письме — в Технологическом институте, причем пропускают туда по паролям, которые меняются ежедневно. Бывает около 600 человек-работников. Здесь же происходят собрания Ц. К., П. К. и райкомов. Кроме указанных в предыдущем письме лиц, бывают там нелегальный, живущий по паспорту Джемса, и многие другие.

Эти обстоятельства сыграли чуть ли не решающую роль в жизни Петроградской организации. Департамент полиции получил руководящие нити, мог установить гораздо более серьезную слежку и приступить к целой полосе разгромов, которые постепенно уничтожали организацию. Все в боль-

[1] Тов. Финн-Енотаевский был в это время одним из активнейших работников Петроградской организации, принимал живейшее участие в жизни Петрограда и думской фракции, вырабатывая многие выступления делегатов и т. д. К началу войны он постепенно отошел от работы партии. Он дополняет этот обзор именами следующих товарищей, принимавших участие в работе Петрограда: доктор Попов или Свиаген, работавший в 1906 — 1910 г.г. под кличкой Брейтман (погиб во Франции во время империалистической войны), Тихон Иванович Попов, Н. Н. Крестинский, Н. Д. Соколов, Козловский, Крыленко — Абрам (деятельно проводивший университетскую забастовку в 1908 г.), Ив. Ив. Бибиков, Турутин, Ал. Ив. Свидерский и др.

Кроме того от времени до времени наездами в качестве члена Ц. К. бывал Алексей Иванович Рыков, в 1910 — 1911 г. были Гусев и покойный Свердлов.

Само собою понятно, что обзор, составленный мною, не может претендовать на полноту, и многие живые участники этих событий смогут его дополнить и расширить, причем в лучшем случае он может послужить канвой, восстанавливая, по официальным данным правительства, фактическое течение событий.

шей степени департамент полиции становится в курсе дел партии; очень быстро после партийных конференций, которые происходили по преимуществу в Финляндии, в департаменте полиции получались точнейшие отчеты о заседаниях.

25 марта состоялась очередная партийная конференция в Териоках в Народном Доме. На ней присутствовало 136 человек (91 большевик и 45 меньшевиков). Председательствовал на ней Ленин, Алексинский, Рожков [1]) и Аполлонов. На конференции было представлено 6778 организованных членов партии, причем работа в сравнительно спокойной обстановке дала возможность сконструировать исполнительные органы, которым и было поручено ведение очередной текущей работы. Для сношений с думской фракцией выбраны т. т. Ленин и Рожков.

Следующее донесение, касающееся жизни Петроградской организации, относится к половине апреля. Тогда происходила конференция, посвященная, главным образом, вопросу о проведении 1 мая. Она и наметила основные лозунги, под которыми должно протекать празднование. В качестве таковых выдвигалась неурезанная программа партии, амнистия для политических заключенных, борьба против царского бюджета, борьба за понижение цен и помощь безработным, которых в это время имелось очень много и которые особенно сильно страдали от тяжелых условий застоя в работе промышленности. С другой стороны, выработаны лозунги для воззваний, издаваемых по поводу 1 мая: учредительное собрание и демократическая республика. Та же конференция решила устроить в районах митинги, на которых будут присутствовать представители социал-демократической думской фракции.

Через несколько дней после этого—17 апреля охранное отделение проследило типографию Ц. К. на 3 Рождественской в д. № 46 и захватило ее, причем были арестованы Мария Гончарова, Павел Клеманский, Бирюков и Рабинович. К этому же времени относится и усиленная слежка за т. Лениным, адрес которого в Финляндии указал тот же Житомирский, при чем тогда же было дано предписание департамента полиции захватить т. Ленина. Это предписание не было выполнено только из-за отъезда Владимира Ильича.

С мая по июль работа протекала почти нормально без крупных провалов. В начале июля, как известно, произошел разгон второй Государственной Думы, и это повлекло за собой колоссальные разгромы и удары, которые отразились весьма существенно на общем положении партии, подрывая в полном смысле слова ее деятельность. Об этом свидетельствует письмо Надежды Константиновны Владимиру Ильичу, в котором она пишет: «У нас дела плохи; во фракции на-днях провалилось 47 чел. (Мирон, Никольский, Евгений, Рязанов, Иорданской, Волна и др.). Преимущественно меньшевики,

[1]) Рожков в свое время играл очень видную роль в Петрограде. Затем он отошел от большевистской организации, вошел в меньшевистскую партию, из которой ушел в 1923 году.

но есть и большевики, например самарский делегат и кое-кто из рабочих. Ни в Питере ни в Финляндии нельзя никаких собраний устраивать. В Финляндии требуют паспорта и прописку для всех. Питерцы сидят без денег, без литературы, которая вся проваливается, без людей.

В Москве провалился последний член Областного Бюро Данило с печатью, и Областное Бюро перестало функционировать. В общем в Москве сплошной провал. Владимир тоже сел. Вчера получили оттуда письмо от наших; это те, что арестованы у Андротянца. Их, вероятно, выпустят, ибо ничего не найдено и обвинений не предъявляется. Носкова тоже выпустят, надо думать, на-днях. С ними установлены правильные сношения. Назначили они исполнительную комиссию на время своего отсутствия и вообще обо всем позаботились. Денег пока нет. Если бы т. Ц. и К. помогли, можно было бы кое-что сделать. Завтра вам навстречу выезжает Герман. На-днях раздобудем пару тысяч (вчера уже получено 3.000 р.) Н. просит пока не печатать этого отчета, что я вчера вам выслала. Это необходимо в конспиративном отношении».

Однако, это было только началом тех разгромов, которые посыпались на организацию в связи с разгоном Гос. Думы. В течение 2—3 дней были проведены крупнейшие аресты, которые должны были уничтожить организацию. Помимо обысков, на квартирах была захвачена явка, которая происходила в польской студенческий столовой (Забалканский, 20). Во время этого обыска задержано было около 130 человек, последствиями чего явилось отсутствие на конференции 6 членов П. К., около 30 членов общегородской конференции и представителей военной организации. Если учесть предшествующие обыски, то результаты оказываются такими, что было захвачено 9 членов П. К., вся боевая организация (около 45 чел.), несколько членов военной организации и 50 представителей, выбранных на обще-городскую конференцию.

Несмотря на это, обще-городская конференция состоялась, причем на ней был поставлен единственный вопрос о том, как реагировать на разгон Государственой Думы и арест социал-демократической фракции. Согласно донесению о конференции, поступившему в департамент полиции, на ней присутствовало в Териоках 80 чел. с решающим голосом и 17 с совещательным. Председательствовали на конференции Николай (Коновалов), Назар и Огнев. По единственному вопросу, поставленному в порядке дня, о борьбе против реакции, связанной с разгоном Государственной Думы, решено было к забастовке не прибегать, а ограничиться только изданием воззвания. Относительно члена Городской Думы Алексинского, который не был захвачен полицией при разгроме фракции, решено было, чтобы он уклонился от ареста, так как его привлечение к суду не изменит сути дела и не внесет новых штрихов.

Таким было официальное донесение охранного отделения о конференции, которая должна была реагировать против разгона Государственной Думы. Этот официальный документ не дает представления о тогдашнем положении и условиях работы. Это делает в высшей степена характерное

письмо от 6 июня в Саратов (на имя Прохоровой) одного [1]) из активных работников организации, члена П. К. и городской конференции. В этом высшей степени характерном письме он пишет: «Порт-артурским солдатам служба во время осады считалась месяц за год; если бы у нашего брата была какая-нибудь выслуга, то, вероятно, дни последней недели считались бы нам каждый день за месяц. Счастливый вы человек, что уехали как раз в субботу, и совершенно напрасно вас тянуло в Питер. Полный разгром организации и почти полная апатия пролетариата—вот в двух словах сущность совершившегося за неделю вашего отсутствия. Не буду забегать вперед и сообщу последовательно все, что произошло. Может быть, вы помните, что в воскресенье я собирался уехать на три дня на дачу, чтобы отдохнуть и набраться сил на лето. В воскресенье утром, я узнал из «Правительственного Вестника» о разгоне Государственной Думы и, хотя этого можно было ожидать с минуты на минуту, я все-таки в первую минуту был ошеломлен, и перед мною, как, вероятно, перед каждым революционером, опять неотступно встал тот проклятый вопрос, что и при разгоне первой Думы, что делать, как реагировать. День, проведенный среди «колбасников», быстро охладил меня и привел к окончательному убеждению, что начинать что бы то ни было сейчас чистейшее безумие.

Для характеристики настроения укажу вам, что в собрании правления союза минут пять поговорили о манифесте, отпустили несколько словечек по адресу автора манифеста, а затем совершенно спокойно стали говорить о взносах, библиотеке, анкете и т. д. Мало того, когда собрался кружок, по просьбе правления, я туда должен был пойти и говорить... о профсоюзе. Самое грустное то, что слушатели совершенно не понимали противоестественности подобной темы в день разгона Думы. Если таково было отношение организованных рабочих, то что же говорить о массах? На улице никакого оживления; я ходил по улицам, наполненным рабочими, ездил на конке, всюду прислушивался к разговорам и не уловил и тени серьезного интереса к совершившемуся coup d'état (государственному перевороту). В полном убеждении, что разгон Думы пройдет совершенно спокойно и произведет даже гораздо меньше впечатления, чем разгон первой Думы,—я спокойно уехал на дачу, дабы на досуге прочитать протоколы IV съезда и поразмыслить о судьбах российской революции. В понедельник неожиданно получаю телеграмму; с первым поездом лечу в Питер, думая, что П. К. измыслил что-нибудь великое, и надо приводить это в исполнение.

Первое же известие, которое я получаю в Петрограде далеко не утешительного свойства: арестован Арсений. К нему явились ночью с воскресенья на понедельник с распоряжением произвести обыск, и независимо от результатов обыска, арестовать. Арсения дома не было, и он был арестован впоследствии, когда явился домой. Получив это известие, я в первую минуту совершенно растерялся; помимо того, что я потерял последнего

[1]) Установить автора по делам департамента полиции не удалось.

близкого человека из оставшихся в Питере, у него была масса связей, он должен был наладить собрания на эти дни, вести всякие переговоры—все это значит осталось оборванным на полдороге.

Во вторник вечером я только благодаря счастливой случайности узнал, что на этот день будет конференция; встретил на улице мою «приятельницу» секретаршу, которой я на этот раз обрадовался, как отцу родному. С трудом удалось добыть 4 из наших конферентов, и к $11\frac{1}{2}$ часам мы, наконец, попали на конференцию. Грустная картина выяснилась тут. Как будто бы саранча налетела на нашу организацию и основательно истребила ее. Страшные провалы были по квартирам в ночь с воскресенья на понедельник и в столовой на Забалканском, где, как вы, вероятно, знаете из газет арестовано 193 «обедавших». Арестованы: Фома, Ингул, Павел (Петр), Мария Николаевна, наш Вася и множество районных работников и чуть ли не все секретари. В результате создалось такое положение: в Петроградском районе ни одного работника, в Василеостровском тоже, в Сенгальском и Резинкинском подрайоне тоже, в Выборгском ни одного большевика, в Московском один. Относительно других районов точно не знаю, но думаю, что этих данных достаточно, чтобы судить о степени разгрома. Ничего подобного в Питере не было никогда с 1905 года. У эс-эров разгром еще больше, если это только возможно. Взят почти весь их П. К. и целый ряд районных комитетов. Дошло до того, что представитель их П. К. официально заявил представителю нашего П. К., что у них сейчас в Питере не только организации, но и связей нет совершенно. Что это так, я мог убедиться сам: например, у Копцеля, где, как вы знаете, эс-эры царствовали безраздельно, уполномоченный эс-эров заявил, что теперь мы сами ничего делать не можем—как решает соц.-демократы, так мы и поступим, далее, на районную конференцию пришел самый влиятельный эс-эр от Речкина с просьбой разрешить ему послушать, что делается у соц.-демократов, так как своей организации у них совершенно нет. Это, конечно, не исключение, а только характерные примеры.

Возвращаюсь к обще-городской конференции, созванной для разрешения вопроса о тактике социал-демократии в связи с разгоном Думы. Доклады по районам выяснили, как и следовало ожидать, неутешительную картину. Представители большинства заводов говорили: настроение несколько приподнятое; если будет всеобщая забастовка, если в ней примут участие железные дороги и если эта забастовка будет преддверием к вооруженному восстанию, то наш завод забастует. Вам, я думаю, ясно, что если настроение действительно революционное, то рабочие забывают обо всяких «если», прямо и решительно бросают работу. Ничего подобного нет в данном случае. Правда, с 2—3 заводов сообщили, что все готовы хоть завтра итти на баррикады, но зато были известия и совсем противоположного характера.

Представители военной организации сообщили, что у них страшно мало связей, что после последнего разгрома и отъезда многих работников организация еще сильнее ослабела, что кое-где, правда, еще есть брожение

среди солдат, но в общем за сочувствие Петроградского гарнизона революционному движению поручиться ни в коем случае нельзя.

После докладов был сделан перерыв и устроены фракционные совещания. Тут произошло событие, которого не было в истории Р. С. Д. Р. П. с 1903 г.: ни мы ни меньшевики ни к какому соглашению по коренному вопросу минуты—бастовать или нет—не пришли и при общем обсуждении прения и голосования совершенно не носили фракционного характера. За забастовку говорили, с одной стороны, меньшевики из Ц. К. (Костров и др.), с другой стороны, Николай, Диспянец, Михаил (рабочий-большевик) и др. лидеры П. К. Против забастовки, с одной стороны, Вячеслав, т., вновь превратившийся в Петра, Землячка и др., с другой стороны, Назарий и К-о. Словом, полное смешение языков. Сторонники забастовки говорили: необходимо оказать отпор обнаглевшей реакции и показать ей, что пролетариат готов к борьбе. Необходимо приучать пролетариат к активности, к реагированию на всякое крупное историческое событие; мы не знаем, чем кончится забастовка, но все мы хотим вооруженного восстания. Оно может явиться только как результат известного процесса. Быть может забастовка и будет первым шагом этого процесса. Если же мы будем бояться всяких выступлений, то вооруженного восстания никогда не будет. Нам нечего смотреть на настроения по всей стране, так как петроградский пролетариат должен быть застрельщиком, и на него будет смотреть, за ним следовать вся страна. Наконец, некоторые выдвигали этический довод: мы обещали в своих низах поддержать Думу и особенно социал-демократическую фракцию и теперь позорно не исполним своего обещания.

Противники забастовки отвечали (и на мой взгляд вполне резонно): прежде, чем начинать забастовку, мы должны дать себе ясный отчет в том, к чему она приведет; мы можем действительно провести в Петрограде приличную забастовку, которая продержится 3—4 дня, и затем, как в июле прошлого года, погибнет. Время демонстративных забастовок прошло: они могут привести только к окончательному разгрому организации и разочарованию рабочих в социал-демократии, как было в прошлом году, к еще большему понижению настроения и, следовательно, к еще большей реакции. Говорить же о забастовке не демонстративной, т.-е. переходящей в вооруженное восстание, при нынешнем настроении широких масс, очевидно, не приходится. Вячеслав, как свидетель, рассказывал о настроении в Москве перед восстанием и сравнивал его с теперешним настроением. Петр по обыкновению острил, что теперь провести приличную забастовку—это вещь совершенно неприличная, а ставить вопрос на этическую почву из чувства долга перед депутатами (жертвовать им трехдневный заработок)—еще более неприлично для социал-демократии.

Прения были очень жаркие; на этот раз никто не спал. Все чувствовали ответственность за то или иное решение вопроса. В конце концов была принята 48 против 32 и 7 воздержавшихся резолюция Вячеслава и Петра, гласящая, что немедленная забастовка не объявляется; существующее настроение должно быть использовано в смысле доведения масс до сознания необходимости вооруженного восстания; вместе с тем Ц. К. должен выяснить настроение в городах и деревнях Российской Империи и тогда окончательно определить дальнейшую тактику. По предложению одного боевика и при протестах меньшевиков принята поправка о необходимости не только агитационной, но и технической подготовки к вооруженному восстанию. Фактическое значение резолюции—*отказ от забастовки в ближайшем будущем.*

Работа, конечно, окончательно стала. Те собрания, которые устраиваем, помимо того, что нет людей, которые могли бы вести деловые прения, страшно трудно проводить по полицейским условиям. Районная конференция чуть-чуть не провалилась, и только благодаря хорошо поставленным патрулям мы успели из-под носа полиции разбежаться. Митинги по полицейским условиям окончательно невозможны. Слежка идет отчаянная. Какое должно создаться настроение, когда кругом рушится все, с таким трудом созданное, рвутся с таким трудом завязанные связи, попадают за решетку товарищи—судите сами».

Разумеется, это письмо окрашено известным индивидуализмом; в нем чувствуется упадочное настроение самого автора, но оно в высшей степени характерно, свидетельствуя о той невероятно тяжелой обстановке, которая создалась в Петрограде в связи с разгромами, которые шли, не останавливаясь, один за другим. Чувствовалось, что организация действительно разваливается, что ей наносят такие удары, от которых она уже не может оправиться, по крайней мере, в течение ближайших месяцев. Об этом же свидетельствует письмо т. Александры Бронштейн от 29/VII 1907 г., в котором она говорит: «Работа не ведется; это прогулка по району; рабочие совершенно не собираются, никто не работает».

В то же самое время полиция усердно вылавливала последние следы рабочих организаций. В записке охранного отделения от 17 июля № 18652 говорится об обыске на Невском Судостроительном заводе. Охранное отделение получило известие о том, что на заводе имеется оружие и воззвания, и в результате в ночь с 14 на 15 июля был произведен обыск, причем в ящиках рабочих найдена литература, оружие, патроны, печати и пр. (Василия Мазолина, Наполеона Пушпеля, Петра Макарова, Степана Палова, Викентия Друто, Владимира Парфирьева, Егора Москвина, Василия Петрова, Михаила Агафонова, Григория Железнякова, Сергея Скачкова, Степана Яковлева, Пушкарева, Матвея Фирсова, Семена Силинского, Михаила Матвеева, Михаила Лебедева, Николая Иванова (красный флаг с надписью: «Да здравствует 8-часовой рабочий день», «Долой постоянную армию»), Жукова, Ивана Баранова, Александра Иванова, Блюмберга, Ивана Трофимова, Латышева, Егора Ильина, Андрея Скорокина, Ефрема Клестова, Петра Дьячкова, Реброва, Артемьева, Панова, Александра Егорова, Делике, Лупехина, Ситникова, Ильи Ляпунова, Сергея Скачкова, Ивана Захарова, Ивана Никулина, Зайцева, Сухова, Ивана Капитанова и Петра Санова).

Полиция на нескольких возах должна была увезти захваченную сю литературу, причем временно был арестован только один Фирсов.

Это был уже организованный поход на рабочие организации, имеющий в виду полный их разгром и захват тех источников, откуда рабочие получали революционные издания.

Партийная работа в это время шла в полном смысле этого слова под бдительным наблюдением и надзором со стороны полиции. Почти о каждом шаге организации полиция была хорошо осведомлена, знала о том, что готовится, имела точнейшие отчеты о партийных конференциях. Так, например, о всероссийской партийной конференции, происходившей с 21 по 23 июля 1907 г., в делах департамента имеется точный отчет. На конференции присутствовало 26 делегатов с решающим голосом, которые распределялись следующим образом: 5—от центральной области, 3—от Кавказа 2—от северной области, 1—от юга, 1—от Донской области, 5—от Польши, 5—от Бунда, 2—от латышской соц.-демократии и 2—от Урала.

Главным вопросом, который был поставлен на конференции, являлся вопрос об участии в выборах в третью Государственную Думу. Голоса поделились, причем большинство — 15 человек — высказалось за участие в выборах, так как нет массового движения, которое могло бы привести к открытым выступлениям и открытой борьбе. В таких условиях надо использовать Думу в качестве агитационной трибуны. Относительно соглашения принято постановление, что партия не вступает ни с кем в соглашение на первой стадии, а при перебаллотировках допустимы соглашения с партиями левее кадетов. В рабочей курии возможны соглашения только с национальными социал-демократическими организациями.

Остальные сообщения, касающиеся этого года, свидетельствуют о том, как постепенно сжимался круг наблюдения за рабочими революционными организациями, что, в свою очередь, вело к ликвидации целого ряда партийных учреждений. Так, например, 8 августа начальник петроградского жандармского управления сообщает о захвате в доме статского советника Докукина по Фурштадтской ул. склада литературы. Этим складом заведывал сын домовладельца Константин Докукин, который был арестован при обыске и который поспешил «раскаяться» и выдать все то, что ему было известно—работу железнодорожного района, явки и т. д., сообщил данные относительно Алибея-Сапотницкого и других.

Дальнейшая работа протекала в полном смысле этого слова под еще более бдительным наблюдением охранного отделения. В начале сентября была созвана конференция в Териоках для выбора нового П. К. и обсуждения вопросов о выборах в Государственную Думу. На другой же день после ее открытия департамент полиции имел точные сведения о течении ее работ. Президиум конференции состоял из Григория (т. Зиновьев), Ингульского (Гомберг) и Николая Выборгского (Коновалов). П. К. был избран в составе Войтинского, Алексея (из профсоюзов), Суворова от Московского района), Дмитрия и Глеба от Нарвского района, Ингульского и Авдеева от Городского района, Всеволода и Михаила Томского от Вас. Острова, Виктора и Валентина от Петроградского района, Саввы и Николая от Выборгского района, Линдова от литературной группы Ц. К., Виктора

Московского и от военной организации Александрова. Исполнительная комиссия П. К. была составлена из Томского, Войтинского, Николая Выборгского, Виктора Московского, Ингульского, Линдова и от Ц. К. Григория (Зиновьева). На следующий день 4 сентября состоялось заседание П. К., на котором присутствовали 3 представителя от Ц. К. (Григорий, Иннокентий и Рожков), причем были обсуждены вопросы о студенческом движении, безработице, выборах, о работе профсоюзов, куда были назначены Линдов, Григорий и Томский, об агитационной работе и проч.

Следующая конференция состоялась 23 сентября и была посвящена, главным образом, агитационной работе в связи с судом над депутатами и выборами в Государственную Думу. Порядок дня был намечен следующий: 1) назначение выборщиков, 2) кандидаты в Думу, 3) выборы по городской курии, 4) тактика в день суда над депутатами и 5) комитет помощи безработным.

В принятых решениях было подтверждено постановление исполнительной комиссии П. К. проводить повсюду митинги в связи с судом над депутатами. Это вполне возможно, так как митинг удалось провести у трубочников, па Путиловском заводе, на резиновой мануфактуре, что свидетельствует о том, что в среде рабочих масс не иссякла еще энергия, и массы готовы итти на борьбу.

Больше всего прений вызвало поведение меньшевика Чиркина. Пользуясь своей популярностью на заводе, он выставил свою самостоятельную кандидатуру, не считаясь с мнением партии. Его удалось уговорить; он снял свою кандидатуру, и в результате был выставлен список из 4 большевиков и 2 меньшевиков. По принципиальному вопросу относительно соглашения в рабочей курии решено выступать самостоятельно, а при городских выборах допустить соглашение только при перебаллотировках.

Эти постановления удалось провести в жизнь, о чем свидетельствует отчет (д. № 475) по особому отделу департамента полиции. В этом отчете говорится о выборах рабочими выборщиков. Заседание происходило 30 сентября 1907 г. в помещении городской думы под председательством Резцова (городского головы). На собрание явилось 65 человек, из коих подавляющее большинство (около 60 чел.) были соц.-демократы. Кандидатами были выставлены Бильтасов, Анфилов, Павлов, Миргородский, Полетаев и Костюков (все соц.-демократы). При намечении кандидатов т. Бильтасов получил больше всего голосов, а именно 57. После этого состоялось отдельное собрание рабочих выборщиков, на котором решено было выступать самостоятельно и использовать думскую трибуну, главным образом, для агитационных выступлений и агитационных лозунгов. Решено было «громить правительственные органы и следовать за социал-демократией».

10 октября происходило заседание П. К. под председательством Григория, причем самым важным пунктом порядка дня был вопрос о выступлении в день суда над рабочими депутатами. В прокламации, выпущенной по этому поводу, говорилось: «Петроградские рабочие, как и рабочие всей России, не могут дать пройти этому суду над их представите-

лями не отмеченным. Этот суд будет судом над нами всеми, судом над рабочим классом».

Очень быстро после этого произошел новый серьезный провал, причем захвачена была техника и техническая группа П. К. в ночь с 24 на 25 октября. Арестованными при этом оказались техник П. К. Крысин, Вишневский, Неморт, Шапиро, Филиппова, Иоф, Шарф и др. Кроме того в типографии Каммермахера за печатанием заказа П. К. под заглавием «Уже второй год» был захвачен ряд работников. Таким образом, и эта работа оказалась недоведенной до конца, что опять таки явилось одним из ударов по организации. 27 октября в Терноках была созвана очередная партийная конференция, на которой присутствовало 65 чел. (58 с решающими голосами и 7—с совещательными). Председательствовали: Григорий (Зиновьев), Войтинский и Михаил Томский.

На конференции Войтинский сделал доклад о выборах в Государственную Думу, причем относительную неудачу на выборах он объяснял индифферентностью масс, но т. Иван говорил, что причиной неудачи является взаимная грызня и борьба, которая мало понятна рабочим.

Важнейшие решения были приняты по вопросу о деятельности низовых ячеек, где рекомендовалось усилить работу и дисциплину, решено участить выход «Вперед». Против этого возражали меньшевики, которые говорили, что это частное издание большевиков, в котором им писать нельзя. Тем не менее конференция согласилась с мнением большевиков, и решено было усилить работу по изданию «Вперед».

Еще одним важным постановлением было решено принять самое активное участие в работе профсоюзов, которых ни в коем случае нельзя противопоставлять партии. Кроме того, решено было использовать все клубы, усилить в них партийную работу, усилить деятельность партшкол и т. д.

Рожков указывал, что в день суда над депутатами забастовки будут на Урале, в Привислинском крае, Баку, в Северо-Западном крае и в Москве. Раздавались отдельные указания на то, что такое частичное выступление может быть, разгромлено и это поведет к усилению общественной реакции. Тем не менее большинство конференции высказалось за забастовку, причем решено было договориться с эс-эрами насчет совместного выступления. Конференция решила усилить и интенсифицировать агитацию за забастовку.

Еще одним важным вопросом, поставленным на конференции, был доклад Рожкова—Вячеслава о положении в Ц. К. Положение явно ненормальное, так как в Ц. К. нет определенного большинства, которое могло бы проводить свою линию поведения, и в результате этого Ц. К. топчется на месте. Перед окончанием заседания конференция решительно высказалась против тактики меньшевиков в Государственной Думе, которые выдвигали мысль о поддержании кандидатуры Капустина. Большевики совершенно справедливо указывали, что представители даже «лучшей» буржуазии все равно являются неприемлемыми, и потому никакой поддержки оказывать им не следует. При выборах председателя и президиума Думы фракция должна уйти из зала и не принимать в выборах никакого участия.

Через несколько дней работа петроградской организации понесла серьезнейший ущерб благодаря неосторожности Петроградского Комитета. Дело в том, что очередное заседание П. К.—11 ноября было назначено в черте Петрограда на Лодейнопольской ул. в квартире Фрид, Липковской и Давыдовой. На заседание явилась полиция, которая и захватила 14 человек членов П. К.: Павел Ильинич, студент В. С. Венгеров, Сергей Иванович Андреев, Василий Александрович Бочаров, Мария Комарова, Федор Григорьевич Чучин, Александр Федорович Артамонов, Мелик Волов, Зябков, Ружковский, Касперов, Николай Николаевич Замятин и два, не пожелавших себя назвать.

Почти одновременно с этим в Финляндии, в более безопасном месте, происходила всероссийская конференция, созванная по инициативе Ц. К. для выработки директив думской фракции. Заседания ее происходили с 5 по 12 ноября в Терноках, причем на ней присутствовало 27 человек (10 большевиков, 4 меньшевика, 5 поляков, 5 бундовцев и 3 латыша). Представительство распадалось таким образом, что от Москвы и Московской области было 5 человек, от Петрограда—Ленин и Томский, от Урала—2, от Поволожья, Сибири и Северного Кавказа—по одному, от Закавказья—3, юга России — 1 и, кроме того, представители национальных организаций. С совещательными голосами присутствовали: Рожков—Вячеслав, Гольденберг-Мешковский, Теодорович (Платон), Григорий (Зиновьев), Джордани Волов (меньшевик), от П. С. Д. присутствовали Варский и Трусевич.

Порядок дня был намечен следующий: думская фракция и ее организация, отношение к Думе, об организации думского президиума, об участии в буржуазной прессе, о профсоюзах, о положении работы в империи и о перевыборах Ц. К.

По первому вопросу о думской фракции решено было, что сама по себе фракция слишком слаба в Думе, что она не может вносить определенных самостоятельных запросов и предложений и что ей придется выступать в согласии и в контакте с трудовиками. Если когда-нибудь придется голосовать вместе с кадетами, то об этом сообщать рабочим массам в специальных воззваниях, статьях и проч. По второму вопросу решено было прочитать в Думе декларацию о взглядах соц.-демократии на современное положение и о тех задачах, которые выдвигаются в настоящий момент, поставить запрос о второй Государственной Думе и вести с трибуны революционную агитацию. По вопросу об участии в буржуазной прессе решено было допускать это в самых исключительных случаях и то под бдительным контролем революционных организаций.

1908 год.

На этом закончилась работа 1907 года, которая, несомненно, была очень тяжелой в виду все усиливающейся реакции. Казалось, что последующие годы не принесут ничего хорошего. 1908 г., как об этом можно судить по делам департамента полиции (особый отдел № 20, часть 8 и № 5, ч. 51), представляется еще более трудным.

Одним из первых вопросов, которые пришлось поставить перед собою, был вопрос о праздновании 9 января. П. К. решил провести ряд митингов, демонстраций, а в крайнем случае устроить однодневные сборы в пользу семейств, пострадавших во время кровавого воскресенья 1905 г.

Вторым вопросом, которому пришлось уделить много внимания, были выступления соц.-демократической фракции в Думе. Первое же выступление фракции вызвало определенное недовольство рабочих, и это недовольство вылилось в следующую резолюцию (22 декабря 1907 г.): «П. К. не может не констатировать, что среди передовых рабочих Петрограда работа соц.-демократической фракции вызывает в высшей степени серьезное недовольство и грозит в случае дальнейшего продолжения ее в таком же направлении принести огромный вред Р. С. Д. Р. П.».

Декларация, прочитанная фракцией в третьей Думе, была совершенно не выдержанной и лишила партию агитационного материала, который мог бы оказать партии незаменимые услуги. В бюджетных прениях фракция оказалась совершенно не на высоте своей задачи, и по ее вине в Думе по столь важному вопросу не раздалось действительно социалистического голоса. Все выступления фракции в Думе отличаются вредной нерешительностью, а внедумской работы фракция совершенно не проявляет.

Прилагая резолюцию о думской соц.-демократической фракции, П. К. предлагает Ц. К. принять все меры к тому, чтобы соц.-демократическая фракция заняла подобающую позицию, причем ни в коем случае не должно руководиться только лозунгом беречь фракцию».

Следующим вопросом, который привлекал внимание организации, является вопрос о профессиональных союзах, о чем можно судить по сообщению начальника отделения Герасимова. В нем он говорит, что соц.-демократия уделяет много внимания профсоюзам, причем руководствуется постановлениями лондонского и штуттгартского съездов, а отнюдь не делает их беспартийными или нейтральными. Партия решила всюду организовывать сплоченные ячейки на местах, причем решено создавать даже нелегальные профсоюзы, если не удастся дать им легального существования. Во всех союзах организуются нелегальные соц.-демократические группы, причем Ц. К. выдвинул даже особую комиссию. Ей он поручил выработку важнейших вопросов профессиональной и кооперативной жизни, которые должны широко освещаться в печати. Комиссия должна содействовать постановке профессиональной и кооперативной прессы, должна организовать анкеты, созывать конференции, профессиональные, областные и всероссийские, давать советы и справки и т. д. Насколько серьезное значение придавал Ц. К. вопросу о постановке профессиональной работы, показывает факт, что в состав комиссии были введены 3 члена Ц. К., в П. К. были введены представители Бюро Союзов, а в Думе решено было внести запрос по поводу гонений на профессиональные союзы.

Параллельно с этой обычной и повседневной работой шли неудачи, которые были всегда сопряжены с партийной работой в это время. 16 февраля 1908 г. охранное отделение выследило и разгромило склад литературы Ц. К., причем было захвачено около 400 пуд. литературы и студенты Денин и Старостин, которые обслуживали этой литературой провинцию. Второй не менее серьезный удар, который очень быстро последовал после этого, был разгром военной организации.

Военная организация при П. К. была сильно подорвана арестами, произведенными в связи с разгромом думской фракции; этот разгром как раз и проводился под флагом дутого военного заговора. После арестов, в связи с ликвидацией второй Государственной Думы, военная организация была разрушена. В феврале 1908 г. П. К. дал поручение Андрею Ивановичу Говорову, участнику свеаборгского восстания, стать во главе и возродить военную организацию. Он связался с целым рядом лиц: Разумовским, студентом Мазуном, Яковлевым, Гвоздиковым (Илья) и Белухиным (Владимир). Эти лица и составили комитет военной организации, секретарем которой был Борис Вениаминович Коган. Они же начали работу среди войск гарнизона на Петроградской и Выборгской сторонах. Была устроена типография в д. № 1-2 по Барочной ул. у Александры Георгиевны Моториной. Сходки происходили у Петра Кириллова по Средней Колтовской и в др. местах.

Получив эти сведения, департамент полиции решил произвести разгром, и действительно 16 марта в $3^1/_2$ час. дня был захвачен Говоров и два солдата Статкевский и Чурилин. Затем началась целая полоса арестов, в результате которой было захвачено 57 чел., из числа коих 34 солдата. В то же время был арестован Гаврил Давидович Лейтазен, один из активнейших работников организации, а у Павла Васильевича Зорина был найден архив, дающий возможность установить связи с провинцией и, таким образом, ликвидировать организацию на местах.

В тот же день 16 марта происходило заседание Петроградского Комитета, на котором присутствовало 8 чел. с решающим голосом, 10 с совещательным, 1 представитель от профессиональных союзов и 1 от латышской организации. Обсуждались вопросы об отношении к фракции Гос. Думы, вопрос о фабричных старостах, который выдвигался из низов, и, наконец, о подготовке к 1 мая, причем рекомендовалось особенно сильно развернуть работу в этом отношении.

В марте был издан листок, который призывал массы жертвовать деньги на усиление техники и расширение работы.

К апрелю месяцу подошли особенно серьезные удары по организации. В связи с подготовкой прокламации к 1 мая, департамент полиции решил ликвидировать главные центры движения. Первомайское воззвание составили Гольденберг, Каменев и Рожков, причем печатание его было поручено Максименко-Шевердину. Последний оказался захваченным полицией, а вслед за этим оказались арестованными Гольденберг и Каменев, 29 апреля арестован на улице Невский, 30—захвачен Рожков Вячеслав, живший по паспорту Тарасова. Департамент полиции дает следующую его характеристику: «Рожков, занимая выдающееся положение во фракции большевиков Р. С. Д. Р. П., считался самой крупной величиной и состоит членом Ц. К.

со времени лондонского съезда. Кроме того он состоял членом комиссии Ц. К. профессиональной и литературной и входил представителем от Ц. К. в бюро военных организаций».

Между прочим тот же Рожков, который имел в свое время крупные заслуги перед большевистской организацией, после октябрьской революции отошел от революционной социал-демократии и вступил в ряды меньшевиков, откуда в последнее время он тоже ушел.

Проведение в таких условиях успешной демонстрации 1 мая оказалось затруднительным, и самое празднование прошло хуже, чем за прошлые годы, о чем говорится в письме за границу на имя Бинштока.

Разгром, захвативший большое количество передовых работников, лишает организацию активности. Весьма ярким в этом отношении является письмо т. Александра на имя Иды Иоффе от 13 апреля 1908 года. Это письмо говорит об упадке партийной организации и ее работы: «Ни гроша нет ни в одном из наших учреждений: на 1 мая не могли издать ни одного листка. Безденежье и психологическая реакция и реакция вообще сделали наше положение невыносимым. Работа где рушится совершенно, а в лучшем случае идет крайне тихими шагами. П. К., констатируя отсутствие денежных средств, предлагает районным организациям вести работу местными социал-демократическими силами. П. К. выделил из себя исполнительную комиссию из 5 человек, которая является исполнительным органом П. К. и идейным руководителем всех соц.-демократических рабочих Петрограда; И. К. посещает районные комиссии, издает литературу, представительствует в других организациях. Мой упадок духа, усталость заставили меня покинуть И. К. Работы страшно много, а главное голод. За это время много село (Каменев, Вячеслав, Григорий и др.). Приходится самому писать листки, гектографировать и т. д. Общее дело слабо. 1-мая прошло слабо, почти все фабрики работают, репрессии невыносимы. Завод Тильманс рассчитан; безработные превращаются в невозможных людей. Голод лишает их почвы; бросаются в разные стороны индивидуальной борьбы, отрицая планомерность».

Таковы были тяжелые условия, в которые поставлены массы. Тем не менее особое уныние все-таки не давало себя чувствовать. Об этом свидетельствует небольшое письмо, посланное одним из рабочих ткачей на Прохоровскую мануфактуру к Александру Мурашеву: «Вообще в смысле сознательности во всем Петрограде 2 фабрики Паль и Леонтьев стоят впереди; там существуют еще рабочие комитеты, а у Леонтьева директор поляк, форменный партийный соц.-демократ, да и хозяева либеральничают во-всю». Кое-где еще сохранились рабочие организации, но, само собой разумеется, их размах и их работа были не такими, как за прошлые годы. Это были последние попытки удержать и сохранить организации, которые разваливались под ударами охранного отделения, шпионов и провокаторов.

В июле месяце были распространены прокламации по поводу взрыва на Юзовских копях, в которых говорилось о невероятно тяжелом положении рабочих и необходимости продолжать борьбу. Одновременно с этим

была издана прокламация к солдатам, призывающая их поддерживать рабочее движение. 13 июля по Огородному переулку в кв. Александра Якубовича Бека была захвачена типография и набор воззвания по поводу взрыва на Юзовке. Одновременно с этим была прослежена работа тов. Веры в Кронштадте, которая пыталась завязать связи с кронштадтскими рабочими и матросами.

Следующий серьезный разгром был произведен в 20-х числах сентября 1908 г. До этого было обращено внимание, и начата усиленная слежка за В. Л. Степаненко, секретарем Василеостровского района, который устроил типографию по Среднему проспекту в д. № 71 и оттуда вел работу, главным образом, среди трамвайщиков. До этого еще в конце августа был произведен обыск в типографии Кушнарева (Фонтанка, 117), причем там было захвачено несколько тысяч книг Кропоткина, Симковского, Гумпловича, Мартова, Аксельрода и т. д. В типографии были найдены матрицы к изданиям «Борцы за свободу», произведения Толстого, Бурцева и др. В наборных—отдельные социал-демократические и эс-эровские воззвания. В результате этого был арестован заведующий типографией Филиппов, Лидия Ивановна Александрова, переплетчик Антицоловский, Сысоев и Арсений Иванов.

Несмотря на такие жестокие удары, которые сыпались на организацию как из рога изобилия, все же удалось выпустить воззвание, приуроченное к годовщине 17 октября, которое подводит итоги хозяйничанью царизма за весь этот промежуток времени. В воззвании говорится: «у нас нет не только открытой рабочей партии, но разгромлены почти все профсоюзы и кооперативы. Уничтожено свободное печатное слово. Лучшие рабочие представители на каторге, а всевозможные исключительные положения лишают нас даже тех обывательских свобод, которые существовали до революции. Да, товарищи, пережив эти 3 года обновленного строя, мы можем сказать, что установившаяся сейчас чрезвычайная конституция хуже самодержавия».

Листовка заканчивается призывом строить собственными силами организации для новой революционной борьбы.

В 20-х числах октября состоялось заседание П. К., на котором присутствовало 12 представителей от районов, представитель Ц. Б. профсоюзов и представитель Ц. К. На нем были сделаны доклады о положении на местах, причем все они рисовали в высшей степени тяжелую картину разгрома рабочих организаций. Аресты принизили все настроение. В Невском районе, хотя и существует районный комитет, но создать кружков высшего типа не удалось, там же имеется мимеограф, использовать который для работы почти невозможно. В Нарвском районе райком очень слаб, все связи захватили меньшевики, и после провала типографии не представляется возможным поставить новой. В Петроградском районе работы никакой не ведется, не хватает людей; имеется материал для техники. В 1-м Городском районе имеются отдельные кружки, во 2-м районе большевиков нет, и работают меньшевики, в Московском районе работы нет, и связи все

порваны. В Выборгском существует два кружка; железнодорожной организации и окружной нет совершенно, военная организация разгромлена последними арестами. Таково в общих чертах было положение, когда П. К. бился в невероятных затруднениях, стараясь что-либо сделать и возобновить работу. Ц. К. с целью поддержать работу прислал 500 руб. Решено было как можно осторожнее обращаться с техникой, чтобы ее не провалить, решено принять участие в декабрьской Всероссийской конференции и там обсудить еще раз вопрос о Думе, ставя самым энергичным образом вопрос о подконтрольности с.-д. фракции директивам Ц. К.

Насколько к этому времени была уже принижена вся работа, показывает тот факт, что всероссийская партийная конференция собралась 21—24 декабря 1908 г., всего в количестве 17 человек. На ней присутствовало 6 представителей заграницы: Зиновьев, Ленин, Виктор, Марат (Шанцер), Богданов и Игорь (меньшевик); от Петрограда двое: Сергей (Денисов) и Шура (Александр Михайлович Бойко); от Урала — Н. Н. Замятин (Батурин), от Кавказа Александр, Дан и Петр; от Киева—Афанас, от Москвы—Лядов-Мандельштам и Станислав Вольский; от Бунда трое, в том числе Юдин; от Польши пять, в том числе Тышко, и от Литвы один. Секретарями были Сергей Борисович и Каменев. На конференции выяснилось повсеместное весьма тяжелое положение. Капитал определенно перешел в наступление, и против него можно только защищаться. Интеллигенция уходит, и партия становится чисто рабочей. Сравнительно хорошо распространяются газеты, «Рабочее Знамя» в центре и «Червоны Штандар» («Красное Знамя» в Варшаве). Сравнительно хорошо прошли забастовки 22 ноября 1907 г. и 1 мая. Несмотря на все затруднения, недурно прошла кампания по выборам в третью Государственную Думу.

Представители Бунда говорили о сильном упадке настроения среди рабочих. Поляки доложили о своем августовском съезде, делегаты Петрограда указывали на невероятное тяжелое положение в связи с провокацией и провалами. Сравнительно лучше всего обстоит дело на Кавказе, где до сих пор удается издавать легальную газету «Али».

Меньшевики предлагали переехать Центральному Комитету в Россию и на месте руководить работой, отзовисты в лице Всеволода, Станислава Вольского, Лядова, Богданова и Марата предлагали отозвать из Думы фракцию, указывая на ее неработоспособность и нецелесообразность ее существования. Эти предложения оказались отвергнутыми. Выбрано русское бюро в составе Гольденберга-Мешковского и Романа (меньшевика), причем Бунд, латышская и польская соц.-демократия должны были дослать своих представителей. Кроме того, были приняты следующие постановления, касающиеся Гос. Думы: 1) при фракции существуют сведущие лица, которые пользуются на заседаниях только совещательным голосом, 2) Ц. К. имеет право наложить «вето» на все решения фракции, 3) 10% всех доходов фракции поступают в распоряжение Ц. К. и 4) фракции предоставляется право голосовать за мелкие ассигновки в том случае, если они не приносят существенного вреда рабочему классу.

Против этих последних пунктов долго и безуспешно возражала думская фракция, которая считала, что таким образом умаляются ее права.

Известное представление о тогдашнем положении в Петрограде дает следующее письмо от 29 ноября 1908 г. к Илье Львовичу Соколовскому в Одессу: «В Питере по сравнению с провинцией благодать. Тут все-таки нет того постоянного ужаса вечных угроз избиений. Жизнь оживает, главным образом, на низах. Проходит понемногу тот ужас подавленности, который наблюдался до сих пор. Явился какой-то интерес опять к темам политического характера. В последнее время здесь пролетариат сильно занят последним женским съездом, в котором думает принять горячее участие. Устраивалось много собраний по профессиональным союзам и просветительным обществам (клубам), выработана программа участия, и приготовлено много докладов. На собраниях тут много также говорится о проекте страхования рабочих, внесенном в Думу. Одним словом, пролетариат живет своей внутренней жизнью и собирает силы. Зато партия, как таковая, находится, как у нас любят выражаться, в распыленном состоянии. Хотя все ответственные функции находятся в руках рабочих соц.-демократов и только в их руках, но фактически сейчас партия не существует». Разумеется, в письме очень ярко отразилось то настроение, чисто ликвидаторского характера, которое сильно давало себя чувствовать после поражения революции 1905 г. В это время на все лады говорилось о том, что партия разгромлена, что ей не возродиться и проч., тем не менее работа все-таки велась, несмотря на все затруднения.

1909 год.

В 1909 г. мы являемся тоже свидетелями того, как постепенно шли одни разгромы за другими, организация распадалась. Еще в сентябре, судя по докладу охранного отделения департамента полиции, снова возникли попытки организации. Районные комитеты удалось восстановить в Петроградском районе, Василеостровском, Невском, 1 и 2 Городском и Выборгском. П. К. собирался довольно регулярно, бывали собрания военки, до известного момента существовала типография, но ее в конце 1908 г. ликвидировали. В самом Петрограде наблюдение велось в начале 1909 г. за 29—30 лицами (Богдатьян, Гончий, Дивильковская, Ермолаев, Иванов Борис Кириллович и др.). В губернии работа совершенно заглохла, и партия там никакой деятельности не проявляла. В январе 1909 г. начинаются первые удары, которые должны были разбить эту зародившуюся организацию. 13 января в помещении торгово-промышленных служащих был произведен обыск, причем был найден ротатор с заготовленными для печатания трафаретами о последней конференции. Арестован при этом Семенов. В союзе была устроена засада, и были захвачены все, кто только в это время заходил.

Следующий разгром произошел почти месяц спустя: 9 февраля, о чем имеются указания в делах по особому отделу (№ 5, ч. 51). К этому времени получены были сведения о деятельности Татсуда Владиславовича Мешковского и Софьи Владимировны Барибиной. При обыске была найдена типография, готовая к печатанию прокламаций П. К., начинающаяся со слов: «был момент затишья...» Непосредственно после этого были произведены обыски у студента Михаила Владимировича Крюкова, Елизаветы Федоровны Турчинской и Владимира Ефимовича Туманова, где были захвачены паспорта и др. важные документы. Это было только началом более или менее серьезных разгромов, постигших организацию. Первого марта в Психоневрологическом институте произошел серьезнейший провал, который надолго подорвал работу. Дело в том, что в этот день должно было состояться заседание Петроградского Комитета в помещении Психоневрологического института. Публика начала собираться с 10 часов утра в одной из отдаленных аудиторий. В 2 час. нагрянула полиция, которая и захватила всех собравшихся. В одном из перехваченных писем, написанных кем-то из студентов соц.-демократов Психоневрологического института, говорится, что произошел полнейший разгром исключительно потому, что организатор собрания по кличке Владимир Рыжий «раззвонил слишком широко о собрании», и эти сведения дошли до полиции, которая и явилась. Временно угрожала опасность, что институт будет закрыт, но все-таки его удалось отстоять.

Насколько широким оказался провал, показывает перечень лиц, захваченных при обыске: Александр Михайлович Бойко, Валерьян Петрович Денисов, Вадим (Владимир) Александрович Ватин-Быстрянский, Н. И. Тетеркин, Вера Владимировна Кузьмина, Гарин-Гурпн, Самуил Львович Альтшулер, М. И. Бублеев, Роза Дворцова, Иван Андреевич Андреев, Ирина Бызова, Екатерина Никологорская, Яков Сысоев, Николай Сорвачев, Александр Пирейко и патрульный Крауклис. Кроме того арестованы служащие, допустившие собрание в помещении института. Члены П. К. были захвачены с поличным, так как была взята переписка, документы и всякие другие важные бумаги.

Через 3 дня после этого, в докладе 4 марта 1909 г. за № 4197, имеется отчет о заседании 27 февраля Ц. К. узкого состава. На этом заседании присутствовали Мешковский от большевиков, Рыбас от латышской соц.-демократии, Юдин от Бунда и Тышко от польской соц.-демократии.

На этом заседании были приняты следующие постановления: по вопросу о созыве Ц. К. — решено собираться только у вполне заслуживающих доверия лиц и под их личной ответственностью. Вторым вопросом был вопрос о работе соц.-демократической фракции в Думе. Здесь подчеркивалось то обстоятельство, что фракция не желает подчиниться постановлениям всероссийской конференции, и это создает особенно натянутые и неприятные отношения. Ц. К. должен властно вмешаться и поставить на вид вопрос о необходимости подчиниться партийному целому. Следующим вопросом был вопрос о возобновлении партийной работы на Урале, для чего туда решено было послать представителей Ц. К. и трех представителей Петроградской организации, под контролем которых прошло бы восстановление работы.

Дальше были приняты постановления, касающиеся Петрограда. В них говорится: «Проваленную в Петрограде технику и паспортное бюро возобновить возможно скорее, тем более, что складочная квартира в Териоках осталась. Предложить П. К. войти в связь с Териоками. Особенно необходимо обратить внимание на возобновление техники, так как полное отсутствие агитационной литературы и невозможность своевременно давать отчеты о партийной жизни крайне удручающе отзывается на организации». Кроме того, предложено П. К. уделять больше внимания клубам и просветительным организациям, установить более тесную связь с профсоюзами, усилить работу в войсках, «так как ее отсутствие роняет достоинство партии». По последнему вопросу, который был поставлен на очередь дня, о борьбе против смертной казни, решено проводить митинги и собрания протеста, резолюции направлять в соц.-демократическую фракцию, причем подчеркивать на собраниях и в резолюциях, что действительная борьба может быть проведена только в том случае, если будет в корне изменено общее политическое положение, чего можно достигнуть только путем революции.

К этому времени относится усиление отзовистов в Петрограде. Отзовисты выдвигали мысль о том, что необходимо отозвать соц.-демократическую фракцию из Думы, так как она абсолютно ничего не дает и не выполняет той работы, которая для нее была намечена. В этом отношении отзовисты резко столкнулись с представителями официальных центров, и борьба носила крайне обостренный характер.

Известное представление о ней дает письмо группы петроградских отзовистов от 8 апреля 1909 г. к Виктору Кислитину.

В нем имеются резкие выпады против Центрального Комитета, но в то же время имеются и данные, характеризующие тогдашнее положение и взгляды отзовистов на сложившееся отношение. Вследствие этого мы считаем возможным привести это письмо в известных выдержках: «Дорогой и уважаемый товарищ Александр Александрович! Мы, петроградские отзовисты, решили обратиться к вам, чтобы посоветоваться и совместно разрешить ряд вопросов. Вам, конечно, известно, что, начиная уже с момента выборов в третью Думу, среди большевиков стали намечаться два расходящихся течения. Одно, все больше и больше отдаляясь от прежней большевистской позиции, выдвинуло, как принцип, политические компромиссы. Другое, державшееся прежней большевистской линии, отстаивало тактику последовательной революционной работы соц.-демократии. В нынешнем году разногласия дошли до своей кульминационной точки в борьбе отзовизма против антиотзовизма. Эта борьба приняла крайне обостренные формы. Дело свелось не только к принципиальной полемике, но и к чисто личным вылазкам, сплетням, подбиранию коней и пешек и проч., вплоть до угрозы со стороны антиотзовистов (кажется, по директивам Ленина) выбросить нас из партии. Нужно сказать, что в руках наших противников

оказались все наиболее острые орудия борьбы с нами. У них пресса: «Пролетарий» и «Социал-Демократ», у них крупные теоретические силы — Ленин и проч. У нас прессы не было. Сторонники отзовизма все почти заняты практической работой и не имеют времени и энергии принять активное участие в литературной полемике. Это «Пролетарий» и использовал.

В Петрограде мы (отзовисты) принимали самое деятельное участие во всех дискуссиях о Думе и в частности именно своей критикой, а не «ленинскими отеческими наставлениями и поглаживанием по головке» (см. передовицу № 4 «Соц.-Демократа») заставили фракцию резче выступить в вопросе о бюджете. Как раз перед обсуждением бюджета был доклад члена фракции Б., и отзовисты представили обстоятельную критику деятельности ее, такую критику, что сам Б. заявил, что ни разу еще таких возражений не слыхал. Антиотзовисты уже тогда, как воды в рот набрали, и все время молчали. Только меньшевики подавали реплики. Кроме того Ленин и К-о старались вести все удары лишь против отзовистов и изолировать нас от левого крыла большевиков. Между тем мы лишь часть целого лево-большевистского течения. На него мы смотрим, как на хранителя революционных традиций большевизма и социала-демократии. Линия разногласия лежит между нашим и право-большевистским течением не по частному вопросу, а по принципиальной позиции. Мы, часть большевиков, не признающих между прочим, что русская революция движется или к конституции или к республике; мы уверены, что все разногласия между отзовистами, ультиматистами и проч. действительно лишь частичные разногласия, — общая принципиальная позиция у нас одна и та же. Это доказала обще-русская конференция». Дальше идет уже мало интересная полемика, которая не выясняет настоящей позиции отзовизма.

Отзовизм, как течение, зародился и существовал в Петрограде в 1909 — 1910 г., причем его работники принимали решительное и весьма энергичное участие в обще-партийной работе.

Наиболее серьезным разгромом в это время был разгром, предшествовавший 1-му мая. Дело в том, что Ц. К. было специально изготовлено 15.000 прокламаций, но они провалились по дороге. Тогда бюро Ц. К. поручило Сергею Петровичу Петропавловскому озаботиться о скорейшем отпечатании прокламаций. К печатанию их было приступлено 15 апреля в типографии «Бухгалтера», но туда явилась полиция и захватила при этом наборщика Думбадзе. Затем наступил полный разгром организации, причем был арестован Петропавловский (кличка Евгений), Барбовская (кличка Катя), Аннучкова (кличка Галя), Богданов Николай Павлович (оказавшийся впоследствии злостным провокатором и проваливший целый ряд организаций), Явшиц Вацлав Петрович, Рождественский Александр Васильевич, Грайвер, Казилья Романас и др.

В типографии «Бухгалтера», кроме самого Думбадзе, захвачено было еще 10 лиц. Этот удар сильно принизил работу организации. Тем не менее работа продолжалась, о чем свидетельствует хотя бы организационный устав П. К., относящийся к июню или июлю 1909 г. В нем изложены важнейшие принципы организации:

1) «Идейным и практическим руководителем работы в г. Петрограде является П. К.

2) представители в П. К. выбираются исполнительными комиссиями районов.

Примечание: Там, где неудобно по организационным соображениям, выбирают районные комитеты.

3) П. К. выбирает исполнительную комиссию из 3 человек.

4) Исполнительная комиссия имеет право кооптировать 2 членов.

5) П. К. собирается не реже одного раза в три недели.

6) Экстренные собрания П. К. созываются по требованию $^1/_3$ членов П. К.

Примечание: П. К. собирается также и по инициативе исполнительной комиссии.

7) срок существования П. К. — 6 месяцев.

8) В случае ареста П. К. функции его переходят к исполнительной комиссии, которая и организует выборы в П. К.

9) Районы в своей организационной деятельности автономны».

Насколько крупным в это время был развал рабочего и революционного движения, показывает тот факт, что по поводу октябрьской годовщины только один Выборгский комитет смог выпустить воззвание.

Крупным фактом партийной жизни за границей, который впоследствии оказал серьезное влияние на петроградскую работу, является организация так называемой каприйской партийной школы, созданной усилиями Горького, Максимова (Богданова), Алексинского, Луначарского, Лядова и др. Отдельные воспитанники этой школы явились впоследствии дельными и энергичными работниками петроградской организации и в свое время много и энергично поработали, особенно в 1910 году.

В школе читали следующие лектора: Максимов, Горький, Лядов, Луначарский, Михаил, Алексинский и А. Н. Тихонов. Это в известном смысле было частное предприятие отдельной фракции.

Программа школы распадалась на две части: 1) партийное и организационное дело (организация, пропаганда, агитация, техника, финансы и проч.) и 2) теория.

Теоретический курс был разбит на следующие отделы: политическая экономия — 30 лекций, история рабочего движения на Западе — 18 лекций, рабочее движение в России — 20 лекций, профдвижение — 8 лекций, кооперативы (число лекций не установлено), история России — 20 лекций, обзор партии — 5 лекций, аграрный вопрос — 6 лекций, история революции в новейшее время в Европе (число лекций не установлено), основы национального вопроса, права и т. д. Кроме того, был установлен еще особый

цикл по философии пролетарской борьбы, который распадался на следующие подотделы: история общественных воззрений—4 лекции, история литературы и искусства—8 л., русская литература XIX в.—6 л., современное искусство в Европе—2 л. и социалистическая культура—3 лекции. Кроме того, особым циклом должны были войти лекции по современному моменту. Читались также А. Н. Тихоновым лекции по геологии и мирозданию.

Судя по отчету, который был опубликован в прокламации, изданной школой, за время с 1 сентября по 1 октября 1909 г. при 15 слушателях и 8 вольнослушателях удалось пройти значительную часть курса и тем заложить определенные основы миросозерцания и революционных взглядов в достаточно солидной группе, работники которой оказывались незаменимыми деятелями в революционной работе на местах. В 1910 г. прибытие их в Петроград, особенно после январского 1910 г. разгрома организации, в огромной степени усилило и оживило работу.

В то же самое время продолжалась обычная работа в Петрограде по организации и сплочению масс, пропагандистская работа и, в частности, шла деятельная работа по подготовке антиалкогольного съезда. Однако, уже 16 ноября одно из заседаний антиалкогольной комиссии было захвачено на вечерних курсах на Гребецкой улице, причем был арестован член Гос. Думы Предкальн и следующие рабочие: Павлов, Юдов, Рукавишников, Травкин, Федоров, П. Ф., Орлов, Сходкин, Роман Малиновский (впоследствии выбранный от московских рабочих в четвертую Гос. Думу и оказавшийся злостным провокатором), Нирванен, Дементьев, Меркулов, Цейтлин, Исув и Куприянов.

В конце ноября поступили в департамент полиции известия о том, что готовится демонстрация по поводу 9 января 1910 г., причем будут отслужены панихиды у Казанского собора и в других местах и затем пройдут демонстрации по Невскому. Об этом имеются указания в деле № 213 по особому отделу, причем эти донесения рисуют постепенное усиление революционного настроения среди студенчества. В день 9 января 1910 г. в университете согласны выступить все партии левее октябристов (соц.-демократы, эс-эры, кадеты и трудовики) всего около 1400 человек. Решено при этом избегать особенно резких столкновений с военной силой. Беспартийное студенчество в своем большинстве готово примкнуть к демонстрации, но оставляет за собою право реагировать так или иначе на вмешательство полиции. Уж эти известия свидетельствуют о том, что к концу 1909 г. период особенно тяжелого упадка начал постепенно проходить. Тем не менее самые серьезные удары и испытания предстояло организации перенести в 1910 г., когда наступил временно полный и уже окончательный разгром Петроградской организации.

К концу 1909 г. относится следующая прокламация, выпущенная на довольно примитивной технике по поводу ареста рабочей группы на антиалкогольном съезде. В этой прокламации говорится: «Еще одно насилие, еще одна провокация, еще один арест». В дальнейших строках рассказано о том, что царские чиновники ушли со съезда потому, что они понимали, какие горькие и тяжелые упреки им придется выслушать по поводу спаивания народа. В этом воззвании говорится: «Рабочим не давали возможности говорить. Буржуазное большинство съезда всеми силами старалось помешать рабочей группе выполнить свое дело. Рабочие во всеуслышание заявили, что главный распространитель пьянства в России—правительство, что для правительства водка, винная монополия — одно из главнейших средств ограбления народа». Дальше говорится о том, что совершенно бесправное положение народа, массовый голод и безработица порождают пьянство. Бороться надо не с водкой, а с самодержавием. Прокламация заканчивается следующими словами: «Мы, рабочие, сумеем ответить правительству—революция наш единственный ответ».

В 1910 г. была издана прокламация по поводу отказа соц.-демократической фракции Думы присутствовать на банкете в честь представителей буржуазного французского парламента, посетивших Россию; декларация отзовистов, излагающая их точку зрения на очередные политические вопросы. которая, кстати, вся провалилась и не получила распространения. Кроме того, Невским районом в течение 1910 года издавалась газета «Борьба», которой вышло 3 номера на мимиографе, причем она широкого распространения не получила. Кроме того. П. К. всех созывов старались наладить свою газету, но постоянные разгромы этому мешали и не дали возможности осуществиться этому делу.

1910 г. начался с нового разгрома. Уже в конце 1909 г. было установлено наблюдение за работниками Петроградского комитета. С 8 на 9 января 1910 г. были произведены обыски и арестовано 23 человека членов П. К. и его важнейших работников. Арестованными оказались: Левинзон, Федоров, В. М., Ефимов, А. Е., Рейнгард, Сесицкий, Илья Петрович, Селицкий, Панфилов, И. А., Иванов, Николай Елизарович, Богдатьян, Присецкий и активные работники: Дроздова, Скважин, Рубинович, Абрамович, Семенов, Шалыт, Колокольников, Магидов, Гинсбург, Канатчиков, С. И., Андреев, Николай Иванович и др. У Федорова захвачены протоколы П. К., подготовленные к печатанию прокламации П. К., архив П. К. и проч. В январе снова арестован Гольденберг-Мешковский.

Этот крупный провал тем не менее не приостановил работы, которая продолжалась силами новых лиц. Новая работа тоже не могла дать крупных результатов, так как сталкивалась с жесточайшей провокацией (Богданов, его жена и пр.). К марту месяцу удалось сплотить силы и наладить работу, но уже в половине его оказались арестованными важнейшие работники: Зубков, Норштрем и Аксинья Иванова, причем захваченной оказалась партийная типография.

Довольно верную картину состояния организации в это время рисует доклад охранного отделения, который приводит следующие подробности. «После январского разгрома во главе работы стал Александр Владимирович Норкин, очень дельный и энергичный человек, по убеждениям отзо-

вист. Вместе с ним работал Василий Михайлович Павлов, Борис Самойлович Розенберг (секретарь Ц. К., по кличке Виссарион и Скорпион).

С другой стороны, районы выдвинули своих работников, и в результате этого П. К. восстановился, выбрана была исполнительная комиссия, создана редакционная комиссия, коллегия пропагандистов, широко были завязаны связи, и работа пошла довольно энергично. П. К. состоял из следующих лиц: Норкин (Михаил и Юрий), Вейнбаум (Гриша), Иван Петрович Петров (Орлик), Радзишевский-Арский (Борис и Горняк), Василий Павлович Сорокин, Тарас (Игнатий Семенович Столов), Ипполит, Альберт, Василий Михайлович Павлов (Андрей), Каприец — Жорж-Степан (Владимир Михайлович Косарев), Григорий Ипполитович Оппоков-Ломов, Афанас и Александров

П. К. в своем большинстве состоял из отзовистов. Техникой заведывал деятельный и энергичный рабочий Павел Абрамович Абрамов, причем он даже устранился от работы, для того, чтобы не навлечь на себя каких-нибудь подозрений. Работали в технике: Зубков, Нортштрем и Иванов. В состав редакционной коллегии входили: Норкин, Вейнбаум, Арский, Павлов и Ломов, причем постоянно в ней же работал Николай Павлович Богданов, оказавшийся провокатором.

Издательская работа была не плодотворной, так как столкнулись двоякого рода воззрения, которые примирить было очень трудно. Положительно из-за каждого слова приходилось вести борьбу, спорить из-за каждой фразы в прокламации, а это подрывало все силы и не давало возможности чего-нибудь сделать. П. К. все время носился с проектом издания своей газеты, что до разгромов казалось вполне возможным и вероятным, но внутренние трения и разногласия не дали возможности сдвинуть с места этого проекта, и до бесконечности продолжались споры только по поводу передовицы для первого номера. Между тем работать можно было бы, так как в это время в Петрограде имелись такие силы, как Коновалов, Иван Андреевич, впоследствии оказавшийся провокатором, и покончивший с собою Финн-Енотаевский, Бонч-Бруевич и многие другие литераторы.

С другой стороны П. К. удалось сплотить вокруг себя довольно внушительную группу пропагандистов (Власов, Семеновский, Можарова, Шишков, Чудновский, Пашуканис, Абросимов, Л. С. Иоф, Козырева, Григорий Иванович Сафаров, Иван Никитич Смирнов, В. Г. Попова и др.). Все это было разбито обысками в половине апреля 1910 г., когда было арестовано около 20 лиц.

В результате чудовищной провокации и постоянных провалов работа должна была итти все хуже и хуже. Уже в докладе 23 июля говорится о том, что организация разгромлена и переживает период развала. Взаимные подозрения тормозят и дезорганизуют работу, грызня усиливается с каждым днем, прокламации по поводу 1 мая не были изданы, и бастовало всего только два предприятия.

После разгромов в апреле месяце наладился новый П. К., в состав которого входили: Михаил Николаевич Федоров, секретарь комитета по кличке Анатолий, Вера Николаевна Ларионова, Игорь Михайлович Соколов, В. П. Лебедев, Г. А. Альбрехт, А. А. Масляников, Иосиф и Владимир. Имелось около 30 активных работников, но в то же самое время взаимное недоверие уничтожило всякую работу. Многократно ставится вопрос о полной ликвидации П. К., но тогда внутри раздавались голоса о том, что этого делать нельзя. Районы отрываются от Петроградского комитета, питают к нему самые неприязненные чувства, а провокаторы выдают сразу всех тех, кто только ставит вопрос о ликвидации Петроградского комитета и прекращении его работы, так как опасаются, что таким образом у них будет выбита почва из-под ног.

В июле 1910 г. прибывший из заграницы Финн-Енотаевский должен был организовать вместе с Николаем Дмитриевичем Соколовым и Бонч-Бруевичем издание легального журнала «Наша Мысль». Главными редакторами должны были быть он сам, Соколов и Бонч-Бруевич, сотрудники отчасти из заграницы (Плеханов, Троцкий, Ленин), а отчасти местные силы. Средства отчасти давал Ц. К., отчасти Шапшал, Барятинский и др. Это была одна из первых попыток в крайне тяжелой обстановке возродить издание легальных газет или изданий, которые могли бы объединить работу.

О положении в Петрограде к тому времени дает представление доклад в Ц. К. от 29 ноября 1910 г., в котором говорится:

«Картина экономической жизни Петрограда, по сообщениям профессиональных органов, такова. В производстве по металлу на частных заводах, за редкими исключениями, расчеты — постоянное явление. Повсюду страшные прижимы, понижение расценок, сверхурочные работы, черные и белые списки, грубое обращение вплоть до мордобития и т. д. В казенных заводах, в связи с заказами военно-морского ведомства, кое-где временно увеличивают штат рабочих, но на-ряду с этим еще сильнее, чем на частных заводах, практикуется экономия капитала путем усиленного выжимания пота. Набирают временно рабочих новых также и в некоторых частных заводах, получивших экстренные заказы преимущественно от военно-морского ведомства или же в исключительных производствах, например, по изготовлению предметов для воздухоплавания. Кроме всего этого, наблюдается еще новое явление в этой отрасли промышленности: в значительных размерах вводится труд женщин и подростков.

В текстильной промышленности и в других производствах продуктов массового потребления наблюдаются приблизительно такие же явления. Несмотря на циркулирующие в прессе слухи об оживлении промышленности, ясных признаков этого оживления в Петрограде пока еще не видно».

В этом отношении нам кажется более правильным такой взгляд. Если и замечаются некоторые признаки такого подъема на бирже, то явление это временное, имеющее исключительные причины: случайное совпадение урожая у нас в России с неурожаем в Европе. Повышенная же прибыль многих предприятий объясняется просто усилением выжимания пота рабочих и наглым обиранием потребителей.

Безработица в общем, вероятно, не сократила своих размеров, и вопрос о ней также горячо трактуется в рабочих организациях, как и раньше. Регистрация безработных, если ведется профсоюзами, то в общем поставлена крайне неудовлетворительно. Кроме того, ее материалы остаются большей частью в сыром виде, совершенно необработанными. Более или менее точных итогов о безработице поэтому подвести нельзя.

В общем и целом несомненно понижение материальной жизни рабочих Петрограда. Этому еще способствует и повышение цен на предметы первой необходимости: платье, квартиры, бани, трамвай и т. д. Однако, несмотря на все это, психологическое состояние рабочей массы не так уже подавлено, как полагают многие и как можно заключить, судя по внешним формам экономической жизни в данный момент.

В самых серых массах действительно замечается усиленное пристрастие к алкоголизму, карточной игре и т. д., но растет ли оно вообще — это вопрос, подверженный большому сомнению. По сравнению с годами подъема, безусловно да, но, по сравнению с годами предреволюционной эпохи, этого утверждать безусловно нельзя. На-ряду с этим и в этой самой темной массе (каталей, грузчиков, стекольщиков, строительных рабочих и т. д.) замечается все-таки некоторый рост сознания, наличность значительного интереса к чтению газет и вообще желание так или иначе разобраться в своем экономическом и политическом положении, хотя часто все это, возникая стихийно, находит себе проявление в крайне уродливых формах, где воедино смешивается революционное настроение баррикады с погромной политикой союза русского народа, резкий атеизм и горячая ненависть не только к царизму, но и к самой личности царя — с доносами в охранку на опасного конкурента по работе или с обличением хозяина еврея на страницах «Русского Знамени». Несмотря на все это и в этих низах пролетариата в общем и целом бесспорно сделан громадный шаг вперед, и при наличности хорошей и популярной социал-демократической литературы почва для развития социал-демократического классового сознания может быть благоприятна даже в этой темной массе.

Что касается средних слоев петроградских рабочих, то в них почти уже совсем выработался определенный тип рабочего середняка. Для этого типа чтение газет, трактующих политические вопросы, и участие в каких-либо рабочих организациях сделалось насущной потребностью. В этом слое вообще больше, чем во всех других слоях, сильно сознание глубокого классового сознания своего антагонизма с буржуазией.

Рабочие этого слоя в общем, несомненно, социалисты и демократы, которые уже в силу своего общего антагонистического чувства к буржуазии не способны попасть на удочку кадетов или других чисто буржуазных партий, но они в то же время еще далеко не социал-демократы и легко могут поддаться влиянию эс-эров, анархистов, максималистов, синдикалистов, махаевцев и т. п. Подробную и в общем верную характеристику этого слоя дают статьи рабочего Зорина (синдикалиста) в легальном журнале «Жизнь для всех».

Этот слой самый обширный в Петрограде и самый благоприятный для социал-демократической работы. Наблюдается также еще и интенсивная выработка рабочих высшего типа, вполне интеллигентных людей с сильными научными и даже эстетическими запросами. Такой тип распространен, главным образом, среди металлистов и печатников. В лице этого довольно обширного в Петрограде слоя рабочих ни в коем случае нельзя видеть вполне сознательных и активных марксистов. Таковые представляют среди них лишь счастливое исключение, причем всех их можно посчитать по пальцам. В общем сознательность здесь находится в противоречии с активностью и направлена в русло карьеризма. Наблюдается стремление получить техническое образование в целях повышения заработка, подготовка на звание учителя, аттестат зрелости и т. п., растет пристрастие к интеллигентско-обывательским формам жизни, внешнему лоску и комфорту. Среди таких рабочих наблюдается на-ряду с этим еще полупрезрительное отношение к темным массовикам, с одной стороны, и не колеблющимся «узким партийцам» с другой. По отношению к последней части замечается еще и некоторая враждебность, как результат того, что они, хотя и не сознают этого, но все-таки инстинктивно чувствуют их моральное превосходство над собою. Оторванность от массы характерная черта рабочих этого слоя. Их среда менее всего благоприятна сейчас для развития в ней социал-демократической работы, ибо корни мещанства и узкого индивидуализма глубоко засели в ней и у многих ее представителей даже получили принципиальную окраску. Зато большим успехом здесь пользуются ликвидаторы и разные г.г. Прокоповичи и Туган-Барановские.

Об отношении всей массы рабочих Петрограда к легальным и нелегальным организациям в данный момент можно сказать следующее: в самом низшем слое к легальным организациям в общем отношение довольно равнодушное, а в иных случаях даже отрицательное. Объясняется это прежде всего малосознательностью этого слоя, его неспособностью понять воспитательное значение этих организаций в данный момент и оценить их важность, как опорных пунктов будущей борьбы, а требующих от них немедленно же существенных реальных результатов. Как мы уже отметили выше, интерес к своему экономическому и политическому положению, правда, силен и в этой среде, и отсюда вытекают стремления ее ясно понять свое положение в данный момент. Легальные организации при современных условиях своего существования, конечно, не в состоянии дать прямых и ясных ответов на подобные запросы, а тем более сейчас же доставить осязательные материальные выгоды всем своим членам, и, следовательно, вся работа в настоящих условиях является малоценной в сознании темных низших слоев петроградских рабочих. Последних отталкивают от легальной организации в значительной степени так же еще и частые слухи о злоупотреблениях в финансовых делах их руководителей. Потребность в организации, несомненно, ощущается и тут, но в такой, которая сейчас же стала бы давать недвусмысленные ответы на указанные запросы этих рабочих; такой организацией для них может явиться, конечно, нелегальная партия революционной социал-демократии.

Однако, нельзя рассчитывать на то, что удастся вести в этой темной массе вполне планомерную систематическую работу и создать в ней прочные организационные ячейки. Ее малосознательность особенно благоприятствует при современных условиях развитию в ней провокации, и последняя, несомненно, скоро явилась бы значительным препятствием в такой работе.

Самым подходящим способом воздействия на этот слой является широкое распространение в нем популярной соц.-демократической литературы: листков на злобу дня, местных газет и брошюр на манер эс-эровского «Конек-скакунок», «Хитрая механика» и т. п. При наличности близкой связи этого слоя петроградских рабочих с деревней, через них легко направлять нашу литературу и к крестьянам. Здесь возможно также усиленное функционирование летучих кружков на манер так называемых летучек, усиленно практиковавшихся в до-революционные годы.

В среднем слое, повторяем, почва для социал-демократической работы самая благоприятная. Легальные организации, главным образом, держатся ими, но далеко их не удовлетворяют. Последнее объясняется тем, что современные клубы, за редкими исключениями, могут устраивать лекции лишь по вопросам, непосредственно к общественной жизни современного момента не относящимся. Собрание профессиональных союзов и профессиональная пресса могут тоже рассматривать все трактуемые ими вопросы лишь в весьма узких рамках легальности, в то время как у середняка крайне сильна потребность определиться в своих взглядах именно на текущий момент, выяснить перспективы будущего и уяснить себе характер всех существующих политических партий. В общем и здесь растет поэтому недовольство легальными организациями часто основательное, но еще чаще не имеющее под собою правильной основы. Это последнее и является самой благоприятной почвой для массового отзовистского направления. При указанных запросах социал-демократическая работа должна встретить в этой среде самый живой отклик, и партия может возродиться, опираясь, главным образом, на этот обширный слой жаждущих социал-демократического слова и дела середняков.

Заметим, что, говоря о социал-демократической работе, мы все время имели в виду действительно пропагандистский и агитационный научный социализм, а не ту грызню фракции, к которой обычно сводилась наша работа до сих пор, и не ту полемику, которая заполняла страницы до сих пор существовавших официальных руководящих органов нашей партии. Работа подобного рода только отталкивала от социал-демократии рабочие массы.

Однако, одна пропаганда в кружках и распространение литературы, хотя и очень популярной и основательно составленной, далеко не могут удовлетворить всех запросов средней массы середняков, направленных на текущие злобы дня. Прекрасным ответом на эти последние может явиться, если и не успешное практическое проведение, то даже одна только предварительная агитация за устройство политических кампаний по поводу того или иного явления политической жизни, близкого питерскому пролетариату (холера, запрос соц.-демократической фракции в Думе, революция в Португалии, крупная строительная катастрофа и т. п. самые разнообразные события). Надо сказать также еще, что при существующих политических условиях мы не питаем, конечно, особых иллюзий насчет частичного успеха в практическом проведении подобных кампаний, ни насчет широкого использования в этом деле существующих легальных рабочих организаций, но плюс все-таки может получиться даже от одной только предварительной агитации подобного рода. Все-таки будет довольно значительная польза, ибо лишенная возможности активного политического выступления масса все-таки может получить широкое осведомление о способах воздействия на то или иное явление текущей жизни с точки зрения соц.-демократии и так или иначе все-таки сумеет принять участие в их обсуждении. Это должно значительно способствовать ее политическому воспитанию, крайне необходимому для будущего революционного подъема.

Что касается работы революционной соц.-демократии в высшем слое петроградских рабочих, то об этом приходится добавить лишь очень немногое к их общей характеристике.

Представители этого слоя, правда, охотно идут в различные легальные организации, но за редкими исключениями ведут там чисто ликвидаторскую линию. Часто, например, являясь лидерами профсоюзов, они склонны смотреть на них не как на боевые организации, а преимущественно как на мирные кассы взаимопомощи, а иногда даже как на учреждения, пригодные для создания их личной карьеры, поскольку они являются там платными служащими, или для удовлетворения их мелочного мещанского самолюбия. Факты растраты и всевозможные интриги представляют довольно частое явление в жизни верхов профсоюзах Петрограда и являются делом вовсе не одних только малосознательных членов, чаще даже наоборот.

Все сказанное не относится, конечно, ко всем рабочим этого типа без исключения. Повторяю, что и в нем есть немногие личности, сумевшие в настоящий тяжелый момент переживаемой реакции не растеряться и использовать свой высокий общий культурный уровень для более ясной выработки понимания своих классовых задач, не утратившие чувства классовой солидарности всего пролетариата и активной преданности делу его полного освобождения. Они-то и являются опорными пунктами, около которых, главным образом, и сосредоточивается колеблющаяся жизнь современных разрозненных ячеек наших партийных организаций, от их инициативы и самодеятельности и получают они руководство, из них и возможно всего успешнее рекрутируется состав высших партийных школ заграницей и кружков саморазвития для подготовки руководителей пролетарского соц.-демократического движения.

О деятельности существующих теперь в Петрограде легальных рабочих организаций можно сказать следующее: несмотря на довольно значительное число числящихся в Петрограде профсоюзов, прочно существующими из них можно назвать только три: металлисты, текстильщики и печатники. Кой-какая жизнь есть у древообделочников, булочников, портных, коже-

венников и каталей, у которых всех, кроме каталей, есть свои органы прессы. Остальные существуют почти фиктивно или совсем фиктивно, только на бумаге, как, например, стекольщики.

Почти вся деятельность действительно существующих союзов сводится к изданию органа, выдаче разного рода пособий и культурно-просветительной работе по устройству библиотек, лекций и разных экскурсий.

За последнее время на союзных собраниях и в прессе горячо обсуждался вопрос о взаимопомощи и о замене членских взносов процентными отчислениями от заработка.

В первом из них намечаются следующие два течения: одни (см. статью Круглова в «Профессиональном Вестнике» № 26) предлагают организовать широко взаимопомощь за счет основных союзных фондов, увеличив для этого значительно членский взнос, что фактически превратило бы союзы в замкнутые кассы взаимопомощи рабочей аристократии. Другие хотят организовать на-ряду с основными боевыми фондами, как придаток к ним, еще особые фонды для взаимопомощи, участие в которых для членов союза добровольно в то время, как каждый участник такой кассы непременно должен быть членом союза. Этим мероприятием надеются привлечь в союз многих рабочих, еще не доросших до понимания боевых задач профессиональных организаций и затем поднять их постепенно на высшую ступень классового сознания.

Что касается различных легальных съездов, то участие в них представителей от рабочих организаций безусловно вносило в последние некоторую жизнь. Например, во время антиалкогольного съезда во всех союзах и клубах велись горячие дебаты, и газеты с отчетами о речах рабочих депутатов читались нарасхват. Классовое сознание нисколько не затемнялось легальностью съезда, а, наоборот, резолюции и речи рабочих депутатов способствовали уяснению классовой точки зрения даже в таких слоях, куда обычно трудно доходит соц.-демократическое слово. Арест делегатов окончательно открыл рабочим глаза на условия работы легальных съездов. На следующем съезде по борьбе с проституцией имело место еще более реалистическое отношение к участию в подобной работе. Строго считаясь с конкретными условиями того момента, пришлось отказаться от участия в нем, так как новый арест мог окончательно разбить силы, и без того совершенно ослабленные тремя крупными предшествовавшими провалами. В клубах и школах из-за отсутствия лекторов лекции почти не читались, зато весной были разрешены лекции о кадетах и государственном страховании думским депутатам соц.-демократической фракции. Эти лекции прошли довольно вяло и не произвели на слушателей особенного впечатления. Летом ездили часто на совместные со всеми клубами и школами экскурсии за город, что в сущности представляло самые обычные пикники.

Никакого формального объединения между легальными организациями Петрограда пока не существует, ибо после прошлогодних провалов фактически не существует ни центрального бюро профсоюзов ни межклубной комиссии.

Кооперативов в Петрограде очень немного и те, которые есть, влачат жалкое чисто торгашеское существование, ничем, кроме цен и дивидендов, не интересуясь. Более широкие просветительные организации для рабочих — рабочие политехникумы и университет — находятся всецело в руках буржуазной интеллигенции типа Туган-Барановского.

О современном состоянии Петроградской соц.-демократической нелегальной организации можем сообщить еще более печальные факты. Относительно ее необходимости в данный момент для нас, революционных соц.-демократов, конечно, не может быть сомнения. Ярким доказательством последнего является то обстоятельство, что она чрезвычайно быстро восстановляется каждый раз, как только являются деньги и профессионалы. Такое явление постоянно наблюдалось в течение всего этого и прошлого года. Быстро растут кружки, которые охотно посещаются рабочими середняками, скоро возникают также районные и подрайонные руководящие ячейки и формируется П. К. Начинается выпуск литературы, и работа идет во-всю, но затем следует громадный провал, и все это так же быстро исчезает, как возникло. Затем повторяется такая же картина, вплоть до нового провала, причем ряд фактов обычно доказывает, что вся деятельность проходила не без внутреннего контроля охранки.

Такой характер носит в общем вся петроградская партийная работа за последние два года. За это время, не считая арестов отдельных лиц, было 14 крупных провалов (собрания П. К., типографии и т. п.). Провокация [1]) проявляется в организации и, главным образом, в так называемых официальных центрах, ибо, главным образом, проваливаются и при довольно странных обстоятельствах все связанные с ними люди и предприятия, и таким образом несомненно это, но от каких лиц пока точно не выяснено.

В общем, в Петрограде теперь создалась в партийных кругах невозможная атмосфера крайнего взаимного недоверия. Характерно, что за указанное время в Петрограде удавались только такие партийные предприятия, которые не были вовсе связаны с официальными центрами П. К. или Ц. К., или пока они еще не были с ними связаны (выпуск 5.000 экз. печатной брошюры «Письма Максимова к большевикам» Василеостровского района, типография Петроградского района до ее соединения с П. К., издание печатного майского листка группы правдистов, распространение транспортов «Правды» и «Вперед» и т. д.).

На почве такого широкого и вполне несомненного распространения провокации в Петрограде у очень многих деятельных партийных работников явилась мысль временно распустить петроградскую официальную партийную организацию и предоставить ее восстановление инициативе отдельных лиц и кружков, конечно, при наличии тесных связей с идейными и литературными центрами за границей, ибо при полном недоверии к офи-

[1] Из наиболее злостных и крупных провокаторов можем назвать Р. Малиновского, Коновалова (Николая Выборгского), Шурканова и др.

циальным центрам не только интеллигенции, но и рабочих в Петрограде пока все равно нет никакой возможности вести работу.

Вопрос о таком временном распущении организации был поднят официально и на последнем (в августе 1910 г.) собрании П. К. встретил там отчаянное сопротивление ленинцев и был оставлен открытым до решения на предполагавшейся обще-городской конференции. Затем последовал сентябрьский провал, после которого П. К. в Петрограде больше не существует, причем были взяты и главные инициаторы роспуска. Нужно заметить, что до этого за все лето организация ничем себя не проявляла, и жизнь ее была, в сущности, фиктивной: литературы никакой не выпускалось, денег совершенно не было, районы и подрайоны почти вовсе не собирались и существовали только на бумаге.

Как только начали работать, ставить типографию, то, по питерским обычаям, тотчас провалились.

Повторяем, П. К. теперь не существует, разве кому из чересчур ретивых ленинцев придет фантазия объявить себя самозванно за таковой, что было бы особенно нелепо при почти полном у них, в данный момент, отсутствии связей среди рабочих Петрограда, где большинство партийных элементов сейчас сочувствует «Вперед» и «Правде».

На почве такого тяжелого и ненормального положения, поскольку оно стихийно преломляется в голосах фракционно-науськанных ленинцами рабочих, получаются иногда крайне нелепые инциденты. Нарвский район, например, ранним летом, в виду недоверия к чистоте от провокации в П. К. решил отделиться от него и организоваться на новых началах, именно: не пускать отзовистов, ультиматистов и т. п. Московский район вынес летом резолюцию, что в виду провокации в П. К. он от него отделяется и требует, чтобы Ц. К. поручил думской соц.-демократической фракции сорганизовать новый П. К. Вскоре после этого все работники Московского района провалились, причем выяснилась несомненная наличность в районе провокации.

Такому широкому распространению провокации и тем чрезвычайным опустошением, которые она, по сравнению с прошлым временем, производит в наших рядах, особенно способствует полная конспиративная неопытность большинства лиц, вступивших в организацию после 1905 г., отсутствие конспиративных навыков в рабочей среде, общая неспособность нашей партии приспособиться к условиям быстрого перехода от полусвободного существования к подполью, наконец, фракционные дрязги. На последней почве легко проникают в партию всевозможные авантюристы, недостойные имени соц.-демократа ни с теоретической ни с практической стороны, которые ловко пользуются фракционными интригами, ловят рыбу в мутной воде, пролезая в верхи, обирая и без того пустой карман партийной кассы, а при случае предлагая свои услуги и охранке. Недаром у нас сплошь и рядом покрываются фракционными соображениями о сохранении авторитета того или иного центра всякие гадости.

В общем отношение к нелегальной соц.-демократической организации петрогроградских рабочих середняков, этой наиболее благоприятной для нас среды, можно формулировать следующим образом: сильное стремление к такой организации вообще при не менее сильном недоверии к чистоте от провокации ее официальных центров. Недостаток инициативы и самодеятельности, чтобы самим восстановить такую организацию, обусловливают ненормальный ход партработы среди рабочих до сих пор, что метко охарактеризовано в брошюре покойного т. Сажина. Еще сильны кое-где пережитки чисто фетишистского преклонения перед официальными центрами. Последнее особенно ярко сказалось в приведенной резолюции Московского района.

Почва для возрождения партийной работы в Петрограде все-таки благоприятна, при наличии некоторых денежных средств и известного, хотя и незначительного, числа выдержанных теоретически и достаточно опытных в конспиративном отношении профессионалов, что дало бы возможность создать достаточно законспирированные от провокации идейно-литературные и технические центры. Снова быстро оживилась бы вера в партийные силы в рабочих массах, снова возникли бы скоро жизнеспособные районные и заводские ячейки, и путем их постепенного объединения, наконец, опять создалась бы достаточно крепкая общегородская организация на основе демократического централизма. Конечно, все это не может явиться сразу, а создается постепенно в процессе упорной и медленной работы по постепенной группировке и дальнейшему объединению всех имеющихся сейчас в Петрограде пролетарских элементов, пригодных для восстановления партии, конечно, при строгом соблюдении конспирации, и по подготовке новых таких элементов путем устройства партшкол и разных кружков, энергичного распространения популярных местных газет и листков на злобу дня и другой соц.-демократической литературы, проведением политических кампаний и энергичным участием во всех сферах легального рабочего движения. Наличность в настоящий момент известного, хотя и незначительного числа вполне сознательных и активных в революционном смысле единиц из самих рабочих значительно облегчает постановку работы по сравнению с прошлым.

Считаем не лишним отметить весьма любопытное отношение к углублению нашей пропаганды ленинцев, работавших в Петрограде прошлой зимой, представлявшее, в сущности, новый тип ликвидаторства, на этот раз только по иронии судьбы исходящий от ярых на словах врагов ликвидаторства. Партийные школы и кружки, по их словам, отжили уже свое время, ибо теперь рабочий может получить все необходимые ему знания в легальных обществах (очевидно, на лекциях клубов в присутствии приставов или слушая кадетских соловьев в народных университетах). Поэтому, говорили они, в кружках нужно читать только на текущие злободневные темы, если мы не желаем превратиться в академистов, например, по вопросу о государственном страховании, думской работе фракции и т. д. Фактически вся их, так называемая, пропаганда сводится к фракционному бесцеремонному натаскиванию, что особенно еще при наличии целого ряда бестактных выходок юных пропагандистов, чуть ли не с парт приготовитель-

ных классов попадающих прямо в П. К., только отталкивает рабочих. Один из таких не по летам развязных юнцов отказался, например, заниматься с кружком на Пороховых, потому что туда ходили и эс-эры. Последние были брошены на произвол судьбы тогда, когда они начали сомневаться в учении эс-эров.

Любопытно еще то, что во время дополнительных выборов в Петрограде в Гос. Думу прошлой осенью из всех организаций был выпущен только один гектографированный листок к избирателям, как раз Василеостровским райкомом, считавшимся крепостью отзовистов, редактированный впередовцем или, по-тогдашнему, махаевцем».

Такова в общих чертах та политическая обстановка, в которой приходилось работать в 1910 году. Пожалуй, что это было самое тяжелое время для партийной работы. Верхи оказались разгромленными, казалось, не было возможности их восстановить, провокация разъедала, организации разваливались, и тем не менее в этот отчаянно тяжелый промежуток времени наблюдалось известное оживление или, точнее, начало этого оживления, причем оно шло по двум направлениям: в ноябре месяце 1910 г. зашевелились почти одновременно печатники Петрограда и студенты.

В высшей степени интересные донесения, посвященные движению среди петроградских печатников, мы находим в тех же делах департамента полиции за 1910 год. В донесении от 25 ноября говорится о том, что рабочее движение в Петрограде, усилившееся за последние дни, продолжает разрастаться. Забастовка, устроенная рабочими на фабрике Кана, окончилась их полным торжеством: Кан удовлетворил все предъявленные к нему требования, хотя «подобное удовлетворение, если оно продлится долго, грозит фабрике окончательным разрушением». Рабочие торжествуют и порешили предъявить такие же требования и трем другим фабрикантам: Гаевскому, Кирхнеру и Ульману. Фабрикант Кан обратился к градоначальнику за помощью, но последний ее не оказал, указав, что чрезвычайная охрана снята, и он не может вмешиваться. Рабочие требовали, чтобы на фабриках работали только члены профсоюзов.

Владельцы фабрик решили сопротивляться и перейти в наступление. Об этом говорит то же донесение департаменту полиции, которое эту часть вопроса рисует в следующем виде: «На вчерашнем собрании фабриканты порешили, что если кому-нибудь из них будут предъявлены экономические требования, то фабрикант не согласится на них, и все заявят рабочим двухнедельный расчет. Таким образом в противовес забастовке рабочих фабриканты объявят локаут.

Сегодня (22 ноября) в 5 час. вечера у Лейнера (хороший ресторан) соберутся фабриканты для выработки методов борьбы. Вчера вечером на Охте состоялось общее собрание рабочих печатного дела тоже для выработки тактики».

Обстоятельства, предшествовавшие забастовкам, тоже нашли свое отражение в делах департамента. Забастовка у Кана происходила с 15 по 19 ноября, причем ею руководил секретарь союза печатников Пегасий Трифонович Разумный и рабочие типографии, члены союза. Сам г. Кан указал в качестве агитаторов за забастовку служивших на фабрике Андрея и Егора Сорокиных и Егора Никитина, но «сам он очень боится, как бы их не арестовали, так как фабрика станет, и он будет разорен». Следующая крупная забастовка печатников разыгралась в ноябре на фабрике Шварца. Требования были предъявлены через Белявского и Иванова, и фабрика стала.

5 декабря состоялось собрание машинных рабочих и литографов, которые решили всюду проводить определенные требования и начинать забастовку, имеющую целью улучшение их материального положения. Для того, чтобы не создать представления об общеполитическом выступлении, решено эти забастовки проводить исподволь и, таким образом, добиться улучшения общего материального положения всех рабочих полиграфического производства.

Ответом на эти планы послужил переход фабрикантов в наступление, о чем говорится в донесении и от 10 декабря: «Фабриканты и заводчики (по отделу печатного дела) решили перейти из оборонительного в наступательное положение. Все большие фабриканты по названному отделу: Гаевский, Кирхнер, Кан, Ульман и Шварц составили союз, на основании взаимного страха и круговой неустойки. Тактика союза такова: до 15 января 1911 г. фабриканты и заводчики остаются в выжидательном положении. Если за это время вспыхнет где-нибудь забастовка — фабриканты должны немедленно сойтись и обсудить вопрос в применении к данному случаю. На какие-нибудь аггрессивные меры со стороны рабочих до половины января шансов более чем мало из-за рождественских праздников. Если забастовка (экономическая) возможна, так это только с половины января. Фабриканты опередят рабочих. Они вывесят у себя на фабриках свою расценку, много ниже нынешней. Если рабочие данной фабрики заявят протест, — им запишут двухнедельный (по закону) расчет. Одновременно с данной фабрикой расчет будет заявлен и на всех остальных 4 фабриках. Таким образом, ни на одну фабрику недовольный рабочий попасть уже не сумеет. Все рабочие по данной отрасли будут сильно сжаты».

Доклад заканчивается указанием на то, что организованный таким образом локаут может привести к самым неожиданным последствиям и вызвать чрезмерные осложнения, так как на улицу будет выброшено до 3.000 рабочих, лишившихся заработка и попавших в нестерпимо тяжелое положение.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что наиболее тяжелый период развала уже миновал, что началось некоторое оживление рабочего движения, которое переходит в наступление, встречая организованный отпор предпринимателей.

Вторым серьезным фактором в ту же эпоху было сильное оживление студенческого движения. Оно получило внешний толчок от обстоятельств, сопровождавших смерть гр. Л. Толстого. Смерть графа Льва Николаевича Толстого взбудоражила массы, в учебных заведениях начались сходки, посвященные памяти этого великого человека. Студенчество живо сопоставляло его призывы против смертной казни с тем разгулом виселиц,

который в это время наблюдался. Под лозунгами борьбы с смертными казнями и произволом происходили сходки и прекращались учебные занятия.

Об этом же имеются указания и в документах департамента полиции. В них говорится: «Внутри студенчества в настоящее время идет усиленная борьба течений: умеренного и кадетского с крайним левым, где уже обыкновенные с.-р. и с.-д. не определяют собою всей силы протеста учащейся молодежи». Лидеры левых студентов стягивают все большее количество сторонников, и говорят, что движение идет не в одном Петрограде с его 16 высшими учебными заведениями, а во всей России. «Левое студенчество утверждает, что при малейшей возможности устроить манифестации, таковые будут, тем более, что студенчеству обеспечена активная поддержка больших групп рабочих. Без полной уверенности хотя бы даже в маленьком успехе центр не пойдет на манифестации. По этому поводу левые говорят: «В интересах наших не только как можно сильнее будоражить общественное сознание, но и одерживать победу. Если будет возможно, то постараемся на 40-й день смерти Толстого поднять студенчество на манифестации, которые начнутся с пения вечной памяти; потом будут крики об отмене смертной казни, и наконец необходимо выставить требование всеобщего, прямого, равного и тайного голосования к предстоящим выборам в Гос. Думу».

Таковы были по данным департамента полиции предположения, но они вылились в другие формы. Дело в том, что в последних числах ноября 1910 г. покончил самоубийством Егор Сазонов, отбывавший каторгу по делу об истреблении мин. Плеве. Уже и без того студенчество бурлило, а это обстоятельство, в связи с избиением каторжан, подлило масла в огонь. Повсеместно происходили митинги и сходки, на которых выставлялись чисто революционные требования, студенчество звалось на борьбу. Студенчество вышло на Невский в огромной демонстрации.

Ответом на эти выступления явился ввод полиции в стены учебных заведений, разгон сходок, а 1-го декабря, по поручению Курлова, охранному отделению было предписано выяснить и арестовать всех студентов, входивших в состав президиума сходок и произносивших речи. В результате этого десятки лиц были арестованы и высланы в отдаленные места Сибири. Движение этим не было подорвано.

Эти два факта стоят на рубеже между эпохой жесточайшей реакции и преследований и эпохой некоторого оживления рабочего и революционного движения.

Движение пережило время жесточайших испытаний, а затем в 1911, 1912 и 1913 годах шло к определенному подъему, о чем свидетельствовали многочисленные стачки рабочих, великолепное проведение первомайского дня, бурные протесты рабочих в различных случаях и т. д.

Эпоха реакции не убила революционной энергии петроградских рабочих. Она их закалила, сделала более подготовленными к борьбе и победе, которая потом и была одержана в февральские и октябрьские дни 1917 года.

Р. Арский.

ИЗ ЖИЗНИ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ БОЛЬШЕВИКОВ.

(Из воспоминаний слесаря.)

В 1904 году я поступил на работу на Невский судостроительный и механический завод (Семянникова). В революцию 1905 года по приглашению одного из товарищей (тов. Ващенко, слесаря) я вступил в ряды Р. С.-Д. Р. П. и стал посещать партийные кружки сперва низшего типа, а потом и высшего. В кружке с нами занимались и курсистки (одна из них тов. «Лиза», дочь архитектора, работала у нас в 1905—1906 г.г.) и интеллигенты (тов. «Филипп», зубной врач, еврей, работал в нашем кружке в 1907—1908 г.г. Он был командирован из Петербурга к нам партией и был агентом Ц. К). В кружке нас было всего семь человек, кружок был большевистский.

Занятия в кружке низшего типа были следующие: 1) как живут богатые и бедные, 2) история земли, 3) как появились люди на земле, как они жили, чем занимались и 4) откуда появились богатые и бедные.

В кружке высшего типа разбирали «Эрфуртскую программу» Карла Каутского и вопросы о религии и о задачах Р. С.-Д. Р. П.

В 1905 г. у нас в районе работал интеллигент тов. Невский, бывший у нас организатором боевой дружины рабочих с.-д. Невской заставы. В том же году и в 1906 г. у нас в районе выступал и тов. «Абрам» (Ник. Вас. Крыленко).

В 1906—1907 г.г. я стал посещать (в технических вечерних курсах — «Корниловских» — по Шлиссельбургскому тракту, д. № 65)—кружок приват-доцента Московского университета Ник. Рожкова, который занимался с нами по разбору программ различных партий, начиная от монархистов, кончая анархистами. Притом я учился на этих же вечерних технических курсах, где я посещал много политических лекций. Должен сказать, что «корниловская» школа много дала политических работников, много воспитала борцов за освобождение пролетариата, и ее стоит занести в историю революционного движения пролетариата. В ней были лекторами и учителями (большевики т.т. «Владимир», П. Ф. Куделли и др.), которые участвовали у нас и на собраниях и читали нам политические лекции.

Когда я занимался в кружке высшего типа, меня стали приглашать на районные собрания Р. С.-Д. Р. П., за Невской заставой, в помещении «Корниловской» школы. Помню, на одном из районных собраний в этой школе происходили выборы на конференцию или съезд, который был, кажется, в Лондоне. В это время и нам заметны стали резкие разногласия между большевиками и меньшевиками. Некоторые товарищи говорили, что нужно голосовать только за кандидатов, выставленных большевиками. Со стороны большевиков на этих собраниях выступал тов. Зиновьев, тогда его называли «Григорием», и «Владимир» (учитель), а со стороны меньшевиков — приехавший из Москвы тов. «Андрей Рыжий», как мы его называли.

Кроме большевиков и меньшевиков, в рядах нашей партийной организации за Невской заставой были и просто «болото», так называли мы некоторых колеблющихся товарищей.

Когда наступила реакция, то мы ее не испугались, а сплотились крепче и продолжали свое святое дело, зная, что реакция недолго будет, пролетарская революция неизбежна.

Печатая [1]) прокламации на гектографе и мимеографе, распространяли мы их не только в своем районе, но отсылали и в другие районы. Прокламации составлял конторщик Леонов, утверждались они исполнительной комиссией района, в которую входили в 1907 — 8 г.г. Дрожкевич, Леонов, Николай Малахов и я. Членом этой комиссии я был по день моего ареста в 1913 году.

Приходилось работать в весьма тяжелых условиях, когда чуть ли не на каждом шагу преследовала тебя полиция и десятки шпиков. Бывало, хочешь собраться летом в лесу, за валом, на Черной речке или за Невой (за фабрикой Торнтона или за кирпичными заводами) и в др., как откуда ни возьмись появляются подозрительные типы, словно они живут в лесу, и нам приходилось расходиться. Иногда т.т. говорили: «Давайте, намылим им шею или прихлопнем их, чтобы они больше не ходили за нами». Бывало, что иногда один и тот же тип следил за нами по несколько раз, — ясно было, что это был шпик.

Бывало, устраивали в летнее время в лесу массовки. Ставили мы тогда патрули, давали им пароль или условный сигнал на случай появления полиции, а также устраивали в лесу и районные собрания партии. Указанием места нахождения собрания был условный знак: или залом кустов или вешали бумажки на ветки на расстоянии до самого места собрания, а около леса ставили патруль. Бывали случаи, что патрульные доносили, что едет полиция. Тогда наша публика начинала разбегаться по болотам, в брод через Черную речку. Смотришь, все присутствовавшие на массовке разбредутся по лесу, по полю, что овцы. Видишь, — там идет

---

[1]) Печатали в 1907 — 1908 г.г. прокламации районного комитета: я, пишущий эти строки, и строгальщик по дереву тов. Николай Дрожкевич; помогал нам слесарь Николай Малахов. Работали мы по решению районного комитета.

один, там выходит другой из лесу. Я с одним товарищем (беспартийный слесарь Ефимов) однажды заблудился в лесу, и проходили мы часов пять; благодаря только встрече с одним человеком, который показал нам, куда итти, мы выбрались.

Помню, однажды, в 1907 г. летом была устроена в Черновском лесу массовка. С нашей стороны были приглашены ораторы: тов. «Кон» (интеллигент, поляк) и тов. «Нина» (курсистка, полная на вид). Но, вот, патрульные донесли, что едут казаки. Большая часть собравшихся бросилась врассыпную, в том числе и ораторы с.-р. и анархистов. Слово было предоставлено тов. «Нине», которая стояла на пне и продолжала речь о текущем моменте, призывая товарищей не расходиться.

Устраивали мы и встречи нового года (в 1907 — 1909 г.г.), где читались рефераты, делались доклады по текущему моменту (были ораторы — товарищи «Филипп», «Поля» - курсистка и рабочие).

Привезут (или сам привезешь) из города прокламации Петербургского комитета или брошюры (брошюры получали от тов., кажется, Дьякова или Дьякона, жившего по Старому Невскому, на Александро-Невской улице, в подвале одного из домов).

И вот вечером начнешь распределять их по подрайонам (Палевский, Александровский, Обуховский, Стеклянный и Невский) и на следующий вечер разнесешь по товарищам, которые, в свою очередь, распространяли по заводам, фабрикам среди рабочих. А сам, бывало, возьмешь литературу под рубашку, подпоясавшись ремнем, и несешь в завод и разносишь по мастерским, а там уже распространяют тов. члены Р. С.-Д. Р. П. (б.) среди рабочих. Меньшевикам не совсем приятно было видеть, когда прокламации распространялись нами, и они грозно призывали рабочих к борьбе.

Последний раз мне принесли прокламации 17 июня 1913 года в 12 ч. ночи (3.000 штук), прислал их с Пороховых Игнатьев, впоследствии оказавшийся провокатором. Со мною же в одной мастерской в это время работал и с.-д. Илья Сесицкий, впоследствии тоже оказавшийся провокатором, который, видимо, тоже предал меня и других.

19 июня 1913 года в 4 часа утра на квартире у меня был обыск, в мою комнату вошли 7 городовых, помощник пристава и шпик. Я встал с постели в ночном белье. Они поставили меня к стене, приказали опустить руки почему-то по швам. Я исполнил их приказание. Вот они начали производить обыск, стали спрашивать об оружии, бомбах и прокламациях. Я ответил им, что таковых у меня не имеется. Они все перерыли, — даже стены комнаты все истыкали железной тросточкой. На этажерке нашли много запрещенных в то время брошюр, по одному экземпляру. Начали допрашивать, где я купил, или кто мне их дал, знал ли я, что эти книги запрещены, зачем я их хранил. Я ответил, что книги купил я давно, в 1906 - 1907 годах, когда можно было купить их свободно; никто мне их не приносил, купил я их в чайной, когда пил там чай, а разносчик книг в тот момент предложил мне купить их, я и купил.

Заявил я, что, по моему мнению, тогда они не были запрещены, что же касается хранения их, то так как они лежали у меня давно, то я про них забыл.

Спрашивали меня затем, давал ли я кому-нибудь читать эти книги. Я сказал, что нет. Потом нашли фотографические почтовые карточки членов первого Петербургского Совета рабочих депутатов 1905/6 — г.г. Когда они нашли эти карточки, то шпик сказал: «ага, это к кнопке», но я не понял, кого к кнопке: меня или карточки. Начали меня спрашивать тогда они, как я знаком с депутатами, и кто мне дал эти карточки. Я ответил, что никто мне их не давал, но не помню, откуда они ко мне попали, и что они также давно у меня лежат и что я никого из депутатов не знаю.

После обыска и составления протокола околоточный надзиратель спросил помощника пристава: «Он с нами пойдет?» Тот посмотрел на свое предписание на обыск у меня и сказал: «независимо от результатов обыска, подлежит личному задержанию».

Тогда они предложили мне одеться. Я оделся, городовые забрали мои книги и карточки, и мы отправились в участок. В участке находился арестованный в эту же ночь тов. Владимир Молоховский [1]) и один беспартийный рабочий, якобы, за распространение прокламаций.

Нас из участка в темном автомобиле привезли в охранку, здесь сняли с нас допрос, сфотографировали нас в трех или четырех позах, смерили, сняли оттиск на бумагу с наших рук и, отдельно, пальцев. После этого отправили в Петербургский дом предварительного заключения.

При обыске у меня все-таки не нашли главного, это пяти штук программы Р. С.-Д. Р. П., напечатанных на очень тонкой бумаге из 4 листов, формата в $^1/_4$ писчего листа, которые были спрятаны в зеркале, и чековой книжки для сбора членских взносов и других сборов с наложенной на талонах ее печатью партийной организации, которая была спрятана в щели между плитой и стеной.

Позже были арестованы Н. Малахов и др., Леонов же успел уехать в Москву до ареста, в 1910 году.

В «Предварилке» посадили меня в одиночную камеру. На следующий день дали мне щетку и воск для натирания асфальтового пола камеры. Я думал, что это мыло, и намочил его и щетку в раковине водой, стал тереть, и у меня, понятно, ничего не вышло. Пол до того блестел, а когда я потер его мокрой щеткой, то пол потускнел. Пришел надзиратель и сказал, что не нужно было мочить щетку и воск, принес сухую и стал показывать мне, как нужно натирать ногой пол. Конечно, я так не сумел, у меня все время из-под ног щетка выскакивала, и ничего не выходило, тогда я становился на колена и руками натирал пол.

После предварительного заключения меня выслали из Петербурга по п. 4 ст. 16 об усиленной охране с лишением права жить в 57 пунктах России. Выслали меня в конце июля 1913 г.

[1]) Член исполнит. комиссии Невского района.

В течение 3-х дней я собрался и уехал из Петербурга в Ригу.

В Риге, работая в оптическом заведении Герца, я познакомился там с одним товарищем (латышем) Берновским, Фрицем Яновичем. Он был членом латышской организации Р. С.-Д. Р. П. (б). У меня постоянной квартиры не было, я переехал на квартиру к нему. У него в квартире жил еще один член с.-д. латышской организации (большевиков), тов. Роберт Эйхе. Мать Эйхе держала квартиру. Квартира была в одну комнату и кухню. Мы трое поместились в комнате, а мать Эйхе на кухне.

На масленой неделе в 1914 г. должно было быть у нас на квартире собрание латышской организации Р. С.-Д. Р. П. (б).

В этот день вечером на улице был арестован тов. Эйхе, и никто об этом не знал. Вот пришел вечер, начинают сходиться товарищи на собрание (всего пришло 8 человек). Вдруг неожиданно является на квартиру с обыском полиция и, не находя ничего, забирает нас всех и отправляет на съезжую (вроде арестного дома или предварительной тюрьмы). Нас посадили всех вместе в одну, по нашей просьбе, камеру. Когда нас привели туда, там уже находился тов. Эйхе.

В этом арестном доме было хорошо: днем почти все время камеры были открыты, и мы все могли свободно ходить по камерам и разговаривать с товарищами, а, бывало, дадим надзирателю 20 или 30 коп., и он за эти деньги разрешал устраивать общие собрания заключенных, на которых делались доклады на политические темы.

Через 6 дней нас начали допрашивать. Доходит очередь и до меня. Помощник жандармского полковника вежливо пригласил сесть и предложил стакан чая, от которого я отказался. Вот он начал меня допрашивать, кто я такой, откуда приехал. Я отвечаю, что приехал из Петербурга. Он спросил, почему я сюда приехал, там лучше. Я ответил, что захотел посмотреть Ригу.

Потом он спросил меня, как я попал жить вместе с Робертом Эйхе и Фрицем Берновским, был ли я раньше с ними знаком. Я ответил, что их не знал. — «Но как же они тебя, незнакомого, — продолжал он, — пустили к себе на квартиру жить. Они известные в Риге члены Р. С.-Д. Р. П. (б.) и они ни в коем случае не могли пустить русского незнакомого человека жить к себе на квартиру. Повидимому, вы сами к этой партии принадлежите. Поэтому они вас и пустили к себе жить». Я ответил, что ни к какой партии не принадлежу, а что касается того, как я попал к ним жить, то это вот как: приехав в Ригу, пошел искать себе комнату, вижу, на воротах наклеена по-русски написанная записка, что сдается полкомнаты. Я зашел, мне понравилась комната, по цене мы сошлись, и я переехал к ним жить.

После еще некоторых вопросов офицер предложил мне поступить на службу в жандармское управление в качестве агента-доносчика, на 50 рублей жалованья, с условием, что мне дадут где-либо на заводе хорошее место, а я только буду о неблагонадежных доносить в жандармское управление. Я ответил ему, что на такие вещи я неспособен, и отказался от

такого занятия. — «Да почему? Вы — человек русский, должны любить своего царя и родину и по-моему все русские должны помогать уничтожению «крамолы», — продолжал усовещевать меня офицер. На это я категорически заявил: «Я уже вам сказал, что на такие вещи у меня нет способности, а поэтому от такой работы отказываюсь».

Через несколько дней нас ведут на допрос в жандармское управление. Товарищи смеются надо мною, что я, прежде чем итти в жандармское управление на допрос, должен пересчитать, сколько у меня во рту зубов, а то я-де не узнаю, сколько их там оставят. Я догадался, в чем дело, и, смеясь, сказал, что у меня не хватает только одного зуба, если я потеряю десяток, то это не беда.

Правда, по зубам мне в жандармском управлении не попало, но там очень грубо и с угрозами при допросе обращались со мной.

Перед арестом за экономическую забастовку в оптическом заведении Герца, где я работал слесарем, я был уволен и не мог никуда поступить (куда ни приду, запишут имя, фамилию и скажут, приходите завтра или через день; по истечении этого времени прихожу туда, и там в приеме отказывают). Меня и других, кроме Эйхе, скоро выпустили, и я в начале июня 1914 года приехал в Петербург. Стал жить, где попало: в Лесном, в Парголове, в Озерках, у товарища Рябова [1]) и так далее. Потом мне товарищи посоветовали прописаться у тов. Неклюдова в деревне «Гражданка» (около города); я там прописался, но не жил, только ночевал раза три.

Находясь без работы, не имея денег, чем жить, обходил почти всех товарищей. Но и их материальное положение было плачевное. Тогда я заходил на квартиру с.-д. фракции большевиков Государственной Думы, к депутату Алексею Бадаеву, который давал мне деньги - помощь...

17-го июня 1914 года по Бабурину пер. в д. № 5, в Сампсониевском обществе образования, должно было состояться собрание исключительно, повидимому, партийных товарищей и должен был быть какой-то доклад товарища по кличке «Николай».

Полиция узнала, что в этом обществе будет собрание, окружила дом, где было общество (я был приглашен на это собрание тов. Неклюдовым, большевиком, рабочим Петербургского трубочного завода, работавшим тогда на механическом заводе «Айваз»). Полиция переписала всех присутствовавших, арестовала и отвела в участок на Сампсониевском проспекте. Оттуда нас, человек пять, как проживающих в уезде, утром на следующий день отправили в губернское жандармское управление (на Тверской улице). Из этого управления нас этапным порядком направили по месту жительства, а там, наведя справку, что мы там живем, нас освободили. Но на следующий день охранка узнала, что я известен им, и она сейчас же произвела обыск у меня, на квартире Неклюдова, где я жил. У меня ничего не было найдено.

[1]) Был сторожем одного из районных отделений петерб. професс. союза металлистов.

В тот же день, как только меня освободили, я сейчас же ушел из деревни «Гражданка» и больше туда не являлся. После тов. Неклюдов мне передавал, что у меня на его квартире был обыск, там, у кого я был прописан, и передавал, что после обыска раза три приходил урядник и спрашивал меня, где я нахожусь, где работаю. Урядник говорил, что Петров скрывается, но все равно его найдут и арестуют.

Потом осенью в 1914 году я поступил на Сестрорецкий оружейный завод. Там, несмотря на то, что за мною следили, я все-таки принимал участие в подпольной политической работе до самой революции 1917 г., состоя членом исполнительной комиссии Сестрорецкой районной организации Р. С.-Д. Р. П. (б.).

В дни февральской революции я был в той же организации [1]) организатором, ответственным секретарем.

После этой революции ныне покойный тов. Семен Восков передал мне изъятые из Сестрорецкого завода по делу моему секретные документы, которые при сем привожу.

Член Р. К. П. (б.) Петроградского уезда **Фрол Петров.**

Приложения:

Секретно.

I.

Настоящая переписка со сведениями о Петрове возвращается полицейскому надзирателю сестрорецкой фабрично-заводской полиции, с предписанием доложить о Петрове г. начальнику гарнизона и, в случае оставления последним Петрова на жительство, иметь за ним самое строгое наблюдение.

Декабря 14 дня 1914 г. № 1940.

Исправник (подпись неразборчива).

II.

Секретно.

Петроградскому уездному исправнику.

Из числа 93 лиц, поименованных в возвращаемом списке, по делам отделения известен Петров, Флор Петрович, крестьянин Смоленской губернии, Юхновского уезда, Красинской вол., дер. Молоден, который 19 июня 1913 года был обыскан и арестован в ликвидацию наиболее активных деятелей местной организации Российской социал-демократической рабочей партии фракции большевиков-ленинцев, в виду имеющихся совершенно

[1]) До 1917 г. в исполнительный комитет Сестрорецкого партийного района кроме меня входили рабочие: Павел Семенов, Александр Андреев, Илья Андреев, Николай Емельянов и Александр Палкин.

секретных сведений, что он состоял членом Невского районного комитета большевиков-ленинцев от Семянниковского завода, а также участвовал на собрании сего комитета и приглашал ораторов на таковые собрания. Так как по обыску у Петрова не было обнаружено материала, достаточного для привлечения его к формальному дознанию, ему петроградским градоначальником, на основании п. 4 ст. 16 положения об усиленной охране, воспрещено жительство в столице на все время действия здесь означенного положения.

17 июня с. г. Петров был задержан в числе других лиц на неразрешенном собрании, происходившем в д. № 5 по Бабурину пер., в помещении Сампсониевского общества образования, вследствие чего по месту его жительства был произведен обыск. За безрезультатностью обыска дело о Петрове не возбуждалось, и он, как не располагающий правом жительства в столице, был выдворен.

Об остальных лицах дел по отделению не производилось и сведений о политической их неблагонадежности не поступало.

14 декабря 1914 года, № 27841.

За Начальника Петроградского Охранного Отделения, помощник его, Подполковник (N)

И. д. Делопроизводителя (N)

С подлинным верно:

Полицейский надзиратель Сестрорецк. фабр. зав. полиции (подпись неразб.)

ЗА МОСКОВСКОЙ ЗАСТАВОЙ В 1908—1911 г.г.

(Из воспоминаний.)

В 1908 г. я поступил на работу на вагоностроительный завод Речкина за Московской заставой), где и работал в столярной мастерской. Здесь мне часто приходилось беседовать о происходящих в России политических событиях.

В 1909 г. рабочий, социал-демократ, Иван Прокофьевич Зайцев предложил мне записаться в ряды членов петербургского профессионального союза деревообделочников. Вскоре я стал членом союза, и мне в союзе стали поручать мелкие дела, а от завода Речкина выбрали делегатом на расширенное заседание правления союза. В конце года меня избрали членом правления союза.

Затем, работая в культурно-просветительной комиссии союза, я вступил в ряды членов общества образования рабочих за Московской заставой, в котором стал работать в качестве члена экскурсионной комиссии по организации экскурсий в музеи и высшие учебные заведения Петербурга, а также по организации лекций по различным вопросам.

Весной 1910 г. рабочие, социал-демократы, Зайцев и Майоров [1]) ввели меня в ряды членов Р. С.-Д. Р. П., и вслед за тем я прошел членом правления рабочего кружка, от имени которого был послан в межрайонную экскурсионную комиссию, которая собиралась на Выборгской стороне в Бабурином переулке в Сампсониевском обществе образования рабочих.

Летом 1910 года стали устраивать поездки рабочих за город в различные местности. В нашем, Московско-Заставском, партийном районе по воспитанию членов партии в это время работал (также и секретарем района) Георгий Шидловский под кличкой «Кузьма». Собирались мы в Румянцевском лесу или в поле, где тов. Шидловский читал нам с.-д. книги и партийные журналы и разъяснял нам их содержание и вел среди нас кружковую работу.

[1]) Деревообделочник. В 1914 г. работал на Выборгской стороне в Петербурге, а до того на вагоностроительном заводе Речкина за Московской заставой. Майоров говорил товарищам, что он в рядах партии с 1905 г.

Вас. Красильников.

Кое-когда делали нам доклады в различных местах района тов. Николай Полетаев, рабочий завода Глебова и член Государственной Думы, — затем, кажется, Покровский и другие товарищи.

Во время поездок за город с экскурсиями и на совещания экскурсионной комиссии я познакомился с социал-демократами рабочими Филипповым [1]) и Клавдией Николаевой, которых пригласил для партийной работы за Московскую заставу. Они выразили согласие и со своей стороны, ближе ознакомившись со мной, ввели меня в городскую партийную организацию. С появлением этих товарищей в Московском районе партийная работа, затихшая после ареста [2]) Шидловского и обыска в районе среди членов районного комитета, оживилась. В это время я был уже членом районного комитета партии. Собирался районный комитет или в помещении общества образования за Московской заставой, или на квартирах членов партии, или в Румянцевском лесу, где проводили и рабочие массовки.

Особенно мне памятна одна массовка летом [3]) 1910 года, на которой должен был делать доклад Ник. Полетаев о законе 9 ноября. Были установлены патрули. Меня назначили указывать товарищам, куда нужно проходить, сказав пароли. Полиция, как видно, пронюхала о предстоящей массовке, и Румянцевский лес был переполнен охранниками и городовыми. По шоссе разъезжали конные городовые. Массовку тогда перенесли за Чесменскую богадельню, куда я всех и направлял. И таким путем, несмотря на все принятые полицией меры, массовка все-таки состоялась и окончилась благополучно.

Для усиления партийной и культурно-просветительной работы в районе была организована финансовая комиссия по изысканию средств, в которую вошли Клавдия Николаева, затем Щепкина-Куперник и я. Первое собрание комиссии устроили у Вишняка (на Подольской улице), второе у тов. Этингера (на Поварском переулке) и следующее в типографском музыкально-драматическом кружке (на Глазовой ул.). Результатом работы комиссии явился приток денежных средств от устраиваемых концертов в зале Калашниковской хлебной биржи и в обществе гражданских инженеров.

---

[1]) Филиппов был переплетчиком и никогда не был большевиком. Он участвовал в гапоновском движении, затем, в 1905 же году, был в рядах петербургского совета рабочих депутатов, судился и был оправдан. После суда он работал в петербургском профессиональном союзе печатников, одно время на союзной и чисто культурной работе среди рабочих играл довольно большую роль. Это было в 1908—1910 г.г. По моему мнению, насколько я знала Филиппова, он в партийном подполье тогда вообще не работал, хотя я вместе с ним работала в 1910 г. в рабочем обществе образования за Московской заставой, но на подпольных собраниях я его никогда не видела. Да он к этой работе и не стремился, так как был человеком меньшевистско-ликвидаторского толка. В настоящее время он отошел от политической жизни, мещански настроен и стал религиозным человеком.

Клавдия Николаева.

[2]) 20 июня 1910 г.

Редакция.

[3]) 23 мая.

Юр. Новин.

Осенью 1910 года в нашем районе произошел второй провал. Были арестованы многие члены районного партийного комитета: Рябинин, Смирнов и другие. Остались уцелевшими от арестов Владимир Абросимов, Зайцев, Плонин и я. Было снова сорганизовано правление общества образования и дополнен партийный районный комитет, в который ввели Николаеву и Филиппова. Спустя некоторое время Вл. Абросимов поставил вопрос о том, чтобы объявить общество образования под флагом Р.С.-Д.Р.П. У меня под влиянием бывших провалов возникло недоверие к Абросимову, которое укреплялось во мне в силу его пристрастия к либеральной буржуазии. Под влиянием создавшегося во мне убеждения я на собрании партийного районного комитета выступил против предложения Абросимова, и у меня вырвалась фраза: «Что же, ты хочешь основать в обществе образования отделение охранки?» Произошел скандал, и Абросимов потребовал партийного суда. Через две недели таковой состоялся. Абросимов потребовал моего исключения из партии и из рядов членов правления общества. Выслушав мои объяснения, подавляющим большинством голосов меня оставили в рядах партии и, приняв во внимание мою партийную работу, вынесли мне выговор за нетактичность.

После революции 1917 г. стало известно, что Вл. Абросимов был провокатором, но его «работа» в течение нескольких лет принесла много вреда для партии, и много товарищей из-за него пошло в ссылку и тюрьму.

Из членов партии, энергично работавших в подполье со мной вместе, я помню Николая Иванова, Махоткина, Репина, Дудкина, Ник. Карцева и других деревоообделочников, а по Московско-Заставскому району: Азарова, Захарова, Плонина, Василия Тимофеева; других я забыл.

Хорошо была поставлена работа в культурно-просветительном обществе имени Стасюлевича (в Чубаровом переулке), где работали многие из переименованных выше рабочих, а также К. Н. Самойлова, София Менн, Ал. Поморский (пролетарский поэт), Сапронов, тов. «Митя» и другие. Работали дружно, не щадя своих сил, охватывая в своей работе профессиональное движение.

* * *

Вспоминаю еще день 1-го мая 1910 года за Московской заставой.

Мы тогда провели маевку в Румянцевском лесу, Собралось человек 30. Докладчиками были Вл. Абросимов и тов. «Татьяна» [1]). Забрались мы в самую гущу леса, расставив кругом патрули. Все обошлось благополучно, т.-е. без вмешательства полиции. В этом же году было у нас собрание по поводу копенгагенской конференции [2]). После этого собрания мне

---

[1]) Лидия Семеновна Иоф, дочь статского советника. Работала в Московско-Заставском районе весной 1910 г. пропагандисткой.

Юр. Новин.

[2]) Речь идет, повидимому, о Международном Социалистическом Конгрессе в 1910 г. в Копенгагене.

Редакция.

пришлось делать сбор на заводе Речкина для отъезда делегата от Петербурга на этот конгресс.

При получке, когда рабочие стали отдавать мне записанные ими на поездку делегата деньги, один из столяров, Богданов, чуть ли не бросил мне обвинение в том, что я собираю деньги для себя. Тут мне пришли на помощь члены партии, в числе их Селезнев, и конфликт удалось уладить.

Для организации рабочих массовок и собраний нашего районного комитета была выделена инициативная комиссия, на обязанности которой лежало подыскивание докладчиков и выбор места для собраний. О дне расширенного собрания районного комитета извещались члены комитета утром в день собрания, которые в свою очередь извещали членов партии и сообщали им пароль.

В конце 1910 года меня избрали на всероссийский съезд ремесленников от петербургского профессионального союза деревообделочников вместе с эс-эром Андреем Пашковым. Сразу после избрания моего на съезд заводоуправление завода Речкина рассчитало меня с предупреждением, что отныне на завод мне дорога закрыта.

В январе месяце, 15 числа, 1911 г. было начало заседаний всероссийского съезда ремесленников. В этих числах у меня умер отец, мне пришлось заняться похоронами его, и на мое место на съезд был послан другой товарищ. Дальше мне не пришлось работать на фабриках и заводах. Работал я исключительно в мелких кустарных мастерских, среди рабочих, среди которых и вел с.-д. пропаганду, работая и в обществе имени Стасюлевича.

В. Красильников [1]).

---

[1]) Василий Платонович.

Редакция.

ИЗ МИНУВШИХ ДНЕЙ.

(Из воспоминаний наборщика с 1910—1912 г. г.)

Это было в 1910 году. Я тогда был еще юношей, учился последний год наборщиком в одной из крупных типографий Петербурга. В типографии была автономная комиссия, рабочим жилось легче, нежели в других типографиях. В ней происходили частенько забастовки, устраивались летучие собрания и т. п. Расставят, бывало, мальчишек, которые побойчее да постарше, а их было тогда около 40 чел., на караул до самой полицейской части, а в типографии в это время идет общее собрание рабочих. Мы, преисполненные сознания своего долга, зорко следили, чтобы не проехали конные городовые или не показалась на нашей территории серая шинель околоточного или пристава. Чуть что завидим подозрительное, сейчас сигнализируем друг другу условными знаками, и караульные у типографии уже сообщают собранию. Оттуда высылают кого-либо из членов автономной комиссии, и если тот видит, что действительно собранию грозит опасность, немедленно прекращает собрание и рабочие расходятся по местам.

Однажды, во время одного из таких собраний, в конторе, совершенно случайно задержался околоточный и, узнав о собрании, прошел коридором в типографию и начал подниматься на подъемной машине на четвертый этаж, где происходило собрание. Я стоял караульным в первом этаже, почему и не видел, как прошел с заднего хода околоточный, в виду чего и не мог, понятно, предупредить и своего приятеля Егорку, стоявшего на четвертом этаже. Тот, завидя на подъемке физиономию околоточного, бросился бежать в наборную с криком «околоточный», а сам спрятался под реал. Собрание сразу же начало расходиться. Околоточный разыскал Егорку, вытащил его за уши из-за реала и надрал ему уши. В заключение еще попало бедняге и от заведующего типографией, с предупреждением, что если еще будет замечен стоящим на карауле, то его выгонят вон. Но тот не унывал и ходил козырем, гордясь перед своими сверстниками своим подвигом. В таких условиях воспитывались и росли ученики этой типографии.

Снабжали нас рабочие типографии нелегальной литературой, читали мы ее дома в кругу своей семьи и рабочих-жильцов квартиры, с большим

интересом. В особенности нравились брошюрки с описанием террористических актов.

Когда я окончил ученье в типографии, меня потянуло на вечерние курсы. Но поступить на бесплатные некуда было, а за плату было не по карману. Но тут на счастье открылось Нарвское Общество «Образование»— (угол реки Таракановки и Обводного канала), учредителями которого были эс-эры. Преследовала школа, официально, общеобразовательную цель. Открылись вечерние классы с программой на сельского учителя. Я сразу же поступил на них. Познакомился с молодежью, у которой было тоже стремление к образованию. С течением времени составился тесный кружок рабочей молодежи. Мы устраивали экскурсии, вечеринки, читали нелегальные брошюрки.

В Обществе начались лекции. Из всех лекций нравилась нам одна — лекция студента тов. «Александра» о русской истории, — читал он просто, ясно, захватывающе. Говорил о крепостном праве, о том бесправии, которое чинили цари и их опричники над рабочими и крестьянами, о суеверии народа, о «святых», о мучениках, убивавших царей, о придворных интригах и т. п. Лекции читались под фирмой одного «утвержденного» преподавателя русской истории, который сидел тут же и слушал сам тов. «Александра».

Двери аудитории были на крюку. Свои стучали условными знаками. Если стук был незнакомый, то тов. «Александр» «смывался» в соседнюю комнату, а лекцию продолжал читать «утвержденный» педагог. И появление однажды околоточного ничуть не смутило ни нас ни педагога, который водил по карте пальцем, а мы записывали в тетрадь о подвигах и битвах русских царей и т. д. Просмотрело начальство наши тетради, послушало педагога и «ушло». А мы дальше с такою же жадностью ловили каждое слово тов. «Александра». Позже наш лектор был арестован и заболел легким помешательством, сидя где-то в провинциальной тюрьме, к тому же страдая туберкулезом.

В наш кружок молодежи в Обществе скоро вошел старый подпольный партийный работник, рабочий фабрики «Треугольник» — тов. Прокофьев. И для нас открылась новая деятельность, новая цель жизни.

Тов. Прокофьев работал в рядах партии с.-д. и сразу же начал обработку нас. Устраивал на квартирах собеседования, разбирал программу партии и т. д.

В итоге разбились мы на две группы: с.-р. и с.-д.

В каждой группе закипела работа.

Кроме самообработки, начали устраивать массовки путиловским рабочим через путиловца, члена кружка тов. Арсеньева. Собирались мы в лесу, на лодках выезжали на взморье, всячески стараясь обмануть бдительность «шпиков» и «фараонов». Многие из кружка работали в своих профсоюзах, как легальных, так и нелегальных.

Не обошлось дело и без провокаторов,—обычное в то время явление,— и начались аресты членов кружков. Первыми были арестованы Прокофьев, Базанов (наборщик типографии «Герольд»), Паня Полевая (работница бумагопрядильни), Арсеньев (рабочий из Путиловского завода) и вернувшийся из-за границы после высылки юрист (фамилию не помню), читавший нам лекции и выступавший на массовках.

В результате Прокофьев был выслан с семьей (у него было трое детей) в Архангельскую губ. на 3 года, Базанов—в Вологодскую на 3 года, Арсеньев и Полевая получили пресловутые тогда 54 «запретительных» пункта России, юрист попал в Нарымский край на 4 года. Это был первый удар по нашему кружку с.-д.

У эс-эров тогда было спокойно. Но наши ребята не упали духом и продолжали работать дальше.

В 1911 г. об-во «Образование» переехало на Рижский пр. в дом № 60, в более обширное помещение. Кружок наш пополнился новыми лицами и превратился в организацию Р. С.-Д. Р. П.

В нее вошли братья Анатолий и Александр Корелковы, первый студент юридического факультета Петербургского университета, второй коллежский ассесор, Антонова (работница), Дриксман (конфетчица), Сеймер (наборщик типографии «Герольд»), Ал. Рымкевич (наборщик), Соловьев (слесарь), Барчуков (накладчик), Кузнецов (типографский приемщик-чернорабочий), Петров (столяр), Скворцов (наборщик) и еще некоторые товарищи, фамилию которых не помню.

Через некоторое время (в 1911 г. в декабре) был арестован А. М. Рымкевич за участие в организации и работе подпольного петербургского профессионального союза печатников, вместе с другими печатниками: секретарем союза А. Тэнсом [1]), председателем союза А. Мининым и др. печатниками. Все трое были высланы с 54 «пунктами» и вместо Нарвы, куда дали подписку о выезде, переехали в Шувалово (Финл. ж. д.). Переехали к местному уряднику, но такое соседство вскоре показалось неудобным, и мы решили разъехаться по разным квартирам и продолжать партработу дальше. В это время наш с.-д. кружок наладил связь с заводами резиновой мануфактуры «Треугольник», Путиловским, пивоваренным Калинкина, Кока-Бирман и с другими. На них были свои люди, которые распространяли прокламации и брошюры.

Мы начали готовиться к перевыборам в четвертую Государственную Думу. Приступили к образованию своей подпольной типографии. Достали шрифт, бумагу, валики, краску и пр.

Собрания наши происходили по чайным, квартирам и т. п.

В роковую ночь с 13 на 14 сентября 1912 г. собрались мы в чайной «Китай» (на Садовой ул.) поговорить о предстоящей партработе. Вышли из чайной после закрытия ее около 1 часа ночи (автора этих строк среди вышедших не было), пошли компанией домой. Подходят к дому одного из товарищей (тов. Соловьева), смотрят, а у ворот стоит городовой.

[1]) А. Тэнс — старый подпольный работник Р. С.-Д. Р. П. Был известен в партийных рядах Прибалтийского края. В 1912 г. работал наборщиком на газете «Правда» в Художественной Типографии.

Юр. Новин.

Чуют товарищи, что здесь что-то неладное, — пошли дальше, по направлению к квартире тов. Петрова, а там тоже городовой. У кого не хранилось ничего особенного дома, те распрощались и пошли домой, ибо все из нас обыска и ареста ждали. Остались т. т. Реймер и Соловьев. У последнего хранился шрифт. Решили ночь проболтаться на улицах, утром встретить, когда все пойдут на работу, сестру Соловьева, чтобы узнать, как дела.

Встретили. Оказывается, шрифт успели спрятать, и его не нашли. Дома была полицейская засада. Но матери сказали, что если сын не явится, то придут и арестуют ее. Думал-думал парень, жаль стало старуху, да и скучно, весь кружок оказался в одну ночь арестованным. Взял и пошел домой. Понятно, сразу же его сцапали.

Реймер же поехал на родину в Везенберг призываться на военную службу. Его там в воинском присутствии вызвали и в заключение арестовали и препроводили в Петербург.

Всего было арестовано по нашему кружку около 17 человек.

Я в этот день ареста товарищей задержался в союзе печатников, на поезд в Шувалово опоздал и решил заночевать на старом пепелище — у матушки. Ночевал я дома частенько и каждый раз думал в душе: «Ну, сегодня, последний раз, а то, не ровен час, нагрянет фараонщина, тогда и отцу достанется за укрывательство» (у моего отца была семья в 6 человек). Пришел я к отцу поздно, около двух часов ночи. Двери открыла мне матушка. Потихоньку разделся я и лег в комнате, у дверей, на полу. Заснул сразу... Вдруг слышу кто-то толкает ногой в спину, открываю глаза, смотрю стоит надо мной мать и грозит кулаком, отец зажигает лампу.

В коридоре слышу знакомый голос пристава: «Дай сюда скорей лампу». Отец вышел в коридор с лампой. Мать, таинственно нагнувшись, шептала мне: «Полиция!» Я сразу все сообразил. Об аресте товарищей я, понятно, ничего не знал. Не успел я очухаться, как мать начала закидывать меня грязным бельем. Я свернулся под ним калачиком и подчинился судьбе. Нужно сказать, что белье находилось тут же в комнате, где я спал, приготовленное для стирки. Лежу и дышать боюсь, думаю, заметят по колебанию белья, — беда тогда, о себе не хлопочу, приготовился к аресту уже давно, да и не впервые, а вот семью у отца загубят.

В душе ругаю себя, зачем пошел ночевать домой, лучше бы на улице проболтался.

Пристав, предварительно избив старшего дворника нашего дома за то, что тот заговорил на лестнице с городовым, чем выявил присутствие полиции, вошел с целой ватагой в комнату и приступил к обыску. Пристав с помощником и околоточным производили обыск, один городовой помогал, два стояли у дверей и два понятых также стояли и были немыми свидетелями всей сцены.

Обыск продолжался около 4 часов, ничего предосудительного, кроме частных писем, найдено не было. Литература была спрятана в дымоходе, а адреса были затянуты за косяк дверей, будучи написанными на миниатюрной бумажке.

Во время обыска пристав требовал у отца указать, где спрятан у него сын, где находится литература, переписка и т. п. Отец, не зная о моем приходе, был уверен, что меня в квартире нет, а посему клялся всем святым, что я здесь никогда не ночую, и за то, что меня в квартире нет, он ручается. Осмотрели соседние комнаты, где жили жильцы, подняли их с кровати, сличили по карточке — «нет, не он, эти слишком бородатые, лет под 40—45, а тот юноша». Искали меня в шкафу, уборной, под кроватями — нигде нет. А шпик в это время сидел в дворницкой и, узнав о результатах обыска, настаивал, чтобы обыскали тщательнее, ибо он проследил меня до самой парадной и слышал, как мне открыли дверь квартиры в четвертом этаже.

Тогда пошли искать меня по всем квартирам этой лестницы, сходили на чердак, — нет нигде меня.

Так и ушли ни с чем.

Сразу же после ухода полиции я вылез из-под белья. Отец испугался, увидев меня всклокоченного, в одном белье и вылезающим из-под кучи грязного белья. Начал креститься и благодарить какого-то святого за избавление.

В минуту я был одет и начал обдумывать, что предпринять дальше. Решил до утра не выходить на улицу, боясь засады. Утром мать сделала разведку и сообщила, что ничего подозрительного нет. Я оделся, распрощался с родными и ушел. Пошел проверять, живы ли остальные ребята. Все оказались арестованными.

Поехал тогда я на свою квартиру в Шувалово. Там тоже был обыск. Урядник ждал меня в засаде до 12 часов дня и, не дождавшись, ушел во-свояси. Оставаться и здесь мне нельзя было, поехал я тогда обратно в город.

Куда итти. На работу итти не стоит, арестуют. Уехать? В кармане всего 1 р. 50 к., а на эти деньги далеко не уедешь. Связи у меня с другими городами еще не было. Думал-думал да решил явиться в охранку сам.

Подхожу к воротам охранки, не пускают, говорят, сегодня воскресенье, день неприсутственный. Заявляю, что меня разыскивает полиция. Моментально впустили и представили дежурному околоточному. Тот, узнав, в чем дело, куда-то позвонил, и через 5 минут подали карету и повезли меня в Александро-Невскую полицейскую часть.

Встречаю там своих ребят, хотя и не всех... Ожил... на душе радостно.

Через полмесяца дело о нас передали в губернское жандармское управление. Предъявили обвинение в принадлежности к Р. С.-Д. Р. П. Дело тянулось около 8 месяцев.

В итоге финал был таков: из всей группы арестованных (в 17 чел.) освободили в скором времени, признав случайно арестованными, 6 чел.,

остальные 11 чел. разбились так: Петров и Анатолий Корелков попали под суд. Первый получил $1\frac{1}{2}$ года крепости, а Корелкова оправдали. Армандт была выпущена по болезни под залог в 2.000 руб. и скрылась за границу. Соловьев, Кузнецов, Рымкевич, А. Корелков, Реймер, Дриксман, получили высылку с 54 «пунктами», Барчуков — в одну из северных губерний под надзор полиции на 3 года, Антонова под гласный надзор полиции.

Рымкевич за 2 месяца до революции 1917 г. приехал нелегально в Петербург, Барчуков, отбыв срок ссылки, служил в армии и в момент революции работал в комитете 7 армии, Анатолий Корелков [1]) оказался провокатором, Дриксман работала, вернувшись по амнистии 300-летия дома Романовых, в подпольном революционном Красном Кресте. Базанов и Соловьев вернулись из ссылки. Соловьев привлекался еще раз после отбытия срока высылки по вышеописанному делу и получил 3 года Архангельской губернии.

А. И. Рымкевич.

---

[1]) Анатолий Корелков, будучи в 1907—1908 г.г. гимназистом Петербургской 5-ой гимназии, входил в с.-д. ученический кружок, руководимый Зеноном Лущиком (впоследствии тоже провокатор), был сыном старшего дворника одного из домов по Рижскому пр. Был другом Лущика. Вместе с ним работал в Нарвском обществе образования.

Юр. Новин.

ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ И СОЮЗ МЕТАЛЛИСТОВ.

(Окончание [1]).)

III.

Петиционная кампания относится уже к моменту перелома в рабочем движении, когда под влиянием промышленного оживления сходит на-нет безработица, среди рабочих заметно повышается интерес и к экономической борьбе и к политическим вопросам, и вновь проявляется тяга к профессиональной организации.

Ленская трагедия повторила в маленьком только масштабе то, что сделали в свое время памятные дни 9 января 1905 г., — она ускорила неизбежный революционный подъем рабочих, привела в движение рабочий класс.

По стране пронесся шквал забастовок протеста. А вслед за ним началась полоса экономической борьбы рабочих. Рабочие почувствовали себя уже достаточно сильными для того, чтобы перейти по всему фронту в наступление. Борьба происходит под лозунгом — отнять у капитала все, что он успел награбить у рабочих за дни реакции.

Но в борьбе с вооруженным с ног до головы капиталом мало одного настроения, мало даже и благоприятной для рабочих внешней обстановки, необходима, кроме всего, организация. И это прекрасно сознавали металлисты. Закрытие их союза в этот момент было особенно тяжело для рабочих, больно ударило их. И все же разгром просуществовавшей около пяти лет организации не обезоружил рабочих, не отпугнул их от союза. Связь членов со своим союзом была теперь куда больше, куда крепче, нежели при первом разгроме в 1906 г. Пред рабочими снова встал вопрос о необходимости борьбы за свою организацию. Но на этот раз обстоятельства весьма благоприятствовали металлистам: без всякой борьбы они имели свой профессиональный союз, свой экономический центр. Ларчик просто открывался.

Ждавшие еще в дни реакции полицейского наскока ответственные руководители союза решили запастись на всякий случай еще одним легализованным уставом. В 1908 году петербургское присутствие по делам об обществах и союзах утвердило устав профессионального общества рабочих по металлу.

Открывать в то время новый союз, параллельно с существующим уже союзом рабочих по обработке металлов, не было никакой надобности. Для

---

[1]) См. №№ 5 и 8 «Красной Летописи».

того же, чтобы присутствие не закрыло его за бездеятельность, туда *фиктивно* записалось несколько надежных рабочих. Время от времени посылались фабричному инспектору такие же *фиктивные* отчеты о деятельности.

И вот теперь, как нельзя более кстати, пригодилось это запасное общество. Решено было перенести туда весь аппарат закрытого союза, перевести в него всех членов, очутившихся внезапно без организации. Спешно заготовлялись новые бланки, срочно переписывались книги. Кипела работа.

Полиция естественно не должна была знать об этой проделке. И никому, конечно, в голову не могло притти, что она уже прекрасно осведомлена о всей этой затее. А между тем охранка спешит не только поставить в известность обо всем департамент полиции, но тут же предлагает ряд мер, которыми она думает парализовать «обходное движение» рабочих, решивших использовать фирму зарегистрированного, но фактически не существовавшего общества.

Так, начальник петербургского охранного отделения секретно сообщает в департамент полиции:

«По полученным агентурным сведениям с закрытием постановлением С.-Петербургского особого городского по делам об обществах и союзах присутствия от 6-го марта сего [1]) года профессионального общества рабочих по обработке металлов, члены этого общества решили воспользоваться зарегистрированным 9-го декабря 1908 г. профессиональным обществом рабочих по металлу, которое до настоящего времени фактически не функционировало. Для этого в означенном обществе в настоящее время ведется экстренная работа по заведению книг для отчетности и изготовляются задним числом членские книжки с фиктивными отметками о членских взносах за прежнее время.

Докладывая об изложенном вашему превосходительству, имею честь присовокупить, что в виду приведенных данных, а также принимая во внимание, что указанная подготовительная работа еще не закончена, мною одновременно с сим возбуждается перед С.-Петербургским Градоначальником ходатайство о назначении ревизии дел профессионального общества рабочих по металлу».

Информация весьма точная. Осведомитель, несомненно, было лицо, близкое союзу.

Таким образом уже с самого своего зарождения общество поставлено под удар. Ревизия только предлог для новых репрессий, для новых преследований. А ничего не подозревавшие члены и руководители союза строят радужные планы, энергично работают над укреплением своей организации, теснее смыкают ряды.

Вслед за этим первым донесением летит и второе, в котором дается подробный отчет о ликвидационном собрании «Общества рабочих по обработке металлов». В этом отчете уже ярко выступает связь подъема профессионального движения с общим революционным сдвигом: на собрании торжественно почтена вставанием память рабочих, погибших при Ленской бойне. Ораторы подвергают резкой критике действия градоначальника, не стесняются в выражениях по адресу правительства. Члены союза бурно реагируют на закрытие приставом собрания.

Определенно чувствуется приближающаяся волна революционного подъема.

---

[1]) 1912 г.

Вот что имеет петербургская охранка по поводу ликвидационного собрания.

«Записка отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице, 9 апреля 1912 г., № 5165, секретно, в департамент полиции:

По полученным сведениям, 8-го апреля, в 11 час. утра, в зале Фон-Дервиза (Средний пр. В. О. д. № 48) состоялось разрешенное С.-Петербургским Градоначальником, в присутствии чиновника полиции, общее собрание членов закрытого в установленном порядке, в минувшем марте мес. «Профессионального общества рабочих по обработке металла», для обсуждения докладов правления и выбора ликвидационной комиссии.

На собрании присутствовало до 600 человек рабочих, бывших членов названного общества, под председательством крестьянина Рязанской губернии, Спасского уезда Александра Ивановича Найденова.

Докладчиком был бывший секретарь правления закрытого общества крестьянин Тверского уезда, Васильевской вол., Александр Сергеевич Лабутин, известный отделению, как деятельный член местной организации Российской социал-демократической партии.

По открытии заседания собрание по предложению председателя почтило вставанием память рабочих, погибших на приисках Ленского Золотопромышленного Общества и затем избрало ликвидационную комиссию.

Во время дальнейшего хода заседаний два оратора в своих речах критиковали действия С.-Петербургского Градоначальника по поводу закрытия названного общества, в виду чего были остановлены приставом I участка Васильевской части через председателя собрания. Около половины 2-го часа дня, оратор, некий Петр Петров, в своей речи стал критиковать временный закон 4-го марта 1906 г. об обществах и собраниях, причем, между прочим произнес: «фабрикантов и заводчиков боятся все, даже и полиция. Полиция что, но даже и жандармы, и те»... но на этих словах был прерван приставом, который объявил собрание закрытым. В это время Петр Петров соскочил с трибуны и скрылся в толпе присутствовавших рабочих.

О закрытии собрания полицией составлен протокол. Рабочие разошлись спокойно. Настроение рабочих на собрании было повышенное, и было замечено, что между ними шла передача каких-то записок, а некоторые из рабочих читали друг другу какие-то письма.

Вр. и. д. начальника отделения,
помощник его, подполковник (подпись).»

Возрождение петербургского союза металлистов не замедлило отразиться на организации не только питерских, но и металлистов всей России. К петербургскому союзу, как своему естественному центру, потянулась вся пробуждающаяся рабочая провинция. От Питера ждали директив и указаний, отсюда должна была исходить инициатива создания Всероссийской организации, здесь должен был сложиться боевой центр пролетарской борьбы.

Это влияние петербургского союза почувствовали и провинциальные сатрапы.

Намечавшееся уже в провинции стачечное движение сильно беспокоило их. Им чудится какой-то всесильный главный стачечный комитет в Петербурге, нити которого тянутся вплоть до заводов далекого Урала, и нужно авторитетное разъяснение петербургской охранки, чтобы пермское губ. жанд. управление оповестило своих подчиненных, а также своего соседа—

уфимское жандармское управление — о том, что никто в Петербурге забастовок на уральских ж. д. не подготовляет. И все же страх перед всероссийским авторитетом союза сквозит в каждой строчке этого послания в департамент полиции:

«Начальник пермского губернского жандармского управления 7 августа 1912 г., № 8283, совершенно секретно. (По особому Отделу.)

По району.

В дополнение представлений начальника уфимского губернского жандармского управления в департамент полиции от 9 и 14 июня с. г. за №№ 1615 и 1692 и как результат разработки агентурных сведений по Уфимской губ. за тот же июнь мес., помещенных в сводке по Р. С.-Д. Р. П. (п. 3), представленной районом в департамент полиции 3-го сего августа за № 8218, докладываю вашему превосходительству, что, уведомил меня начальник с.-петербургского охранного отделения, запиской от 29 минувшего июля за № 12037, — стачечного комитета, который являлся бы руководящим центром для всей столицы, в С.-Петербурге не существует, хотя и были попытки к его созданию. В конце апреля мес. и в начале мая возникали отдельные Стачечные Комитеты для проведения забастовок по разным заводам, но таковые были скоро ликвидированы.

Центральное руководство этими забастовками оказывали, смотря по отраслям производства, правления соответствующих профессиональных союзов С.-Петербурга.

Особенно работало в этом направлении профессиональное общество рабочих по обработке металлов, называемое С.-Петербургскими рабочими «Союзом Металлистов». Возможно, поэтому, что рабочие: Иван Галдин, Федор Коростелев и другие являлись легальными членами сего общества.

В настоящее время упомянутое общество в г. С-Петербурге называется: «Профессиональное общество рабочих по металлу».

В журнале «Металлист», издаваемом обществом рабочих по металлу, неоднократно появлялись корреспонденции с Урала, указывающие на существование связей членов этого общества с уральскими рабочими. Такие личные связи и могли быть использованы главным правлением общества рабочих по металлу, для проведения соответствующих директив и даже денежных сборов в пользу бастующих рабочих.

Что же касается директив, будто бы, исходящих от упомянутых обществ о проведении забастовок на пермской, сибирской и самаро-златоустовской ж. д., то вопрос об этом в обществе даже и не возникал. Это, однако, не исключает возможности посылки возможной директивы, *по личной инициативе* без ведома правления.

Копии настоящего представления мною, вместе с сим при надписях, препровождены начальнику уфимского губернского жандармского управления за № 8284 и его помощнику в Златоустовском уезде за № 8285.

Подполковник: (подпись).»

В то время как градоначальник и охранка заботятся, главным образом, о том, чтобы не было забастовок и чтобы разрешаемые собрания проходили гладко, департамент полиции интересуется больше всего возможным просачиванием через профессиональные союзы революционной пропаганды и партийного влияния. В сентябре 1912 г. он считает нужным разразиться циркуляром «г.г. губернаторам» о профессиональном движении. Самого циркуляра, к сожалению, мы в делах департамента полиции не разыскали, но зато имеющиеся материалы позволяют нам заглянуть в лабораторию полицейского творчества. Проект циркуляра был дан на просмотр «спецу» по социал-

демократической партии, а сей последний узрел, что автор циркуляра, излагая взгляд российской социал-демократии на роль профессиональных союзов, спутал все существовавшие в то время в партии течения в один клубок. И вот «спец» пишет целую диссертацию на тему о социал-демократии и легальных рабочих организациях и предлагает обратить особое внимание г.г. губернаторов именно на легальные формы профессионального движения. Приводим заключение департаментского спеца целиком:

«№ 105535, 2/IX-1912 г..

Доклад г. директору.

Вследствие личного приказания вашего превосходительства имею честь представить справку по проекту циркуляра по 4 делопроизводству о профессиональных союзах.

Подписал подполковник: (подпись)

Справка.

При ознакомлении с циркуляром 4 делопроизводства о «профессиональном движении» в части, касающейся положения этого вопроса в Российской социал-демократической рабочей партии, усматривается, что содержание циркуляра не отвечает современному положению рассматриваемого вопроса в виду отсутствия в циркуляре сведений о новых течениях, образовавшихся в Российской социал-демократической рабочей партии и дающих различное освещение профессиональному движению, вследствие чего в изложении выработанных разновременно Российской социал-демократической рабочей партией директив встречается противоречие, так как часть из этих директив выработана представителями одного течения, другая же часть представителями иного течения.

Как известно из партийных документов, со времени II съезда Российской социал-демократической рабочей партии, бывшего в 1903 году и положившего начало расколу в партии и образованию двух фракций—большевиков и меньшевиков, — партийные раздоры не прекращались, и к середине 1909 г. в Р. С.-Д. Р. П. ясно обозначались следующие еще группировки:

1. Левая — большевистская группа «богдановцев» — «отзовистов» — «впередовцев», держащих курс на новую революцию, считающих центром своей работы подполье, *сохраняющих нелегальные организации с подчинением нелегальным организациям думской фракции и всяких легальных возможностей и признающих в вопросе боевых задач вооруженное восстание*, а для проведения этого в жизнь создание, сохранение и усиление военных организаций и деятельную пропаганду в войсках.

2. Центр — большевистская группа «ленинцев» и меньшевистская группа «плехановцев» — «антиотзовистов», державших курс на органическую работу, считающих центром своей работы Государственную Думу, признающих нелегальные организации с приспособлением последних и подчинением думской фракции, требующих использования также и легальных возможностей и совершенно отвергающих боевые задачи партии.

3. Правая — меньшевистская группа «ликвидаторов», признающих исключительно легальную работу, отвергающих подпольные организации и требующих полной ликвидации старой нелегальной Р. С-Д. Р. П.

Так как данный циркуляр касается лишь профессионального движения, проявляющегося в легальных формах, то на сущность учения ликвидаторов надлежит обратить особое внимание:

Лидеры «ликвидаторства», как в партийной литературе, так и на рефератах и дискуссиях, доказывают, что за окончанием революции дальнейшее политическое развитие России должно заключаться в постепенном мирном приспособлении ее политических форм к конституционному государственному строю и что социальные ре-

формы, облегчающие развитие капиталистических отношений в народном хозяйстве, должны итти тем же путем, как развитие Пруссии после 48-го года. Они делают вывод, что социал-демократическая организация может существовать в обновленной России лишь в форме легальной политической партии, вроде германской социал-демократической партии.

Нелегальные формы Российской централизованной партийной организации прежнего типа они считают вредным пережитком младенческого периода партийной жизни, когда последняя сосредоточивалась лишь в кучке профессиональных революционеров из интеллигенции и очень мало влияла на проявление самодеятельности рабочих масс. По их мнению, партийную работу следует вести лишь в легальных рабочих организациях, где должны накопляться элементы, пригодные для образования открытой легальной партии, которая должна непременно появиться в будущем, как только в политической жизни страны наступит подходящий для этого момент.

Такова в кратких чертах сущность задач, преследуемых ликвидаторами.

Возвращаясь к содержанию циркуляра и имея в виду образование вышеизложенных течений в Р. С.-Д. Р. П., надлежит признать, что в циркуляре встречаются положения, выработанные представителями различных течений, а так как каждое течение смотрит на профессиональное движение с своей точки зрения, то по сему положения эти противоречат в своем содержании одно другому. В качестве примера можно указать следующее:

На 1 странице изложено: «В циркулярах обращено внимание на значение профессионального движения, которое придает этому движению партия социал-демократов, поставившая целью объединить своим влиянием профессиональные общества и союзы и создать из них силу, могущую поддержать их разрушительные стремления» (точка зрения левого крыла большевиков). «Такие намерения партии не остались бесплодными и многие профессиональные организации подпали под влияние партии, а некоторые приняли прямо революционное направление (точка зрения левого крыла большевиков).

На стр. 2-й по поводу резолюции конференции 1908 г. изложено: «Партия должна обратить особое внимание на использование и укрепление существующих в учреждении новых нелегальных и по возможности легальных организаций, которые могли бы служить ей опорным пунктом для работы. При этом рекомендовалось всю работу в легальных организациях вести под руководством нелегальной партийной организации» (точка зрения левых большевиков).

На 5 стр. по поводу конференции Р. С.-Д. Р. П. в текущем году изложено: «Конференция, одобрив прежний путь создания нелегальных ячеек общества, признала необходимость:

1) установления сотрудничества нелегальных организаций с профессиональными союзами и в особенности с соц.-демократическими ячейками в этих союзах.

2) направление профессиональной прессы в духе марксизма» (точка зрения большевиков ленинского центра).

На стр. 4 по поводу инструкции Ц. К. изложено: «Так как нелегальная работа даст ничтожные результаты и нигде не ведется и нелегальные организации отжили свое время, то основное внимание должно быть сосредоточено, с одной стороны, на деятельности социал-демократической думской фракции, проведении в жизнь ее директив, а с другой — в легальных организациях, в которых образовать социал-демократические ячейки, которые руководили бы этими организациями и направляли их работу» (точка зрения ликвидаторов).

Придавая весьма важное значение в настоящее время «ликвидаторскому течению», считающему центром своей работы сферы «легальных возможностей» вообще и видящему в профессиональном движении в различных его формах базу для пропаганды своих идей, в массах и постепенного революционизирования таковых в целях создания в будущем в России громадной легальной социал-демократической партии наподобие германской и обеспечения в Думе подавляющего большинства депутатских мест для осуществления затем уже изменения образа правления и существующего

порядка, Особый отдел полагал бы обратить особенное внимание г.г. губернаторов именно на то течение, проявляющееся исключительно в легальных формах профессионального движения, как-то: профессиональных союзах, клубах, обществах, кружках самообразования и органах печати, так как за организациями нелегальными, руководящими различными формами профессионального движения, осуществляется надзор розыскными органами, принимающими меры к пресечению развития этого вредного влияния путем ликвидаций означенных преступных организаций; надзор же за деятельностью и направлением легальных обществ лежит всецело на губернаторах, располагающих средствами для возможного парализования противоправительственной деятельности обществ подобной категории.

Сентября 1912 года».

Здесь прежде всего необходимо отметить, что департаментский «спец» сжато, но крайне выпукло и правильно обрисовал позицию ликвидаторства, верно схватил и занес его оппортунистические тенденции.

Несомненно, большинство ликвидаторов в оценке текущего момента исходило из сознания, что революция в России уже закончена. Усилия рабочего класса, по их мнению, должны быть направлены в данный момент на то, чтобы раздвинуть рамки столыпинской конституции. В условиях российской действительности на обломках партийного подполья (в их представлении) они считали возможным и необходимым заняться строительством новой рабочей партии.

В общем также верна характеристика и позиции представителей революционного марксизма, правильно выражена их точка зрения на легальные возможности вообще и профессиональное движение в частности.

Дальше мы читаем уж обычные в таких случаях указания и директивы по периферии в духе «тащить и не пущать».

Но нужно отдать справедливость и местному начальству: оно само не дремало, а проявляло должную активность и инициативу. И если все же к этому времени в России оставались еще не закрытыми профессиональные организации, то вина безусловно падает не на них... Виновато рабочее движение: оно теперь уже не сносило безропотно и безмолвно удары реакции, а, наоборот, — отвечало на удары ударом, а временами переходило и само в наступление. Особенно старался петербургский градоначальник. Не успел еще петербургский союз металлистов стать более или менее прочно на ноги, не успел еще закончить мелкую кропотливую организационную работу, как разразился новый удар.

Петербургская охранка не замедлила привести в исполнение свой план задушения нового союза металлистов. 30 июня в помещение союза явился чиновник особых поручений при градоначальстве, потребовал, чтобы ему было выдано для ревизии все делопроизводство союза. Правление, ссылаясь на устав общества и закон 4 марта 1906 г., указало, что градоначальнику не предоставлено права производить ревизию делопроизводства и денежных сумм союза, что для ревизии существует избранная на общем собрании членов ревизионная комиссия и что, в силу этих соображений, оно не может выдать союзную переписку и отчетность градоначальнику. Этого ответа было достаточно, чтобы участь союза была решена.

По предложеню градоначальника послушное присутствие на заседании 21 августа 1912 г. постановило закрыть союз металлистов. Мотивы: 1) выдача союзом пособий безработным, 2) руководство забастовками, 3) недопущение представителей администрации к производству дел союза.

Тщетно председатель, секретарь и юрист союза доказывали присутствию шаткость обвинений, приводили доказательства, что союз не вышел из рамок закона 4 марта, вопрос о закрытии был предрешен.

Со стороны присутствия было подчеркнуто, что у них имеются сведения, добытые «частным путем» об участии союза в забастовках и об использовании металлистами «мертвого» устава общества, фактически не существовавшего.

Напрасно представители союза указывали, что нельзя руководствоваться в обвинениях союза сведениями, не подкрепленными никакими фактами. Высокие члены присутствия были глухи и пристрастны к доводам союзной делегации. Им нужно было во что бы то ни стало обвинить союз, вынести ему смертный приговор. И суд присутствия был только проформой.

Виноват союз уже тем, что градоначальнику хочется его закрыть. Присутствие определило общество рабочих по металлу закрыть на основании п.п. 33 и 35 прил. к ст. 118 уст. и п. 14 закона 1906 г.

В статье «Опять закрыт Союз Металлистов» [1]) орган союза так определяет мотивы закрытия организации:

> «Одно дело устав на основе закона, — а совсем другое дело воля охранного отделения. Время-то горячее. Через два месяца будет выбираться Дума, половина России «разъясняется» [2]). «Охранка», которая всегда может многое, может теперь больше чем всегда. Предварительная механика в полном разгаре.
>
> Оказался разъясненным и союз металлистов, придется опять начинать с начала. Уроки ясны».

И металлисты вновь начали борьбу за союз. Союз не был распущен; он так же, как в 1906 г. продолжал существовать нелегально. В присутствие же был подан на регистрацию новый устав. Учредители сознательно вытравили из устава все то, за что могло бы зацепиться присутствие и отказать в регистрации по формальным причинам. И все же учредителям общества рабочих, занятых в предприятиях металлообрабатывающей промышленности, было отказано в регистрации. Присутствие по роду пунктов этого устава формулировало свою точку зрения.

Оказывается, по его мнению, закон запрещает союзам: 1) содействовать умственному и нравственному развитию членов общества, 2) устраивать общежития для безработных - приезжих, 3) открывать чайные, столовые и т. п. учреждения, способствующие улучшению материального положения членов союза, 4) устраивать вечера, экскурсии, собеседования, 5) открывать библиотеки, читальни, 6) учреждать бюро юридической помощи, 7) иметь

[1]) № 19, 1912 г.

[2]) Речь идет об устранении полицией под тем или иным предлогом от выборов.

заведующего делом медицинской помощи, 8) организовать справочник бюро для безработных, 9) приглашать для заведывания какой-либо отрасли деятельности посторонних лиц (сторожа можно), 10) открывать цеховые секции или институт уполномоченных, 11) иметь в составе членов безработных, 12) оказывать им помощь, 13) взимать членские взносы меньше, чем за целый год сразу, 14) исключать членов союза, признанных третейским судом виновными в неблаговидных поступках, 15) такие третейские суды учреждать, 16) устраивать публичные концерты и вечера в пользу общества, 17) устраивать вечера и концерты только для своих членов (непубличные), 18) иметь в отдельных предприятиях уполномоченных для сбора членских взносов, 19) передавать имущество общества, в случае, если его закроют, однородной организации, 20) иметь устав, в котором находятся такие слова, как, например, «и т. д.», — «и т. п.».

Из этого сухого перечня того, что обществу рабочих не разрешается, невольно возникает вопрос: а что же ему позволено, что ему разрешается?

Союз, который не может руководить забастовкой, не может оказывать помощь безработным, не в состоянии поставить юридическую и медицинскую помощь для своих членов, не иметь права заниматься культурно-просветительной работой, такой союз перестает быть не только союзом, но не имеет основания считать себя даже кассой взаимопомощи.

Ясно было, что присутствие издевается, определенно отказывает металлистам в праве на существование. Но какой же выход мог быть найден из этого положения. Оставаться в подполье союз не мог — это означало бы, что он обрек себя на медленную смерть. И волей или неволей приходилось еще и еще раз подавать на регистрацию новые уставы. Из устава теперь было выпущено почти все содержание, оставили одну оболочку.

Присутствию ничего не оставалось делать, как утвердить устав. 26 марта 1913 г. особым присутствием был легализован союз под названием «рабочих металлистов».

Металлисты снова победили. Но какой ценой? Устав зарегистрирован в обезображенном виде. Присутствие вычеркнуло из устава даже то, что допускал закон 4 марта — действительно названный кем-то «законом против союза».

«Металлист» [1]) в статье о «регистрации устава» меланхолически рассуждает по поводу легализации союза:

> «Могут сказать — хороша победа, если устав обезображен, если та свобода, которую он предоставляет организации, так же далека от свободы даже по закону от 4 марта, как, скажем, свобода России от свободы Англии, если он колодка для организации».

Единственное утешение, которое находил «Металлист», заключалось в том, что рабочие, войдя в союз, сумеют вложить в устав то содержание, какое соответствует их интересам, их взглядам. Важно лишь, чтобы союз был массовой организацией.

[1]) № 1, 1913 г.

Обстоятельства как раз благоприятствовали этому. Рабочим необходимо было противопоставить союзу фабрикантов свой союз.

Рабочая масса густым потоком хлынула в новый союз. Правление спешило привести организацию в боевой порядок.

Департамент полиции, как опереточный супруг, узнал о появлении на свет нового союза последним [1]).

Департамент был взбешен такой живучестью союза металлистов, такой настойчивостью рабочих бороться за свою организацию. Охранке было предложено немедленно «принять меры к освещению личного состава и характера деятельности названной организации». Поручение было выполнено, как явствует публикуемая ниже записка, но вместе с тем вокруг злополучной статьи «Луча» разыгралась в полицейско-чиновничьем мире целая буря. Директор департамента полиции пожелал узнать, было ли наложено на газету административное взыскание или возбуждено судебное преследование на эту статью, и, как градоначальнику, так и комитету по делам печати, пришлось признаться, что они «не усмотрели в ней какого-либо нарушения обязательного постановления», т.-е., попросту говоря, проворонили ее.

Статья «Луча» заключает в себе горячий призыв к рабочим вливаться в союз и поддерживать его, но останавливается исключительно на роли союза в экономической борьбе и ни слова не говорит о его политическом значении. И все же департамент полиции сразу почуял в союзе нового грозного врага и откровенно объяснил начальнику главного управления по делам печати причину своей любознательности:

«Директор департамента полиции, № 1012226, от 19 июня 1912 г., доверительно, его сиятельству гр. С. С. Татищеву.

Милостивый государь, граф Сергей Сергеевич!

Вследствие письма вашего сиятельства от 4-го сего июня за № 7489, имею честь уведомить вас, что просимые мною сведения по поводу помещенной в газете «Луч» статьи под заглавием «Металлисты, организуйтесь» интересуют меня в целях избежания возможности двойного преследования редактора названной газеты, так как за помещение упомянутой статьи могло быть наложено административное взыскание на редактора и по распоряжению градоначальника.

Наконец, вопрос о репрессии в той или иной форме за помещенную статью,— явно агитационного характера,— вызывает с моей точки зрения необходимость принятия соответствующих мер против усиливающейся вредной деятельности общества металлистов по организованию им рабочих, о каковой деятельности в настоящее время при с.-петербургском охранном отделении производится переписка в порядке положения о государственной охране.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Белецкий.

Это внушение департамента полиции не прошло бесследно. Управление по делам печати, как бы желая загладить свою вину перед департаментом, после инцидента не пропускало почти ни одного № газет рабочих без того, чтобы не наложить на него того или иного взыскания.

---

[1]) См. № газеты «Луч» от 10 мая 1913 г., статья «Металлисты, организуйтесь!»

* * *

13-го июня 1913 г. петербургское охранное отделение шлет срочное донесение в департамент полиции. Донесение «освещает» первые шаги по организации союза и состав правления. Сообщаемые им подробности о заседании правления определенно указывают на присутствие внутри самого правления «осведомителя». Надо полагать, что провокатор Владимир Абросимов, вошедший в правление в качестве секретаря, уже вел тогда свою иудину работу.

Правда, в донесении охранки есть и отсебятина. Ссылка донесения на помощников присяжных поверенных, играющих будто бы руководящую роль в новом обществе, абсолютно не верна. На самом деле это были попросту союзные юристы, помогавшие союзу перебираться через юридические баррикады, которые воздвигало на его пути петербургское присутствие по делам об обществах и союзах. Помимо этого юристы оказывали еще и юридическую помощь членам союза металлистов.

Руководство же союзом всецело, и не только номинально, но и фактически, принадлежало правлению. Правда, эти юристы не относились к своей работе в союзе как специалисты, а стремились и идейно влиять на работу. Но это идейное влияние шло не по линии текущей союзной работы, а выражалось, находило свое отражение в печати, союзном органе. Здесь еще рабочие нуждались в помощи интеллигенции. Фактическим руководителем союзного органа в этот период был А. Ф. Дюбуа (меньшевик).

Интересно отметить также, что охранка в своем донесении департаменту как бы извиняется перед ним за большевистское большинство правления и успокаивает его тем, что это правление избрано временно, всего на один месяц и обещает от имени меньшевиков, что при будущих выборах большевики будут изгнаны, как неспособные вести работу в легальном обществе. В дальнейшем мы увидим, что охранка ошиблась в своих расчетах.

Предоставим, однако, слово донесению:

«Начальник отделения по охранению общественной безопасности и порядка в С.-Петербурге. С.-Петербург. 13-го июня 1913 г. № 12951, *Секретно.*

Союз металлистов по количеству своих членов и солидной денежной обеспеченности всегда играл доминирующую роль среди петербургских профессиональных союзов и служил центром для партийной пропаганды и сплочения партийных работников среди рабочих металлургической промышленности. Поэтому, по утверждении нового устава этого союза, местные социал-демократические фракции большевиков и меньшевиков, стремясь каждая захватить союз в свои руки, повели усиленную кампанию для проведения в состав членов правления своих единомышленников. На состоявшемся 21-го апреля сего года учредительном собрании в состав правления и кандидатов прошли почти исключительно партийные лица, причем из 25-ти человек — 13 большевиков, 5 меньшевиков, 1 социал-революционер, а остальные 6 нефракционные.

Но означенные лица выбраны лишь временно на один месяц, а настоящие выборы будут производиться на общем собрании членов союза, причем меньшевики рассчитывают провести на этот раз полностью свой список, так как во 1) на учредительном собрании присутствовали и принимали участие в выборах лица, приглашенные большевиками, ничего общего с союзом металлистов не имеющие, что на общем собрании, где допуск будет производиться по членским билетам, окажется невозможным

а во 2) потому, что большевики уже теперь доказали свою неспособность вести работу в союзе, как легальном профессиональном обществе».

Можно подумать, что охранка была всерьез озабочена положением дел в союзе, заинтересована в максимальной работоспособности его и опечалена тем, что в правление союза попали люди «неспособные», не деловые. В действительности же охранка просто-напросто стремилась возможно больше ошельмовать большевиков в глазах начальства, чтобы хоть этим несколько скрасить весьма неприятный факт — победу большевиков.

Дальше донесение подробно останавливается на работе правления и на взаимоотношениях его с ликвидационной комиссией старого союза:

«На одном из первых заседаний правления нового союза обсуждался вопрос о том, как поступить с деньгами и имуществом, оставшимися от закрытого союза металлистов, при чем было решено в виду того, что ликвидационная комиссия не проверила еще отчетов целого ряда казначеев старого союза, союзных денег не принимать, а предоставить комиссии первоначально разобраться в отчетах, тем более, что передача денег и вещей, согласно устава, может быть произведена лишь по постановлению общего ликвидационного собрания, после которого старый союз фактически прекращает свою деятельность. Подобный же исход дела нежелателен, так как ликвидационная комиссия подала жалобу в правительствующий сенат на неправильное закрытие союза и за отказ в регистрации поданного ими вновь устава и рассчитывает получить благоприятный ответ, после которого передаст все новому союзу, оставив утвержденный устав, как запасный, на случай закрытия союза.

В виду же того, что ликвидационная комиссия имеет право продавать оставшееся имущество, правление нового союза решило взять у ликвидационной комиссии взаимообразно 300 рублей и купить у них же мебель, как не представляющую особой ценности: библиотеку же фиктивно продать подставному лицу с тем, чтобы оно передало книги во временное пользование вновь открытого союза.

Делами общества руководят помощники присяжных поверенных: 1) Анатолий-Фридрих Эдуардов Дюбуа, 2) Николай Николаевич Крестинский, 3) Владимир Ефимович Ландсберг 4) Александр Васильевич Неустроев и 5) Аркадий Александрович Самойлов.

Для записи членов, сбора денег и других надобностей союза почти во всех районах Петербурга существует делегатская комиссия из представителей от заводов. Из них известны комиссии в Московском, Выборгском и Василеостровском районах, при чем последняя в то же время несет функции районной инициативной группы, так как состоит вся из меньшевиков.

Помещенная в № 106 «Луча» статья: «Металлисты, организуйтесь» написана литератором Владимиром Осиповичем *Цедербаумом*, известным под литературным псевдонимом «Левицкий».

Приложение: Список членов правления союза металлистов.

Полковник: (подпись)».

Как видим, охранка ничего не упустила из вида; информировала департамент даже о том, что, собственно, лишь косвенно касается союза, — об авторе статьи «Металлисты, организуйтесь», — сделано это, правда, потому, что департамент проявил к этой статье исключительный интерес.

Мы помещаем полностью и приложение к донесению охранки — список членов правления, так как характеристика этих работников охранкой не лишена известного общественного интереса.

СПИСОК

членов правления профессионального союза металлистов.

№№ по порядку.	Фамилия, имя, отчество и звание.	Адрес.	Сведения по делам отделения.
	ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРАВЛЕНИЯ:		
1.	Киселев, Алексей Семенов, кр. Владимирской губ., Шуйского уезда.	Московское шоссе, дом № 28, кв. 6.	Социал-демократ большевик-примиренец.
	СЕКРЕТАРЬ:		
2.	Абросимов, Владимир Моисеев, кр. Тверской г., Осташковского уезда.	Забалканск. просп., дом № 120, кв. 4.	Социал-демократ меньшевик. Наружным наблюдением 1909 г. был замечен, как бывший на сходке социал-демократов 26 апреля в д. № 7 Колтовской ул., в 1910 г. имел сношения с лицами, наблюдавшимися по Р. С.-Д. Р. П. По агентурным сведениям состоял в 1910 г. членом Московского районного комитета, а также членом и секретарем правления общества самообразования за Московской заставой и находился 13 февраля того же года в помещении такового, где под видом лекции происходило собрание лиц, принадлежащих к местной организации Р. С.-Д. Р. П. 20 февраля 1910 г. он подвергался обыску. 19 июня того же года он вторично обыскивался в ликвидации с.-петербургской организации Р. С.-Д. Р. П. и был оставлен на свободе. 23 апреля 1911 г., при ликвидации местной с.-д. организации в связи с празднованием 1 мая, вновь был подвергнут обыску, будучи и на этот раз оставлен на свободе. В ночь на 1 августа 1912 г. подлежал аресту, как агитатор, за забастовку на фабрике[1]) Сименс-Гальске, но за выбытием из С.-Петербурга задержан не был.
	КАЗНАЧЕЙ:		
3.	Морозов, Николай Кириллов, сын надворного советника.	Покровская ул., дом № 10, кв. 7.	В 1907, 1908 и 1912 г.г. наблюдался лично отделением и имел неоднократные сношения с лицами, принадлежащими, как к партии социа-

[1]) Заводе, за Московской заставой.

Редакция.

№№ по порядку.	Фамилия, имя, отчество и звание.	Адрес.	Сведения по делам отделения.
			листов-революционеров, так и к Р. С.-Д. Р. П. 16 октября 1907 г. был обыскан и арестован в виду сношений его с с.-р., но за безрезультатностью обыска из-под стражи освобожден, без возбуждения дела о нем. Как видно из сообщения вятского губернского жандармскаго управления от 28 марта 1912 г., за № 160, являлся видным членом вятской организации Р. С.-Д. Р. П. 30 апреля с. г. был арестован, в числе других лиц, в предупреждение событий 1 мая; 3 мая из-под стражи освобожден. Состоит сотрудником легальной с.-д. газеты «Луч».
	ЧЛЕНЫ ПРАВЛЕНИЯ:		
4.	Лебедев, Максим Абрамов, кр. Костромской губ., Кологривского уезда.	Б.-Руж. ул., дом № 28, кв. 22.	Социал-демократ большевик. Представитель от рабочих в социал-демократическую думскую фракцию 4 Государственной Думы. Состоит под наружным наблюдением отделения. Проживает в С.-Петербурге под именем Павла Абрамова (по нелегальному документу) Лебедева. В 1909 г. был замечен наблюдением в сношении с лицами, принадлежащими к Р. С.-Д. Р. П., а в 1910 г. наблюдался в той же партии. В 1910 г. Абрамов-Лебедев заведывал техникой петербургской С.-Д. организации, при чем при его участии была поставлена арестованная впоследствии типография [1]). 15 ноября 1909 г. Абрамов-Лебедев в числе других лиц был задержан полицмейстером в доме № 8 по Б.-Гребецкой ул. в помещении воскресной школы с вечерними курсами для рабочих и по удостоверении личности оставлен на свободе. 14 апреля 1910 г. Абрамов-Лебедев был обыскан и арестован в ликвидации местной организации Р. С.-Д. Р. П., переписка по сему делу была передана начальнику с.-петербургского губернского жандармского управления, и лишь во время производства дознания при управлении он назвался собственным именем Максима Лебедева.

[1]) Сергей Зубков, Нордштрем и Ксения Иванова работали в ней.

Юр. Новин.

№№ по порядку.	Фамилия, имя, отчество и звание.	Адрес.	Сведения по делам отделения.
			В виду направления прокурором СПБ. судебной палаты дознания о Лебедеве на прекращение, дело его было разрешено в административном порядке и по постановлению г. министра внутренних дел он был выслан под гласный надзор полиции в Архангельскую губ., сроком на 2 года, считая с 22 ноября 1910 г., каковой надзор и отбыл.
5.	Алексеенкова, Елена Гавриловна, кр. Витебской губ., Невельского уезда.	Сердобольск. ул., д. № 19, кв. 3.	По агентурным сведениям в 1912 г. являлась делегаткой на женском съезде от работниц-текстильщиц.
6.	Головко-Улазовская, Мария Федоровна, кр. Могилевской губ., Чериковского уезда.	Лесной, Английский пр., дом № 4, кв. 2.	С.-д. большевичка. По агентурным сведениям в 1912 г. была известна в петербургских партийных с.-д. кружках, как пропагандистка, под кличкой «Маруся Белая». В виду этого 7 ноября того же года была арестована и за безрезультатностью обыска 16 числа освобождена. Проживая в г. Киеве, в 1908 и 1909 г.г. наблюдалась лично по принадлежности к Р. С.-Д. Р. П. В 1911 г. находилась в близких сношениях с членами киевской с.-д. организации и в том же году переписывалась по партийным делам с членами петербургской с.-д. организации, а также оказывала приют скрывающимся партийным лицам. В виду ареста ее с нелегальной литературой в г. Киеве в 1909 г., привлекалась при киевском губернском жандармском управлении по 1 ч. 102 ст. угол. улож. и была приговорена киевской судебной палатой к заключению в тюрьме на 1 год и 8 мес., каковое и отбыла 17 апр. 1911 года.
7.	Николаев, Павел Николаев, кр. Тверской губ., Ржевского уезда.	Железноводская ул., д. № 10, кв. 34.	По агентурным сведениям с.-д. большевик, в 1911 году входил в группу, именующуюся «районным совещанием василеостровского района».
8.	Лапин, Эрнест Карлов, кр. [1].	Пряжка, дом №34-6., кв 12	По агентурным сведениям, социал-демократ меньшевик. В 1911 г., как видно из заявления управляющего заводом К. Зигеля (д. № 8 по Московскому шоссе), в числе дру-

[1]) Точных сведений о Лапине в деле департамента полиции нет.

№№ по порядку.	Фамилия, имя, отчество и звание.	Адрес.	Сведения по делам отделения.
			гих лиц, якобы, являлся агитатором за забастовку на заводе.
9.	Богданов, Григорий Богданов, кр. Новгородской губ., Старорусского уезда.	Забалк. пр., дом № 29. кв. 19.	По агентурным сведениям социал-демократ большевик.
10.	Сесицкий [1]), Илья Петров, кр. Виленской губ., Вилейского уезда.	Невск. заст. Смоленск. п. дом № 17, кв. 6.	По агентурным сведениям социал-демократ большевик. Партийные клички «Илья» и в настоящее время «Александр». Состоял в 1910 году в вас.-остр. районн. организации. В 1911 году был выбран от С.-Петербурга и находился в числе учеников в школе пропагандистов в г. Болонье (Италия), о чем упоминается в циркуляре департамента полиции от 3 мая 1911 года за № 102433. По сведениям отделения в школе он состоял членом исполнительной комиссии и помощником секретаря. В 1909 и 1910 г.г. состоял под личным наблюдением и был замечен с лицами, принадлежащими к местной организации Р. С.-Д. Р. П. 7 января 1910 года был обыскан и арестован при ликвидации членов Петербургского Комитета той же партии, но произведенная переписка при СПБ. губернском жандармском управлении была прекращена без всяких последствий. 7 февраля 1912 года вторично был обыскан и арестован в ликвидации «Центральной группы» СПБ. рабочих Р. С.-Д. Р. П., и переписка о нем по этому делу была передана на распоряжение начальника с.-петербургского губернского жандармского управления. По освобождении из-под стражи под особый надзор полиции Сесицкому было воспрещено жительство в СПБ. в порядке п. 4 ст. 16 положения об усиленной охране, каковое ограничение снято с него в марте с. г., и он до настоящего времени состоит под особым надзором полиции; чем именно разрешено дело о нем в губернском жандармском управлении, сведений в отделении не имеется.

[1]) В февральские дни 1917 г. И. Сесицкий был разоблачен, как провокатор. См. список провокаторов, опубликованный тогда министерством юстиции.

Юр. Новин.

№№ по порядку.	Фамилия, имя, отчество и звание.	Адрес.	Сведения по делам отделения.
11.	Митревич, Антон Адамов, кр. Витебской губ., Режицкого уезда.	Ново-Овсянникова ул., дом № 11, кв. 19.	По агентурным сведениям социал-демократ большевик. Агитировал за забастовку и демонстрацию 1-го мая с. г. Член Петербургского Комитета Р. С.-Д. Р. П. от Нарвского района. 30 апреля 1903 года был обыскан, арестован и привлечен к дознанию по делу ликвидации интеллигентов и рабочих, входящих в состав местной организации партии социалистов-революционеров и подготовлявших демонстрацию 1 мая того же года; переписка по этому делу была передана в СПБ. губернское жандармское управление, и Митревич был привлечен к формальному дознанию, впредь до решения какового по постановлению г. министра внутренних дел был выслан под гласный надзор полиции в Вологодскую губ.; чем именно разрешено дело о Митревиче, сведений в Отделении не имеется. 21 апреля с. г. Митревич был застигнут в числе других лиц на собрании первомайского стачечного комитета, сформированного Петербургским Комитетом Р. С.-Д. Р. П., в целях проведения забастовки и демонстрации 1 мая; 23 апреля был обыскан и арестован 3 мая, за безрезультатностью обыска, освобожден.
12.	Александров, Емельян Александрович, мещанин посада Колпино.	Арсеньевск. пр., д. № 3, кв. 41.	Сведений не имеется.
	КАНДИДАТЫ В ЧЛЕНЫ ПРАВЛЕНИЯ:		
13.	Соколов, Иван Михайлович, кр. Новгородской губ., Тихвинского уезда.	Мариинская ул. д. № 11, кв. 8.	По агентурным сведениям социал-демократ большевик. Согласно постановления г. министра внутренних дел от 5 февраля 1905 года, за противоправительственную деятельность был выслан под гласный надзор полиции в Архангельскую губ. сроком на 3 года, откуда 13 июня 1906 года скрылся и разыскивался циркуляром департамента полиции от 14 августа того же года за № 16075/17117. Как видно из сообщений начальника архангельского губ. жандарм. управления от 24 ноября 1906 года и 17 февраля 1907 года за

№№ по порядку.	Фамилия, имя, отчество и звание.	Адрес.	Сведения по делам отделения.
			№№ 7412 и 1571, Соколов был задержан и из-под надзора полиции освобожден.
14.	Трейер, Александр Николаевич, мещанин гор. Порхова, Псковской губ.	Заставская ул., д. №9/11, кв. 6.	Сведений не имеется.
15.	Климашевский, Николай Миронов, виленский мещанин.	Б. - Зеленина ул., д. № 16, кв. 96.	По агентурным сведениям социал-демократ большевик. 9 октября 1912 г. был задержан полицией 2 участка Петербургской части около фабрики Отто Кирхнер, за подстрекательство рабочих к забастовке; какому взысканию был подвергнут, сведений в отделении не имеется.
16.	Хватов, Никон Евсеев, мещанин города Горок, Минской губ.	Б. - Пушкарская ул., дом № 4, кв. 40.	По агентурным сведениям, социал - демократ меньшевик - ликвидатор, входил в центральную инициативную группу петербургского района, являлся организатором с.-д. заводских групп и партийных собраний. 9 октября 1912 года был задержан полицией 2 участка Петербургской части около фабрики «Отто Кирхнер» за подстрекательства рабочих к забастовке. 15 февраля 1913 года он был арестован при ликвидации членов петербургского района местной организации Р. С.-Д. Р. П., но, как уполномоченный больничной кассы помянутого завода, того же числа освобожден.
17.	Баранов, Афанасий Михайлович, мещанин г. Николаева, Херсонской губ.	Полюстр. пр. д. № 47, кв. 2.	По агентурным сведениям социал - демократ большевик (солидный).
18.	Матвеев, Андрей Нилов, кр. Новгородской губ., Крестецкого уезда.	Выборгское шоссе, дом № 21/2, кв. 5.	По агентурным сведениям, солидный социал - демократ большевик. Производил сборы на арестованных товарищей легальных и нелегальных организаций, бывший секретарь общества «Знание» и закрытого профессионального союза рабочих по металлу (петербургского отделения). 13 сентября 1911 г. был подвергнут обыску, но за безрезультатностью оставлен на свободе, без возбуждения дела о нем.

№№ по порядку.	Фамилия, имя, отчество и звание.	Адрес.	Сведения по делам отделения.
19.	Неклюдов, Егор Иванович, кр. Вологодской губ., Тотемского уезда.	8-я линия, д. № 61, кв. 21.	По агентурным сведениям, социал - демократ большевик, в 1912 г. у него на квартире происходили нелегальные собрания. В минувшем 1912 году был замечен наблюдением в сношении с лицом, наблюдавшимся по Р. С.-Д. Р. П., а в текущем году посещал с.-д. фракцию 4 Государственной Думы.
20.	Шевченко, Савва Евтихиев, кр. Киевской губ. и уезда.	Павловская ул., д. №10/6—25/6, кв. 29.	По агентурным сведениям, видный социал - демократ меньшевик. В 1900 г. являлся членом боевой дружины нарвского района. 30 июня 1905 года в ликвидацию местной организации партии социал - революционеров был обыскан и арестован и переписка была передана начальнику с. - петербургского губернского жандармского управления и в разрешении этого дела Шевченко был отдан под гласный надзор полиции, с воспрещением жительства в пределах СПБ. генерал-губернаторства, впредь до особых распоряжений. 31 декабря 1905 года он был задержан на собрании членов с.-д. организации невского района; произведенное при СПБ. губернском жандармском управлении дознание в отношении Шевченко 15 мая 1906 г. было прекращено без всяких последствий.
21.	Луговой, Петр Григорьев, кр. Харьковской губ., Змиевского уезда.	Боровая ул. д. № 59, кв. 8.	По агентурным сведениям, социал-революционер. 6 декабря 1912 г. участвовал в числе других лиц на неразрешенном собрании ликвидационной комиссии закрытого общества рабочих по обработке металлов, представляющей из себя нелегальное временное правление союза металлистов: по этому делу полицией Шлиссельбургского уч. был составлен протокол о нарушении обязательного постановления для наложения для всех участников собрания административного взыскания; какому именно взысканию был подвергнут Луговой, сведений в отделе не имеется.
22.	Рудометов, Сергей Константинов, мещанин гор. Торжка.	Пустая ул. д. № 13, кв. 3.	Сведений не имеется.

№№ по порядку.	Фамилия, имя, отчество и звание.	Адрес.	Сведения по делам отделения.
23.	Иванов, Спиридон Константинов, крест. Псковской губ., Великолуцкого уезда.	Мартын. ул., д. №8, кв. 5.	По агентурным сведениям социал-демократ большевик.
24.	Иванов, Иван Михайлов, кр. Смоленской губ., Юхновского уезда.	Невск. заст., уг. Литейной и Средн. ул., д. № 7/17, кв. 5.	По агентурным сведениям социал-демократ большевик. 20 сентября 1906 г. был обыскан и арестован в ликвидацию боевого коллектива при с.-петербургском комитете партии социалистов-революционеров, в виду имевшихся сведений о готовившемся в тот день вооруженном нападении на казначея штаба отдельного корпуса пограничной стражи. Возбужденное по этому делу уголовное преследование по обвинению Иванова в преступлении, предусмотренном 2 п. 126 ст. угол. улож., за недостатком улик военным прокурором СПБ. военно-окружного суда, по соглашению с помощником главнокомандующего, было прекращено с отменой принятой против Иванова меры пресечения особого надзора полиции.
	СЕСТРОРЕЦКИЙ ОТДЕЛ:		
25.	Иванов, Василий Павлов, сестрорецкий обыватель.	Сестрорецк, Новая ул., собств. дом.	Сведений не имеется.

Вновь избранное правление союза металлистов вскоре сумело взять в свои руки руководство забастовочным движением, охватившим в 1913 г. широкие массы петербургского пролетариата, и, кроме того, неуклонно стремилось расширить рамки своей деятельности — быть не только проводником партийного влияния, но и по возможности объединяющим центром российского рабочего движения.

В условиях российской действительности созрела благоприятная почва для широкой профессиональной работы; рабочее движение ширилось, приняло определенную революционную окраску. Забастовочная волна перебросилась на все промышленные центры России. Рабочий класс бурлил, протестовал, и необходимо было придать этому стихийному всероссийскому революционному клокотанию более или менее организованный характер, подчинить его всероссийскому центру, дать революционной энергии определенное направление. Таким центром мог быть только избранный всероссийским съездом или конференцией центральный комитет металлистов. Петербург, правда, направлял и корректировал движение провинции, но это было никем и ничем формально не санкционировано. Да и в организационном отношении необходимо было оформить опыт профессиональной практики, придать профессиональной работе всероссийский характер.

Отсюда, естественно, само собою напрашивалась мысль о всероссийском съезде или конференции. Инициаторами явились рижские металлисты [1]. Рижские металлисты в 1912 — 1914 г.г. вообще выгодно выделялись своей организованностью и сознательностью по сравнению с металлистами остальной провинциальной России.

В связи с назначением на август 1913 г. международного съезда рабочих-металлистов было решено от разговоров перейти к делу: намечены были объезды некоторых наиболее важных пунктов промышленной России, завязалась оживленная переписка с провинцией. Но не дремали и органы государственной охраны. В департамент полиции попал документ — донесение рижской охранки о предполагаемой всероссийской конференции металлистов. Департамент забил тревогу. В ход был пущен весь полицейский аппарат, чтобы не допустить объединения металлистов. На этот раз департамент полиции добился своего.

16 декабря он получил следующее донесение петербургского охранного отделения:

«Начальник отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице, 16-го декабря 1914 г., № 24215. *Секретно.*

Имею честь сообщить департаменту полиции, что идея всероссийского съезда металлистов не осуществилась, и дело ограничилось лишь перепиской с.-петербургского союза металлистов с наиболее крупными промышленными центрами.

За нач. отделения помощник его, подполковник (подпись).

На № 100164 по особому отделу IV отделение».

Почему дело ограничилось одной перепиской, станет ясным из следующей «справки»:

«СПРАВКА В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ.

Еще летом текущего 1913 года были получены сведения, что среди петербургских рабочих возникла мысль об устройстве осенью сего года всеобщей петербургской, а если удастся, то и всероссийской забастовки. Такую забастовку предполагалось приурочить ко времени внесения в Государственную Думу законопроекта о печати и о реформе полиции.

Для проведения этой забастовки в Петербурге должен был сформироваться особый стачечный комитет, кадром для коего должно было явиться нелегальное центральное бюро профессиональных союзов с участием представителей социал-революционной и социал-демократической партии. В виду сего 4-го августа были произведены обыски и аресты членов центрального бюро в количестве всего 29 человек.

[1]) В Риге в это время работали многие высланные видные петербургские металлисты: Яцыневич, Смирнов и др. Да и сам рижский пролетариат отличался своей революционной стойкостью.

Тогда же были получены указания, что в августе мес. с. г. за границей должен состояться международный съезд рабочих металлистов и что, повидимому, на этом съезде будут присутствовать и представители от России. В целях подготовки к съезду русские металлисты предполагали устроить предварительную всероссийскую конференцию металлистов, но за недостатком времени для созыва таковой решено было созвать конференцию после международного съезда.

Инициатива устройства всероссийской конференции рабочих металлистов принадлежит рижским организациям металлистов, по поручению которых в С.-Петербург приезжал из Риги делегат административный ссыльный, социал-демократ Нестеров.

Правление петербургского союза металлистов, на которое возложена была организация всероссийской конференции металлистов, выработала уже программу таковой и по вопросу о выборах делегатов на конференцию снеслось с некоторыми другими городами империи. По вопросу о способе созыва конференции было внесено три проекта:

1) Устроить конференцию нелегально, это проект социал-демократов-большевиков, 2) устроить легально при всероссийской гигиенической выставке в Петербурге, открыв для этого на выставке особое отделение металлистов при секции профессионального отдела выставки и предложив другим городам устроить экскурсии на выставку и 3) ввести петербургских делегатов в состав библиотечной комиссии при обществе народных университетов, а затем, под видом заседаний этой комиссии, устраивать, без ведома администрации общества народных университетов, заседания всероссийской конференции металлистов, при участии и иногородних делегатов» [1]).

Из доклада видно, что созыву конференции уделено было большое внимание; к подготовке ее отнеслись с особой серьезностью, вдумчивостью и осторожностью.

Казалось, все обстояло благополучно. Все подготовлено, все предусмотрено и на случаи легального и нелегального созыва конференции. Все, казалось, предвещало благоприятный исход начатой кампании. Но на деле вышло совсем иное. Инициаторы созыва всероссийской конференции металлистов не учли, да и не могли, естественно, учесть, что охранное отделение прекрасно осведомлено через секретаря союза провокатора Вл. Абросимова [2]) о каждом шаге, о каждом движении организации металлистов. А между тем, получив соответствующие директивы от департамента полиции, охранка уже вплотную подошла к ликвидации всех начинаний металлистов, проще говоря, приступила к арестам ряда активных работников союза.

Таким образом охранке удалось сорвать конференцию, расстроить начатую кампанию по объединению, внести замешательство в ряды металлистов.

Попутно охранка срывает еще кампанию союза. В связи со смертью Бебеля в партийных и союзных кругах решено было послать делегацию от питерских рабочих в Германию для того, чтобы там на месте выразить соболезнование германскому пролетариату по случаю тяжелой утраты. Делегация должна была также установить более прочные связи германских рабочих с российским пролетариатом, положить начало международному объединению российских профессиональных союзов.

1) Дело о профессиональных союзах, № 17 — 1913 г. департамент полиции. — Справка в департамент полиции от декабря 1913 г.

2) Надо думать, и через Сесицкого, который тоже был провокатором. *Редакция.*

Предоставим, однако, слово самому охранному отделению:

«Смерть известного писателя и лидера немецких социал-демократов Августа Бебеля встретила живой отклик среди членов петербургской организации Российской Социал-Демократической Партии и послужила для руководителей таковой удобным предлогом для оживления пропаганды марксистских идей среди рабочих и сплочения самих организаций. В этих целях в рабочих газетах был помещен ряд статей, посвященных жизни и деятельности Бебеля и значению его для пролетариата. Не ограничиваясь этими статьями, руководители организаций решили (по примеру других стран) послать делегацию к немецким социал-демократам с выражением сочувствия.

Организацию этого дела взяло общество металлистов, которое, предложив прочим профессиональным союзам сделать денежное отчисление на проезд делегатов, пригласило представителей союзов явиться на общее собрание делегатов.

Эти лица были задержаны в августе 1913 года на собрании правления общества металлистов. В виду того, что на упомянутом собрании общества металлистов были застигнуты посторонние лица и вследствие явного уклонения обществом от его устава, названное общество предположено к закрытию [1]).

Исполнитель (подпись).»

Департамент полиции произвел вообще в этот период большую опустошительную работу, разгромив в провинции ряд профессиональных организаций металлистов.

Особенно сгущенная атмосфера создалась вокруг петербургского союза. Помимо многочисленных арестов, произведенных охранным отделением среди питерских металлистов, вырвавших у союза солидную группу активных и ценных работников, союз в целом, как видно из только что приведенного документа, находился на волосок от закрытия. Вся деятельность союза была взята под подозрение, каждый шаг его контролировался.

Градоначальник не разрешал ни одного собрания без предварительного запроса в охранном отделении о благонадежности каждого докладчика союза. Чуть охранка отзывалась неблагоприятно о том или ином докладчике, последний снимался, а часто и сами собрания не разрешались.

Вынужденная все же блюсти хоть некоторые приличия и считаться с законом 4 марта о собраниях, полиция в целях недопущения собрания прибегала, например, к таким уловкам: зная заранее, где состоится собрание, она вызывала владельца помещения и весьма недвусмысленно предлагала ему по-добру, по-здорову отказать в собрании рабочим.

Владелец вынужден был под тем или иным предлогом отказывать в собрании, и выходило, что собрание не состоялось, а полиция как бы не при чем тут; так как с ее стороны не встречается препятствий к устройству собрания. Мы не в состоянии опубликовывать здесь длинную переписку союза с канцелярией градоначальника о разрешении собраний членов, наглядно рисующую картину мытарств союза, а приведем здесь для примера некоторые из многочисленных документов [2]), наглядно рисующих отношение градоначальника к союзу.

1) Там же.

2) Дело по канцелярии с.-петербургского градоначальника за № 39 — 1913 г. «Профессиональное общество рабочих-металлистов».

«Его превосходительству господину с.-петербургскому градоначальнику, правления профессионального общества рабочих металлистов, Б. Пушкарская ул., д. № 34-а, кв. № 47, заявление:

Сим имеем честь заявить вашему превосходительству, что означенное правление предполагает 28-го июля устроить общее собрание членов от 10-ти час. утра в помещении театра Невского товарищества «Вена» по Железнодорожной улице за Невской заставой.

Порядок занятий: 1) Доклад правления и его обсуждение. 2) Доклад о целях и задачах об-ва, докладчик А. Киселев. 3) Доклад о больничных кассах (докладчик Никон Евсеевич Хватов, проживающий в доме № 3, кв. № 40, по Б. Пушкарской ул.).

Вход на собрание по повесткам.

Секретарь: *Абросимов.*

19-го июля 1913 года».

Копия.

«23-го июля 1913 г.

В правление профессионального общества рабочих металлистов.

Канцелярия уведомляет правление, что и. д. градоначальника не признал возможным допустить предположенное к устройству 28-го сего июля, в 10 часов утра, в помещении театра «Вена» (Железнодорожная ул.) собрание членов профессионального общества рабочих металлистов.

За управляющего канцелярией: (подпись).

Настоящая копия препровождается приставу Шлиссельбургского участка для сведения и наблюдения.

За управляющего канцелярией: (подпись)».

Как видим, отказ весьма лаконичен. Здесь совершенно не считают нужным даже указать на причины, заставившие градоначальника игнорировать закон 4 марта о собраниях. Истинные же мотивы отказа, как видно из последующей переписки, сводятся к следующему: градоначальнику неизвестны еще политические убеждения Хватова, и он не дает себе труда срочно запросить об этом охранное отделение; не желая в то же время брать на себя никакой ответственности за собрание, градоначальник просто отделывается отказом. Но личность Хватова его, однако, интересует. 23-го июля канцелярия градоначальника посылает уведомление правлению союза об отказе в собрании, а 24-го того же месяца у охранного отделения запрашиваются сведения о личности Хватова.

«М. В. Д., управление с.-петербургского градоначальника, канцелярия. Сословное делопроизводство, 24-го июля 1913 года, № 2. Срочно. Секретно.

Канцелярия, по приказанию градоначальника, просит сообщить с посланным, не производилось ли в охранном отделении каких-либо дел о мещанине г. Горки (Горы, Могилевской губ.) Никоне Евсеевиче Хватове. Сведения необходимы в виду заявления желания читать лекцию.

За управляющего канцелярией: (подпись)».

Охранка не задерживает ответ и на следующий же день шлет в градоначальство справку:

«В. срочно. В сословное делопроизводство канцелярии с.-петербургского градоначальника.

Мещанин гор. Горки, Могилевской губернии, Никон Евсеев Хватов 9 октября 1913 года был задержан полицией 2 участка Петербургской части, около фабрики Кирхнера, за подстрекательство рабочих к забастовке. Был ли Хватов за это представлен к какому-либо взысканию, неизвестно.

14 февраля сего года Хватов был обыскан и арестован в ликвидацию лиц, руководящих рабочим движением петербургского района, и затем по выяснению обстоятельств дела освобожден без всяких для него последствий.

Помимо сего в делах Отделения имеются сведения на нижнего чина 4 флотского экипажа Никона Евсеева Хватова, который по заявлению ученика старшего класса 5-й роты учебно-минного отряда Николая Булая, совместно с матросами Павлом Матвеевым Портянниковым и Генрихом Террачиано, в том же 1903 году в марте месяце, вели между собой конспиративный разговор о необходимости покушения на жизнь священной особы государя императора, причем выражали намерение совершить этот преступный замысел по жребию. Переписка по этому делу была передана о Хватове начальнику с.-петербургского губернского жандармского управления 29 апреля 1903 года за № 7842, для сведения. Вследствие этого Хватов названным начальником жандармского управления был привлечен к дознанию в качестве обвиняемого и согласно состоявшегося 30 декабря 1904 года постановления того же начальника был отдан под надзор военно-морского начальства.

Относятся ли эти последние к мещанину гор. Горки Никону Евсеевичу Хватову, неизвестно.

25-го июля 1913 года.

За начальника с.-петербургского охранного
отделения, помощник его подполковник: (подпись).

И. д. делопроизводителя (подпись)».

Полученные сведения достаточны для того, чтобы Хватову был прегражден раз и навсегда доступ к общественно-публичной деятельности.

Металлисты, не искушенные в полицейских ухищрениях, не смущаясь первым отказом, еще раз подают заявление градоначальнику о разрешении общего собрания членов на 4 августа.

Докладчиком выставлен опять-таки тот же Хватов.

После полученной справки охранного отделения ясно, что градоначальник и на этот раз должен был отказать в разрешении.

И только после 4-го обращения к градоначальнику металлисты добились у него разрешения на общее собрание членов союза. Да и то только при условии снятия с повестки собрания каких бы то ни было специальных докладов.

В такой обстановке приходилось вести союзную работу, такими рогатками была обставлена деятельность союза. И нужно было величайшее напряжение революционной воли, чтобы перелезать через все эти затруднения и препятствия и неуклонно двигаться вперед к победе.

IV.

Однако, эти тяжелые удары охранки не остановили революционной работы союза металлистов и не только не ослабили, но скорее даже укрепили позицию большевиков, с каждым днем усиливавших свое влияние на массы. 25-го августа, на почве перевыборов правления союза, между большевиками и меньшевиками-ликвидаторами произошел решительный бой пред лицом публичного двухтысячного собрания рабочих. Бой закончился блестящей победой большевиков. Таким образом предсказания меньшевиков, переданные[1]) охранкой от 13 июня 1913 г. в департамент полиции, о предстоящем разгроме большевиков, не оправдались. Рабочая масса лучше видела, кто ближе ей, кто лучше выражал ее волю, ее интересы. Напрасно меньшевики ссылались на свой опыт, на свое знание профессиональной работы и выставляли большевиков, как невежд в профессиональном движении.

Рабочие своим революционным чутьем сознавали необходимость включить профессиональную работу в общее русло своей революционной борьбы, сцементировать ее с обще-партийной и политической работой.

И не меньшевикам, конечно, чуждавшимся партийных органов, настроенным даже враждебно к ним, можно было передать бразды правления в такой ответственной и массовой организации, какой являлся тогда союз металлистов. Общее собрание целиком избрало большевистское правление.

И с этого момента союз уже до конца своего существования находился под идейным влиянием представителей революционного социализма.

С каким большим интересом следили органы политической полиции за настроениями и событиями в союзной среде, показывает подробнейшее донесение охранного отделения, представленное в департамент полиции 29 августа, т. е. через три дня после собрания.

«Записка отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице, 29-го августа 1913 г., № 17420. *Секретно.*

25-го сего августа, в помещении центрального общественного собрания (Кронверкский пр., д. № 11) в присутствии полиции состоялось разрешенное общее собрание членов профессионального общества рабочих металлистов с целью выборов новых членов правления и ревизионной комиссии общества, а также кандидатов к ним.

Участвовавших на собрании было около 2000 человек, преимущественно рабочих, среди коих находилось около 25 женщин. Вход публики на собрание контролировала полиция, пропускавшая только лиц, имевших членские билеты и повестки на собрание. Тем не менее, по агентурным сведениям, на собрание проникло с чужими билетами несколько посторонних лиц, в том числе и недавно прибывший в Петербург бывший член Государственной Думы 3-го созыва, Георгий Сергеев Кузнецов. При входе в помещение раздавались №№ газет «Северная Правда» и «Новая Рабочая

---

[1]) См. выше, доклад начальника отделения по охранению общественной безопасности и порядка в С.-Петербурге 13 июня 1913 г., № 12951.

Газета» с кандидатскими списками обоих демократических направлений, представляемыми этими газетами.

Председателем собрания был избран известный департаменту полиции рабочий завода Эриксон, крестьянин Александр Осипович Яцыневич.

Собрание носило бурный характер, в виду прений, возникших между рабочими социал-демократами большевистской и меньшевистской фракций, стремившихся провести в члены правления своих кандидатов.

С докладом от правления профессионального общества рабочих металлистов выступил председатель этого правления, крестьянин Владимирской губ., Шуйского уезда, Алексей Семенов Киселев, сообщивший следующее: в настоящее время число членов общества достигло 5676 человек, члены прежних союзов металлистов ныне принимаются в общество без вступительных взносов с сохранением за ними права на пособие, при условии, если членские взносы ими были уплачены в прежнем союзе до закрытия такового. За последнее время правлением были успешно проведены две стачки рабочих — одна в технической конторе Зеленского, а другая на заводе Кравдовича. Теперь же необходимо поддержать бастующих рабочих завода «Айваз».

Далее Киселев говорил о целях и задачах общества.

С кассовым отчетом выступил секретарь правления—крестьянин Тверской губ., Осташковского уезда, Владимир Моисеев Абросимов, который, между прочим, сообщил, что со дня открытия общества приход и расход такового выразился в следующих цифрах: приход—3395 р.,—а считая с полученным заимообразно от ликвидационной комиссии прежнего, уже закрытого, союза металлистов 250 руб., всего 3645 р. 92 коп. и расход до 15 сего августа—3548 р. 22 коп.

Затем говорил рабочий — крестьянин Новоторжского уезда, Филипп Андреев Иудин[1]). Отметив в своей речи, что правление общества вообще не обращает никакого внимания на культурно-просветительную работу, оратор высказал пожелание, чтобы профессиональные общества не занимались политикой и в первую очередь обратили внимание на дело взаимопомощи во время стачек рабочих, причем указал, что правление профессионального общества рабочих металлистов за время всех стачек израсходовало на выдачу пособий бастовавшим рабочим всего лишь 165 рублей. Критикуя деятельность правления общества и указывая на его фракционность, Иудин рекомендовал сделать общество нейтральным и, кроме того, рекомендовал рабочим принять меры к более широкому распространению профессионального журнала «Металлист». В заключение оратор заявил, что «хотя высшее правительство в лице разных Бобринских и Маклаковых и хотело согнуть нас в бараний рог, но это им не удалось».

В числе других ораторов также выступил с речью и бывший член третьей Государственной Думы Кузнецов, который предложил поддержать список кандидатов в члены правления, выставленный районами и опубликованный в газете «Новая Рабочая Газета» (меньшевистский орган), и порицал политику в профессиональных союзах. За эту последнюю часть речи Кузнецов был дружно освистан рабочими.

В результате собранием были избраны в члены правления исключительно те кандидаты, которые были выставлены социал-демократами большевиками по списку, опубликованному в газете «Северная Правда» (большевистский орган), от 25-го августа, № 20.

После окончания собрания, по предложению председателя собрания Яцыневича, присутствовавшие вставанием и поднятием рук почтили память умершего германского социал-демократа Бебеля и тотчас же стали расходиться, аплодируя председателю.

Об упомянутых выше председателе Яцыневиче и выступавших на собрании ораторах Алексее Киселеве, Владимире Абросимове и Филиппе Иудине в делах охранного отделения имеются следующие сведения[2]):

---

[1]) Юдин.

[2]) Из помещенных здесь сведений об отдельных работниках союза мы исключили те справки, которые уже даны охранным отделением по поводу состава первого правления.

Крестьянин Ковенской губ., Новоалександровского уезда, Ракишской вол., мест. Коман-Комайских, Александр Иосифов Япыневич — член местной социал-демократической организации меньшевистской фракции. В 1903 году привлекался при с.-петербургском губернском жандармском управлении к дознанию. 6-го января 1910 года он был обыскан и арестован, в виду имевшихся в отделении сведений о принадлежности его к с.-петербургской организации Российской социал-демократической рабочей партии и к Центральному Бюро профессиональных союзов. По этому делу Япыневич, согласно постановления г. министра внутренних дел, подлежал подчинению гласному надзору полиции в избранном месте жительства, за исключением столиц и столичных губерний, на 2 года, считая срок с 3-го мая 1910 г., но взамен сего надзора Япыневичу было разрешено выехать заграницу на тот же срок.

Крестьянин Владимирской губ., Шуйского уезда, Алексей Семенов Киселев — социал-демократ большевик, член Петербургского комитета Российской социал-демократической партии.

Крестьянин Тверской губ., Осташковского уезда, Владимир Моисеев Абросимов (см. выше).

Крестьянин Тверской губ., Новоторжского уезда, Прямухинской вол., дер. Давыдова, Филипп Андреев Иудин принадлежит к местной социал-демократической организации фракции большевиков; входил в состав инициативной социал-демократической группы открытого движения от невского района и в состав центральной активной группы. 6-го января 1913 года он был арестован, в числе других лиц, на собрании членов инициативной группы от невского района. По обыску у него были обнаружены повестки и переписка, указывающие на его большое соприкосновение с Российской социал-демократической рабочей партией. Произведенная по этому делу при с.-петербургском губернском жандармском управлении переписка, по постановлению г. министра внутренних дел в отношении Иудина была прекращена в апреле с. г., в виду чего Иудин из-под стражи был освобожден без дальнейших последствий. Кроме того, Иудин, находясь на действительной военной службе (срока службы 1909 г.) бомбардиром 2-й роты Либавской крепостной артиллерии, был уличен однажды своим начальником в чтении каких-то запрещенных книг, за что был заключен под арест на 20 суток.

Из числа вновь избранных на означенном выше собрании членов правления профессионального общества рабочих металлистов охранному отделению известны нижеследующие:

1) Крестьянин Вологодской губ., Тотемского уезда, Пятовской вол., Егор Иванов Неклюдов (см. выше).

2) Крестьянка Витебской губ., Невельского уезда, Шалоховской в., Елена Гаврилова Алексеенкова—социал-демократка большевичка. В 1912 году являлась делегаткой на неразрешенном съезде от работниц-текстильщиц. 4-го августа Алексеенкова, в числе других лиц, была задержана полицией на сходке рабочих завода акционерного общества «Айваз» в лесу Ратькова-Рожнова, по Старо-Парголовскому просп. По этому делу Алексеенкова привлечена полицией к ответственности по обязательному постановлению.

3) Крестьянин Тверской губ., Ржевского уезда, Лаптевской вол., Павел Николаев Николаев (см. выше).

4) Крестьянин Витебской губ., Режицкого уезда, дер. Старое-Ружия, Антон Адамов Митревич (см. выше).

5) Крестьянин Владимирской губ., Шуйского уезда, села Авдотьина, Алексей Семенов Киселев большевик (см. выше).

6) Сын врача, личный почетный гражданин, ученый агроном, выкрест из евреев, Михаил Александров Розенштейн — социал-демократ большевик, принимает активное участие в партийной работе, 23-го апреля с. г. обыскан и арестован, в числе других лиц, принадлежавших к местной социал-демократической организации и агитировавших за устройство 1-го мая всеобщей забастовки и демонстрации в Петербурге, 13-го мая с. г. Розенштейн из-под стражи был освобожден и выдворен из С.-Петербурга, с воспрещением ему жительства в столице, на основании п. 4 ст. 16 положения об усиленной охране, каковое ограничение с Розенштейна не снято и до сего времени.

7) Мещанка гор. Кронштадта, Анна Ильина Воробьева—социал-демократка большевичка. По агентурным сведениям, в начале текущего года она примыкала к группе социалистов-революционеров при обществе «Источник Света и Знания» (ныне закрытое).

8) Крестьянин Смоленской губернии, Гжатского уезда, Ново-Покровской волости, дер. Степанцова, Родион Петрович Золотцев,—социал-демократ большевик; принимает участие в партийной работе нарвского района социал-демократической организации; в апреле мес. с. г. вел агитацию за необходимость забастовки рабочих на Путиловском заводе. 10-го августа 1911 года подвергался обыску, по безрезультатности коего оставлен на свободе. В апреле 1913 года был обыскан и арестован, как агитатор за забастовку, но 3-го мая из-под стражи освобожден без дальнейших для него последствий.

9) Крестьянин Тверской губ. и уезда, Новинской вол., дер. Голова, Василий Петров Орлов—социал-демократ большевик; состоит в социал-демократической группе рабочих Путиловского завода. 3-го июля 1905 года Орлов был задержан, в числе других лиц, на сходке рабочей группы «освобожденцев», переписка по этому делу 12 того же июля за № 12195 была передана на распоряжение начальника с.-петербургского губернского жандармского управления, но чем таковая окончилась в отношении Орлова, сведений в отделении не имеется. 21-го февраля 1906 года, в ликвидацию боевой дружины партии социалистов-революционеров, в квартире Орлова был произведен обыск, и сам он подлежал аресту, но не был арестован, так как скрылся.

10) Крестьянин Калужской губ., Козельского уезда, села Моховое, Василий Матвеев Щербаков—социал-демократ большевик, член Петербургского Комитета Российской социалистической демократической рабочей партии от невского района, входит в состав исполнительной и библиотечной комиссии Невского района.

11) Крестьянин Виленской губ., Вилейского уезда, Парафиановской вол., села Гнездинова, Илья Петров Сесицкий (см. выше), и

12) Крестьянин Тверской губ., Осташковского уезда, Дубковской волости, Владимир Моисеев Абросимов, меньшевик (см. выше).

Об изложенном докладываю вашему превосходительству.

Полковник (подпись)».

Этой марки — избрания сплошь большевистского правления союза — департамент полиции не в силах был выдержать и вышел, наконец, из роли пассивного зрителя. Градоначальнику дается определенная и ясная директива — закрыть союз металлистов. 7-го сентября директор департамента полиции Белецкий обращается к петербургскому градоначальнику со следующим письмом:

Доверительно.

«Директор департамента полиции.

Милостивый государь Данил Васильевич!

Последнее собрание членов профессионального общества рабочих металлистов, состоявшееся 25-го прошлого августа в помещении центрального общественного собрания (Кронверкский пр., д. 11), выборами нового правления указало, что большинство членов собрания названного общества находится под непосредственным влиянием Российской социал-демократической рабочей партии, так как все 12 вновь избранных лиц принадлежат к Российской социал-демократической рабочей партии.

Результат этих выборов указывает на огромный успех названной партии, которая проводит в жизнь постановление IV съезда представителей социал-демократических организаций в г. Стокгольме в 1906 г., подтвержденное следующим лондонским съездом в 1907 г. и последующими съездами.

Этими постановлениями съездов установлен тот принцип, что одной из основных целей деятельности социал-демократов в профессиональных союзах является признание профессиональными союзами идейного руководительства пролетарской партии и установление организованной связи между союзами и партией.

Таким образом, судя по выборам 25-го августа, нельзя не притти к заключению, что цель Российской социал-демократической рабочей партии в этом профессиональном союзе вполне достигнута.

В виду изложенного и принимая во внимание, что профессиональный союз рабочих металлистов два раза уже закрывался и, вновь разрешенный к открытию в мае текущего года, повидимому, следует примеру предыдущей своей деятельности, я покорнейше просил бы ваше превосходительство не отказать в распоряжении о принятии самых действительных мер к тому, чтобы в ближайшем будущем деятельность этого союза была авторитетно разъяснена присутствием по обществам и союзам.

О последующем буду ожидать ваших сообщений.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Белецкий.

№ 103870, 7-го сентября 1913 г.

За нач. отделения (подпись)».

Мы видим, что участь союза фактически уже предрешена. Департамент не мог допустить легальное существование большевистского правления, не мог спокойно наблюдать усиление мощи союза. Успех, достигнутый большевиками, вывел окончательно департамент из состояния равновесия. Не успел еще союз, как следует, опереться, наметить определенные рамки работы, установить прочную связь с рабочими, как «в сферах» решено уже было избавиться от неспокойного союза.

В то время, как новое правление, окунувшись в гущу революционных событий, строило планы борьбы, разрабатывало тактику наступлений и на капитал и на правительство, в лаборатории полицейщины в свою очередь разрабатывался план закрытия красного союза. Решено было «разъяснить» союз, т.-е. создать против него какое-либо фиктивное дело в нарушении правил 4 марта 1906 г.

Градоначальник, конечно, охотно последовал данным ему департаментом директивам и предложил присутствию об обществах и союзах закрыть союз, но, увы, на этот раз даже послушное присутствие не пожелало авторитетно разъяснить союз. Уж слишком белыми нитками было шито все обвинение полицией союза в противозаконной деятельности. Присутствие вынуждено было в силу этого отклонить предложение градоначальника. Но последний не особенно был удручен этой строптивостью присутствия. Гораздо больше беспокоила градоначальника настойчивость рабочих, добивавшихся своих прав, боровшихся за существование союза. В ответе градоначальника департаменту проглядывает какая-то безнадежность и неуверенность в том, что ему удастся совершенно освободиться от ненавистного союза путем юридического крючкотворства.

Предоставим слово градоначальнику:

«С.-Петербургский градоначальник, 19-го сентября 1913 г., № 2869.

Доверительно.

Его превосходительству С. П. Белецкому, г. директору департамента полиции.

Милостивый Государь, Степан Петрович!

Вследствие письма от 7-го сентября за № 130870, имею честь сообщить вашему превосходительству нижеследующие сведения о деятельности «Профессионального общества рабочих по металлу».

В минувшем году С.-Петербургским особым городским по делам об обществах присутствием были закрыты два профессиональных общества «рабочих по обработке металла» и «рабочих по металлу», вследствие проявленной этими обществами деятельности, угрожающей общественной безопасности и спокойствию.

После этого со стороны рабочих металлистов было заявление, в установленном законом порядке, об учреждении нового подобного общества под названием «Рабочих металлистов», которое и было зарегистрировано особым присутствием 26-го марта сего года, так как проект устава был вполне согласован с законом 4-го марта 1906 г. о профессиональных обществах, в виду чего не было законных оснований к отказу в регистрации этого общества. Однако, по отзыву начальника охранного отделения, деятельность «Профессионального общества рабочих металлистов», руководимых социал-демократической партией, приняла за последнее время преступное направление, преследуя цели революционизирования рабочих и возбуждения в них классовой вражды.

Поэтому я предварительно перед приостановлением, в порядке ст. 34 отдела I закона 4 марта 1906 г., деятельности этого общества, внес 20-го минувшего августа об изложенном на предварительное обсуждение особого городского по делам об обществах присутствия, которое пока не нашло достаточных оснований к закрытию этого общества; поэтому мною поручено начальнику охранного отделения и местной полиции продолжать самое строгое наблюдение за деятельностью «Профессионального общества рабочих металлистов».

Сообщая об изложенном, считаю долгом присовокупить, что в случае закрытия этого общества положение дела не изменится, так как уже в настоящее время поступило со стороны рабочих металлистов новое заявление, в удовлетворении коего пока было отказано лишь по формальным основаниям.

Прошу ваше превосходительство принять уверение в истинном моем уважении и совершенной преданности.

(Подпись)».

На этот раз сорвалось... Но полиция не теряет надежды так или иначе разделаться с ненавистным союзом. Зорко следит она за каждым его шагом, старается проникнуть во всю его внутреннюю жизнь. Так мы находим подробнейший отчет о ряде собраний пороховского отделения союза, происходивших в конце октября 1913 г. Сведения эти поступили в петербургское губ. жандармск. управление от секретного сотрудника «Мирского». Из жандармского управления донесение направляется в департамент полиции, и оттуда летит запрос в охранное отделение. Чтобы не расписаться в своей неосведомленности, охранка вынуждена признаться, что собрания, с участием социал-демократических депутатов, обсуждающие такие вопросы, как раскол думской с.-д. фракции, составляют в Петербурге заурядное явление. Мы печатаем полностью донесение в департамент полиции, как рисующее картину работы отделения союза, и отписку охранки:

«Начальник С.-Петербургского губернского жандармского управления, 16-го ноября 1913 г., № 709. С.-Петербург. По особому отделу, секретно.

Имею честь уведомить, что по полученным помощником моим по С.-Петербургскому уезду подполковником Палькевичем агентурным сведениям от секретного сотрудника «Мирского» пороховским отделением Профессионального общества союза рабочих по металлу были устроены 22-го, 23-го, 27-го и 30-го октября сего года нелегальные собрания рабочих, состоящих членами в названном обществе. На этих собраниях были рассмотрены следующие их вопросы:

1) О деятельности отделения. Выражено желание возможно более расширить деятельность отделения, которая в настоящее время признается крайне слабой. С этою целью собрание решило дать указания всем мастеровым выбрать по 1 или по 2 делегата, от каждой мастерской, делегаты эти должны стремиться к расширению деятельности общества, заботиться об увеличении производимых денежных сборов в пользу рабочих и административно высланных и обо всем заслуживающем внимания немедленно сообщать в отделение для принятия соответствующих мер. Учредить дежурства членов в отделении. Нанять мальчика для доставления рабочих газет из редакций в отделение и на квартиры рабочих.

2) Доклады с мест. По этому вопросу члены отделения поочередно сообщали общему собранию о жизни рабочих в каждой мастерской за истекший период времени, т.-е. о случившихся конфликтах между рабочими и мастерами, об усмотренных каких-либо злоупотреблениях или упущениях со стороны администрации завода и т. п. Сообщения эти служат материалом для составления соответствующих статей, помещаемых в редакциях рабочих газет.

3) О драматическом просветительном кружке. Высказано пожелание, чтобы администрацию кружка, состоящую по преимуществу из числа местной интеллигенции, чиновников, служащих, заменить постепенно рабочими и, демократизировав таким образом, использовать его для партийных целей. Кружок помещается в селе Пороховые, 2 линия, дом Василькова, лекции же и спектакли кружка ставятся в специальном здании Охтенского порохового завода. В виду того, что чтение лекций, организуемых отделением общества металлистов, полицией не разрешается, предположено лекции сего отделения читать в здании кружка и под его именем.

4) О расколе с.-д. фракции Государственной Думы. На это собрание, происходившее 27-го октября, приезжал член Государственной Думы Бадаев, который объявил действия меньшевиков-ликвидаторов фракции неправильными, посоветовал собранию выразить против них протест для объявления в газете «За правду». При этом он заявил, что по сему вопросу был в С.-Петербурге съезд представителей Р. С.-Д. Р. П. из Москвы, Варшавы и других городов, которые также осудили действия меньшевиков, пожелавших захватить в свои руки всю с.-д. фракцию. С доводами Бадаева рабочие согласились, хотя, по окончании собрания, некоторые из рабочих советовали пригласить также представителя меньшевиков этой фракции с целью выслушать и его объяснение по этому вопросу.

Кроме того, Бадаев, на том же собрании, советовал рабочим принимать всевозможные меры к расширению деятельности отделения общества металлистов, привлекая в него возможно большее число членов, а также возможно чаще посещать устраиваемые этим обществом собрания и лекции в С.-Петербурге.

Все вышеупомянутые собрания происходили в помещении отделения в с. Пороховые, 2 линия, дом Прокофьева, квартира рабочего Лихоткина, состоящего членом ревизионной комиссии названного общества металлистов.

Генерал-лейтенант (подпись)».

Увы, как мы уже писали выше, охранное отделение совершенно не было осведомлено об этом собрании пороховского отделения союза и вынуждено было отписываться в департамент полиции, делать вид, что на собраниях не произошло ничего особенного, ничего серьезного:

«Начальник отделения по охранению общественной безопасности и порядка в С.-Петербурге. 27-го марта 1914 г., № 7159, г. С.-Петербург, секретно.

О деятельности делегатов профессиональных союзов и их роли в организации было подробно доложено г. директору департамента полиции в записке от 3-го декабря 1913 г. за № 4974.

Что касается собраний на Пороховых заводах, то точных агентурных сведений о них в отделение не поступало, но вскоре после раскола думской фракции подобные собрания происходили почти во всех союзах и культурно-просветительных обществах. На этих собраниях выслушивались доклады представителей большевистских и меньшевистских организаций, составлялись резолюции, которые затем помещались в газетах: «Правде» или «Северной Рабочей Газете».

Сведения о съезде представителей от других городов не поступало.

За начальника отделения подполковник (подпись)».

Последние слова этого ответа напоминают нам об одном больном месте департамента полиции — угрозе всероссийского или областного объединения профсоюзов. Услышав, будто где-то сенатом разъяснено, что профессиональный союз не может охватывать район нескольких губерний, департамент полиции поднимает на ноги и министерство внутренних дел и канцелярию сената, стараясь во что бы то ни стало получить столь важное для него постановление. Но, увы, из канцелярии сената сообщили, что такого решения сенат не выносил.

Правда, на практике ни местная власть, ни министерство вн. дел не разрешали областного, ни тем более всероссийского объединения союзов.

Нельзя обойти молчанием еще одного донесения «Мирского», указывающего на международные связи союза металлистов:

«Начальник С.-Петербургского губернского жандармского управления, 10-го декабря 1913 г., за № 774. С.-Петербург, секретно сообщает в департамент полиции:

Имею честь уведомить, что по полученным помощником моим по С.-Петербургскому уезду подполковником Палькевичем агентурным сведениям от секретного сотрудника «Мирского» во время бывшего в конце ноября месяца сего года нелегального собрания членов Пороховского Отделения Общества рабочих по металлу, докладчиком - рабочим Войцеховским было объявлено, что австрийские безработные обратились через своих представителей в с.-д. фракцию Государственной Думы с просьбой приискать им соответствующие работы в России. Вопрос этот был передан на разрешение правления общества металлистов, которое изъявило согласие удовлетворить эту просьбу с тем, чтобы австрийские рабочие общества, со своей стороны, также приходили на помощь русским безработным во время забастовок и чтобы по вопросу об устройстве в России австрийских рабочих обращались непосредственно в правление металлистов, которое будет распределять этих рабочих по русским заводам».

В этом эпизоде ярко выступают как ясное понимание союзом металлистов значения международной пролетарской солидарности не только в общереволюционном движении, но и в непосредственной экономической борьбе, а также организующая роль соц.-демократии.

В январе 1914 года полиция вновь ставит на очередь вопрос о закрытии союза. Правление было заранее предупреждено об этом. Между про-

чим, чтобы получить легальную зацепку для закрытия союза и не сесть снова в лужу перед присутствием об обществах, градоначальство решает запастись материалом, предложило союзу представить для проверки свои денежные и регистрационные книги.

Эта уловка была настолько проста и груба, что деятели союза, разумеется, не пошли на нее. Но еще раньше, чем официальный ответ правления дошел до градоначальства, сведения о нем уже поступают агентурным путем в департамент полиции.

«Записка отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице, 21-го января 1914 г., № 3190. *Секретно.*

По полученным агентурным сведениям, выбранный 19-го сего января новый состав правления Профессионального общества рабочих металлистов, в виду производящегося в с.-петербургском градоначальстве дознания по делу об этом обществе, 20-го января устроил в помещении общества собрание членов правления. На этом собрании между прочим, обсуждались вопросы: 1) как реагировать на возможное закрытие общества, 2) что ответить с.-петербургскому градоначальству на его требование о высылке в канцелярию градоначальства денежных и регистрационных книг общества.

По первому вопросу были вынесены предложения о проведении в виде протеста трехдневной или однодневной забастовки. Однако, в виду отсутствия уверенности в том, что незарегистрированные рабочие металлисты захотят поддержать общество металлистов, собравшимися было решено передать этот вопрос на заводы на обсуждение самих рабочих.

По второму вопросу было решено в требовании с.-петербургского градоначальника,—о высылке в канцелярию градоначальства книг, отказать, предложили градоначальству, в крайнем случае, осматривать книги в помещении правления общества.

Об изложенном имею честь доложить вашему превосходительству.

Подполковник (подпись)».

Конечно, мы не станем верить на слово осведомителю охранки, что вопрос о забастовке протеста против закрытия союза не был решен правлением сразу потому, что оно не было уверено в поддержке рабочих. В 1913—1914 г.г. петербургская рабочая масса вся пропиталась революционным энтузиазмом, и демонстративные политические забастовки по поводу, например, преследования рабочей печати, исключения с.-д. депутатов из Гос. Думы, проходили с редким подъемом и единодушием. Но к описываемому моменту перед партией стал вопрос о том, что пора несколько изменить тактическую линию и не растрачивать революционной энергии масс, а накоплять ее для решительного боя. Таким образом, колебания правления объясняются исключительно сомнениями в целесообразности забастовки по частному поводу.

Но, в конце концов, тревога союза оказалась напрасной; поход охранки и на этот раз кончился ничем, и в марте мы опять читаем о том, что «общество предположено к закрытию». По этому поводу в департаменте полиции составляется подробная справка, дающая нам картину состояния союза за 1913—1914 годы. Этой справкой департамент полиции должен

был бы окончательно убить союз металлистов, убедить присутствие в революционном значении союза.

«Справка: Союз металлистов по количеству своих членов и солидной денежной обеспеченности всегда играл доминирующую роль среди других профессиональных союзов и служил центром для партийной пропаганды и сплочения партийных работников среди рабочих металлургической промышленности.

В 1912 году с.-петербургским особым городским по делам об обществах присутствием были закрыты два профессиональных общества «рабочих по обработке металла» и «рабочих по металлу», вследствие проявленной этими обществами деятельности, угрожающей общественной безопасности и спокойствию.

После этого со стороны рабочих металлистов было заявлено в установленном порядке об учреждении нового подобного общества под названием «Рабочих Металлистов», которое и было зарегистрировано особым присутствием 26-го марта 1913 года, так как проект устава был вполне согласован с законом 4-го марта 1906 года о профессиональных обществах, в виду чего не было законных оснований к отказу в регистрации этого общества.

По поводу открытия «Союза Металлистов» в газете «Луч» 10-го мая 1913 года была помещена статья под заглавием «Металлисты, организуйтесь», призывающая рабочих металлистов вступать во вновь открывшийся в С.-Петербурге союз, долженствующий стать массовой профессиональной организацией, объединяющей рабочих металлургической промышленности на почве экономических интересов и борьбы с капиталом. «Металлисты,—заканчивается статья,—союз вами открыт. Сделайте все, чтобы из слабого ростка вырос могучий ствол классовой организации пролетариата металлургической промышленности. Помните, что успех и развитие новой организации зависят от ваших собственных усилий. Организуйтесь, агитируйте, записывайтесь в союз».

На состоявшемся 21-го апреля 1913 года учредительном собрании в состав правления и кандидатов прошли исключительно партийные лица, из 25 человек—13 большевиков, 5 меньшевиков, 1 социалист-революционер, а остальные 6 нефракционные.

Присутствовали и принимали участие в выборах лица, ничего общего с союзом металлистов не имеющие и принадлежащие к составу Российской социал-демократической рабочей партии, под непосредственным влиянием которой находится большинство членов собрания названного общества.

Для записи членов, сбора денег и других надобностей союза почти во всех районах г. С.-Петербурга существуют делегатские комиссии из представителей от заводов.

К началу нынешнего года общество металлистов насчитывает уже 10.273 члена, из коих 123 женщины.

Правление общества состоит из 16 членов и 9 кандидатов к ним.

Общество имеет свой печатный орган, издает журнал «Металлист» и насчитывает 11 отделений.

Фактические планы деятельности общества выразились в выяснении условий труда на заводах и фабриках, как-то: 1) высота заработной платы, 2) продолжительность рабочего дня, 3) санитарные условия и т. д.

Правление ведет переговоры и принимает участие в конфликтах между своими членами-рабочими и предпринимателями.

За год было рассмотрено до 117 случаев.

Не менее горячее участие общество принимает в страховании своих членов, помогая им разбираться в страховых законах, давая советы, указания и справки.

Существует и юридическая помощь своим членам.

С конца прошлого (1913 г.) года общество металлистов вступило на более широкий путь политической деятельности. (Далее идет изложение сведений о шагах к созыву всероссийской конференции и чествовании памяти Бебеля, помещенных нами выше.)

В виду того, что на упомянутом собрании общества металлистов 6-го августа 1913 г. (см. выше) были застигнуты посторонние лица, и, вследствие явного уклонения обществом от его устава, называемое общество предположено к закрытию.

Марта 1914 года.

Исполнитель (подпись)».

Итак, перед нами мощная организация, насчитывающая те же 10 тысяч членов, с которым союз вступил в жизнь в 1906 г., но с большим организационным опытом, с сознанной тактической революционной линией и со штабом испытанных работников. Главное же, что отличает союз 1914 г. от союза 1906 г. — это то, что эти 10.000 членов — не аморфная масса, записывающаяся в союз в смутном чаянии экономических благ, которые ему завоюет союз, а сплоченный и сознательный авангард двухсоттысячной армии петербургского пролетариата, проникнутого единым революционным настроением. Понятно, что нападать на такой авангард — значило бросить вызов всей армии, а на это охранка вкупе с департаментом полиции могла пойти лишь тогда, когда и у них было бы решено дать «последний решительный бой». В воздухе пахло войной. Нужно было освободить себя от всего, что могло помешать единому патриотическому настроению, единой патриотической воле. Градоначальник решил поэтому «дерзнуть»:

«На основании статьи 35 приложений к ст. 1181 о пред. и пресечении преступлений т. XIV постановлено действия проф. общества рабочих металлистов приостановить».

И это «постановлено» было лишь решением департамента полиции и градоначальника. Последнее слово принадлежало присутствию по делам об обществах и союзах. Но ясно было, что на этот раз присутствие не посмеет перечить воле начальства.

«Рабочие не должны забывать, что это только простая формальность,— пишет по этому «Металлист» [1], — что тут дело не в отдельном решении присутствия», а в *соотношении* борющихся сил. И это соотношение сил уже заранее предупредило постановление градоначальника и решение присутствия. И «Металлист» был прав. Присутствие согласилось с доводами градоначальника, санкционировало закрытие союза. «Формальность выполнена, — пишет в следующем номере «Металлист» [2]). Столичное по делам об обществах и союзах присутствие подписало смертный приговор союзу металлистов. Администрация пришла на помощь организованному капиталу и стерла самую славную профессиональную организацию». И эти похороны были уже последними в дореволюционную эпоху. Союз металлистов ждал революции.

Интересно, какими же мотивами руководствовалось, вынося свой приговор, присутствие? Конечно, в основу шли данные «справки». Но это по существу, а формально союзу были поставлены в вину следующие погрешности: 1) не все протоколы заседаний подписаны председателем, 2) неправильное постановление правления о приеме членов строго аналогичного общества без вступительного взноса, 3) неутверждение смет прихода и расхода общим собранием со дня утверждения союза, 4) субсидирование обществом журнала «Металлист».

[1]) «Металлист», № 4 (41), 1-го апреля 1914 г.

[2]) «Металлист», № 5 (42), 12-го апреля 1914 г.

Понятно также, что доводы представителей союза не имели и не могли иметь никакого влияния на исход решения присутствия. Присутствие выполняло приказ начальства.

Рабочие сдержались: не ответили забастовкой, как этого ожидало правительство. Власть ждала действий рабочих, готовилась к борьбе и решила сделать кровопускание, чтобы тем самым разрядить сгущенную атмосферу, ослабить наступательную силу рабочих. Но лишь в июле разрядилась энергия рабочих, разразилась всеобщая петербургская забастовка, рабочие взялись за постройку баррикад. Выборгская сторона покрылась баррикадами, и мостовые обагрились пролетарской кровью. Тяжесть полицейской репрессии обрушилась и на организационные центры рабочего движения. Были закрыты одним росчерком пера, минуя всякие присутствия, все профессиональные союзы и рабочие клубы. Рабочие Петербурга были обезоружены.

Непосредственно за июльскими днями последовало объявление русско-германской войны. Несмотря на то, что войной были созданы условия для процветания именно металлообрабатывающей промышленности, вместе с тем в военной обстановке о профессиональных организациях нечего было и думать. Однако, военные поражения самодержавия вызвали ко 2-й половине 1915 года оживление и организацию цензовой буржуазии в форме военно-промышленных комитетов, а под их крылышком приютились и мелкобуржуазные социал-соглашатели-оборонцы, вместе с созданными рабочими группами. Мы не станем здесь останавливаться на неоднократных бесплодных попытках оборонцев распространить свое влияние на широкие круги рабочих и на том достойном отпоре, который они встречали каждый раз, в частности со стороны питерского пролетариата. Но отметим, что в своих усилиях восстановить связь с массой рабочая група Центрального Военно-Промышленного Комитета остановилась и на мысли возродить петербургский союз металлистов. В обширном докладе петербургского охранного отделения, посвященном деятельности группы, мы читаем:

«Собранием рабочей группы 23/III 1916 года с членами с.-д. «инициативной группы», с.-д. фракции и организационного комитета меньшевиков обсуждался вопрос о проекте устава профессионального общества «Металлист».

Проект этот, признанный на одном из предшествовавших собраний непригодным, был внесен теперь на новое рассмотрение в исправленном виде; в проекте этом прибавлено о праве открывать отделения союза и о том, что решающий голос общих собраний, в виду невозможности собирать таковые из-за предполагаемого значительного числа членов союза переносится на собрания уполномоченных по сбору членских взносов.

Вечером того же дня состоялось собрание комиссии рабочей группы по профессиональным союзам.

Здесь прежде всего были одобрены поправки к проекту устава общества «Металлист», выработанные в бюро рабочей группы, и затем решено создать особую финансовую комиссию по сбору денег на расходы по регистрации этого нового союза и на издание профессионального органа общества металлистов-рабочих, в настоящее время не выходящего.

Здесь же началось и обсуждение вопроса об этом профессиональном органе печати. Название органа еще не придумано. Решено к следующему собранию подыскать редактора, издателя и тогда уже в окончательной форме выяснить этот вопрос.

5-го апреля состоялось новое собрание комиссии рабочей группы по профессиональным союзам.

На собрании этом прежде всего выяснилось, что финансовая комиссия уже успела набрать в рабочей среде более 500 рублей и что рабочие, весьма сочувственно относясь к идее воссоздания профессионального союза, в то же время, одновременно с предлагаемыми пожертвованиями, поднимают вопрос о том, куда девались весьма значительные суммы денег, принадлежавшие закрытому союзу и хранившиеся до времени настоящей войны в Германии.

Так как вопрос этот носит принципиальный характер и в сильнейшей степени затрагивает репутацию руководителей старого союза, то здесь же на собрании была сделана попытка выяснить участь этих бесследно пропавших денег.

По означенному вопросу удалось лишь установить следующее: деньги эти, в сумме около 1400 руб., действительно хранились в Германии и за последнее перед войною время их держателями оказались большевики-ленинцы, захватившие в свои руки хозяйничанье в союзе. Если к моменту самого возникновения войны они не успели их взять, то они находятся и сейчас в Берлине в отделении частного коммерческого банка. Если же ленинцы успели уже получить эти деньги непосредственно на руки, то, несомненно, они уже их истратили на свои партийные нужды последнего времени.

Проект устава нового профессионального союза был одобрен, принят и предназначен к представлению на регистрацию.

Собранные финансовой комиссией деньги дают возможность приступить к изданию профессионального журнала. Издателя и редактора такового подыскать до времени собрания не удалось. Никто из присутствующих не согласился взять на себя обязанности, хотя и предлагалось эти обе должности объединить в одном лице. Решено было в конце концов искать издателя на стороне.

Вслед за сим постановлено было всеми мерами и средствами поспешить с популяризацией идей этого союза в рабочей среде, дабы этим самым мысль об этом союзе сделать общественным достоянием, заинтересовать и рабочую массу и широкие общественные круги, и, таким образом, если это будет необходимо, предупредить возможность отказа в регистрации этого нового и для организации рабочего движения столь необходимого, легального прикрытия».

Разумеется, дальше благих пожеланий дело не пошло. Правительство могло еще допустить существование ликвидаторских групп, но никак не массовой рабочей организации, которая могла бы, сплотив распыленную массу, поставить ребром вопрос о продолжении войны и о самом существовании самодержавия. Возрождение союза металлистов могло иметь место лишь после того, как новый подъем рабочего движения разрушил окончательно твердыню самодержавия и очистил поле для свободного классового строительства пролетариата.

Федор Булкин *(Семенов).*

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ.

ПРОТОКОЛЫ ОБЩИХ СОБРАНИЙ РАБОЧИХ ЗАВОДА П. В. БАРАНОВСКОГО

(за июнь—октябрь 1917 года) [1].

ПРОТОКОЛ № 14

Общего Собрания рабочих завода П. В. Барановского, состоявшегося 16-го июня 1917 года в 4 часа дня, под председательством тов. Крайнева.

Порядок дня:

1) Доклад совета Р. и С. Д.
2) Организация демонстрации.
3) Текущие дела.

1. Доклад Совета решено отложить.

2. Для общего руководства демонстрацией рабочих завода П. В. Барановского избран большинством голосов тов. Крайнев, а наблюдение за порядком шествия поручено старостам, как это и было ранее в подобных случаях.

Лозунги на знаменах от рабочих завода П. В. Барановского, утвержденные общим собранием, нижеследующие:

Долой контр-революцию:

Долой 4-ю Думу и Государственный Совет.

Долой 10 министров-капиталистов.

Долой союзных империалистов, стоящих за спиной организующейся контр-революции.

Долой капиталистов, организующих итальянские забастовки и скрытые локауты.

Вся власть Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Да здравствует контроль рабочих над прозводством и распределением продуктов.

Долой недемократические пункты в декларации прав солдата.

[1]) Они выпукло и ярко дают представление о настроении рабочих масс в этот период.